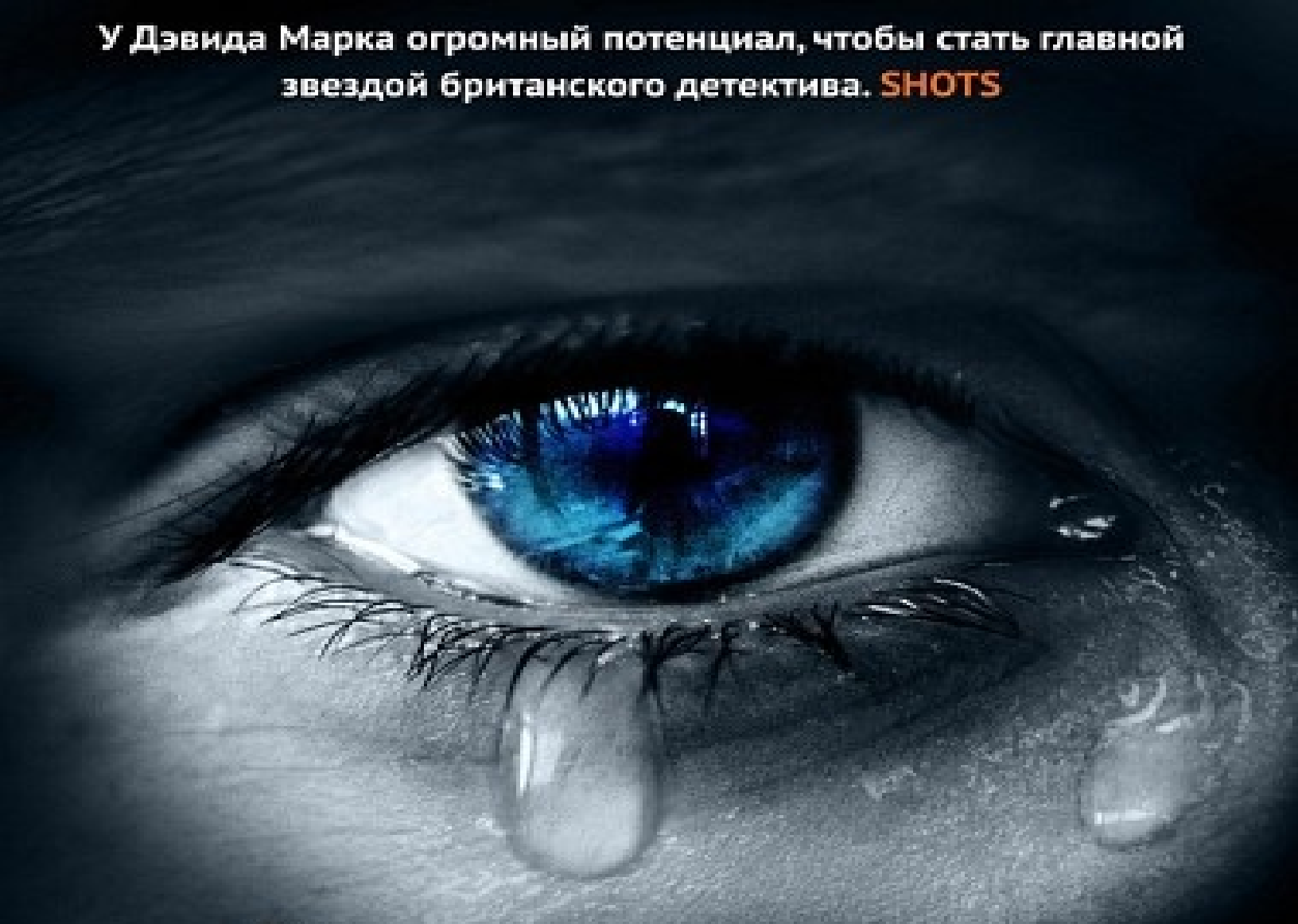

У Дэвида Марка огромный потенциал, чтобы стать главной звездой британского детектива. **SHOTS**

Посмотреть ему в глаза
и умереть

СУМЕРКИ ЗИМЫ

ДЭВИД МАРК

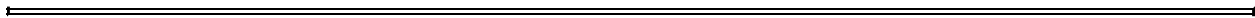
Annotation

В портовом Гулле, десятилетиями не знавшем снега, метель. Снег сыплет который день, небо цвета ртути низко нависло над землей, в городе ночь сменяется сумерками, которые сменяются ночью. Зимние сумерки и в душе Эктора Макэвоя, детектива из убойного отдела Гулля. Дома его ждут красавица-жена и очаровательный маленький сын, в отделе его уважают, хотя сторонятся, но ему не дает покоя прошлое, оставившее отметины на его теле... Серия подозрительных смертей происходит в этом городе на севере Англии. Старый рыбак погибает в открытом море; девочка-подросток заколота на ступенях церкви после рождественской службы; алкоголик сгорел заживо при странных обстоятельствах... Между этими смертями нет ничего общего. Но на взгляд Эктора Макэвоя, рыжего гиганта с кроткими глазами, есть. И пусть ему никто не верит, он убежден, что это не простые убийства. Он ведь и сам чуть не стал жертвой — столкнувшись с убийцей, лицо которого было спрятано под маской, оставлявшей открытыми лишь глаза. Голубые глаза, полные слез...

- [Дэвид Марк](#)
 -
 - [Пролог](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)

- [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
- [Часть третья](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
- [Часть четвертая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
- [Эпилог](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)

◦ [23](#)

Дэвид Марк

Сумерки зимы

*Моим бабушкам и дедушкам посвящаю —
отменным рассказчикам*

*Не действует по принуждению милость;
Как теплый дождь, она спадает с неба
На землю и вдвойне благословенна:
Тем, кто дает и кто берет ее.*

Уильям Шекспир «Венецианский купец»^[1]

THE DARK WINTER

DAVID MARK

Книга издана с любезного согласия автора и при содействии
Литературного агентства Эндрю Нюрнберга

Copyright © 2012 by David Mark

***Стремительный, непредсказуемый, с харизматичным героем, с
тревожной атмосферой — все как надо в этом дебютном романе.***

В портовом Гулле, десятилетия не знавшем снега, метель. Снег сыпет
который день, небо цвета ртути низко нависло над землей, в городе ночь
сменяется сумерками, которые сменяются ночью. Зимние сумерки и в душе
Эктора Макэвоя, детектива из убойного отдела Гулля. Дома его ждет
красавица-жена и очаровательный маленький сын, в отделе его уважают,
хотя сторонятся, но ему не дает покоя прошлое, оставившее отметины на
его теле...

Серия подозрительных смертей происходит в этом городе на севере
Англии. Старый рыбак погибает в открытом море; девочка-подросток
заколота на ступенях церкви после рождественской службы; алкоголик
сгорел заживо при странных обстоятельствах... Между этими смертями нет
ничего общего. Но на взгляд Эктора Макэвоя, рыжего гиганта с короткими

глазами, есть. И пусть ему никто не верит, он убежден, что это не простые убийства. Он ведь и сам чуть не стал жертвой, столкнувшись с убийцей, лицо которого было спрятано под маской, оставлявшей открытыми лишь глаза. Ярко-синие глаза, полные слез...

Тревожный и стильный детектив выдающегося криминального репортера. В детективном жанре появился новый оригинальный голос. Герой Дэвида Марка сложен, неординарен и очень интересен. Британский детектив в лучших традициях. ***Publisher's Weekly***

Сумасшедший сюжетный темп, яркие персонажи и неотразимый главный герой — чрезвычайно многообещающий старт. ***The Guardian***

Оригинально и увлекательно. Дэвид Марк — исключительный талант. ***Вэл МакДермид***

Первый кандидат в детективном жанре на коронацию, будущим детективщикам придется бороться за определение «новый Дэвид Марк». ***Bookpage.com***

Дэвид Марк разворачивает действие своего детектива в местах, идеальных для нуара — удаленный от всего на свете Гульль, где вечные дождь и ветер служат отличным саундтреком для загадочных историй. Самые настоятельные рекомендации. И в нетерпеливом ожидании следующей книги. ***Euro Crime***.

Виртуозно-мастерский роман с жестким детективным сюжетом, лирической линией героя и интеллектуальными ребусами. ***Daily Mail***

У Дэвида Марка огромный потенциал, чтобы стать главной звездой британского детектива. ***Shots***

Роман, в котором бушуют чувства, от любви до ненависти. ***I Will Read Books***

«Сумерки зимы» — не просто детектив, в романе ставится очень сложный и серьезный вопрос о том, что есть милосердие. ***Fife Leader***

Безусловно, скоро по Галлю будут бродить туристы, привлеченные сюда детективами про Эктора МакЭвоя. На литературной карте скоро появится еще один город. ***Seven***

Идеально кинематографический стиль. *South Wales Echo*

Марк родился в 1977 году в самой неудобной части Соединенного Королевства — в графстве Камбрия, что на северо-западе Англии, где практически круглый год льют дожди и дуют сильнейшие ветра. Д. Марк 12 лет работал криминальным репортером для разных региональных изданий, сотрудничество с провинциальными газетами не помешало ему стать авторитетом в этой области, фактически звездой криминальной журналистики национального масштаба. «Сумерки зимы» — его дебютный роман, которым открывается детективная серия про сержанта Эктора МакЭвоя. Обивать пороги издательств и литературных агентств Дэвида Марку не пришлось — за его дебютную книгу боролись сразу несколько крупных английских издательств, и в результате права на нее были проданы с аукциона за очень немалую сумму. Книга сразу вызвала огромный интерес в Англии. Главное книжное телешоу страны «Книжный Клуб Ричарда и Джуди» выбрало детектив Дэвида Марка детективом года. Первый тираж в 200 000 экземпляров разошелся практически мгновенно. И это при том, что «Сумеркам зимы» пришлось конкурировать с «Исчезнувшей» Гиллиан Флинн, на раскрутку которой были потрачены деньги, сравнимые с годовым бюджетом скромной страны. С самого начала Дэвида Марка стали называть сменой уставшему Йену Рэнкину, который как раз тогда заявил, что он завершает серию про своего героя инспектора Ребуса. В 2013 году вышла вторая книга Дэвида Марка про Эктора МакЭвоя, а в 2014-м — третья. И в том же году права на экранизацию книг купила одна из основных британских телекомпаний. В начале 2016 года должен выйти первый сезон детективного сериала про Эктора МакЭвоя.

Дэвид

От журналистики Дэвид теперь отошел, сосредоточившись на книгах. Живет он с подругой, двумя детьми и двумя собаками на перестроенной ферме, отстоящей на несколько миль от ближайших соседей — идеальное место, чтобы писать стильные, мрачноватые и идеально британские детективы. Тем более, что и увлечения писателя способствуют этому — книги, виски и бокс по телевизору.

Пролог

Старик поднимает взгляд, и на короткий миг чудится, будто его глаза бессильны что-либо различить. Сорок пролетевших лет мешают ему рассмотреть сидящую перед ним журналистку.

— Мистер Стейн? — Теплая ладонь заботливо касается костлявого колена. — Поделитесь воспоминаниями о тех минутах?

Нужно усилие, чтобы перебраться из прошлого в настоящее.

Он моргает.

Стариковская боязнь растерять остатки памяти. Он приказывает себе собраться.

Ты все еще здесь, твердит он про себя. Ты еще живой.

— Мистер Стейн? Фред?

Ты живой еще, упрямо повторяет он. Сухогруз «Карла». Семьдесят миль до побережья Исландии. Последнее интервью на камбузе, въевшаяся в стены вонь горелого масла и пережженного кофе; рокот дизеля и ошметки пены; удушливый запах давно не мытых тел и созревшей шерсти.

Так много воспоминаний.

Старик опять моргает. Уже входит в привычку. *Что-то нет слез,* думает он. *А поплакать не мешало бы.*

Женщину он видит ясно. Журналистка сидит на краешке стула подавшись вперед — прямо как жокей в седле. Тянет микрофон к его лицу; так малыши суют взрослым леденец, чтобы поделиться.

Глаза закрываются, и воспоминания накрывают его волной.

Он вновь молод, готовится к восемнадцатичасовой вахте, натягивает джемпер, затвердевший от рыбьих кишок и засохшей слизи. Греет ладони кружкой чая и глотает овсянку, торопливо набивая желудок. Все тело болит. И пальцы, сколько ни грей, точно чужие. Слышит голос шкипера. Нервные окрики. Орудует багром. Тесаком. Рубит лед. Летящие во все стороны куски могут раскроить череп, если вовремя не увернуться. Он чувствует, как судно начинает...

— Ветер, шум, — говорит старик, и упрятанные в карман куртки пальцы сами собой скрещиваются, касаясь шелковистой пачки «Бенсон энд Хеджес». Застарелая привычка, память о католическом воспитании.

— Сможете описать этот шум?

— Все равно что в доме посреди пустоши, — говорит он, щуря один глаз. — Ветер налетал со всех сторон сразу. И выл. Ревел. Бросался, точно

хотел разнести нас в щепы. Да я сам ходуном ходил от ветра. Дрожал, что твой камертон, вместе с палубой, хоть и стоял чертовым столбом как вкопанный, как примерзший намертво.

Журналистка кивает оператору, просит продолжать съемку. Отличный персонаж этот милый старикан в костюме с благотворительной распродажи и в галстук с эмблемой «Кингстон Роверс»^[2]. Неплохо держится, учитывая, что ему пришлось пережить. Холод переносит получше, чем она. Да и качка ему нипочем. Желудок у него явно луженый. Она-то едва справляется с тошнотой — с того момента, как они вошли в этот атмосферный фронт, а пребывание в засаленной кухне, до потолка заляпанной брызгамистряпни, только усугубляет ситуацию, но другого помещения, способного вместить их троих и аппаратуру, на сухогрузе попросту нет. «Камбуз, не кухня», — с дотошностью профессионала поправляет она себя.

— Продолжайте, мистер Стейн.

— Если начистоту, голубушка, то я помню сапоги, — говорит старик, глядя в сторону. — Сапоги моих корешей. Как они скрипели. Наверху, на палубе. Они свистели. Резиновые подошвы повизгивали на досках. Раньше я такого не слышал. Восемь лет на тральщиках, и сроду не слышал ничьих шагов. Мотор да генераторы не давали. А в ту ночь слышал. Ветер стих, будто нарочно, чтоб я услышал, как топочут подметки. Мило с его стороны, да? Сволочь, а не ветер. Он словно дух переводил, готовясь расправиться с нами. А я стоял там и думал: «Я слышу сапоги». Даже сорок лет спустя помню, как повизгивали. Визжали эти сапоги, черт бы их драл. С тех пор не переносу скрип резины. В дождь из дому не выйду. Стоит слышать, как подошва скользит на чем-то мокром, у меня сразу ноги подкашиваются. Даже думать об этом не желаю. Вот что в том рейсе было неправильно. Не волны.

Не клятая погода. А то, как «велли»^[3] скрипели по мокрой палубе, чувство такое, будто слышу их до сих пор...

Она понимающе кивает в ответ. Кэролайн. Тридцать с хвостиком. Большие деревянные серьги и мальчишечья стрижка. Глядеть особо не на что, зато в себе уверена и схватывает все на лету. И накрашена по высшему классу — как дикторша из теленовостей. Лондонский акцент и дорогущее кольцо на пальце с малость облупившимся за время плавания маникюром.

— Потом ветер опять припустил, — продолжает старик. — Сидишь будто в жестянке, по которой кто-то лупит крикетным молотком. Нет, хуже. Будто на аэродроме, откуда взлетают сразу сотни самолетов. И тут на нас

покатили волны. Пена замерзала еще в воздухе, ощущение, словно тебя колнут миллионом иголок сразу. Лицо и руки исколоты. А глаза точно кто-то заталкивает внутрь головы. Шагу сам сделать не могу. Швыряет туда-сюда, колотит обо все, что подвернется. Чертов пинбол, и я внутри него. Так и болтался, дожидаясь, когда все закончится. Уж точно сломал пару костей, да только боли не было. Будто не мог переживать все сразу. Короче, только шум да холод. И словно тебя рвет на части.

Довольна теперь, думает он. *Нравится ей.* Да и он сам чувствует гордость. Уж сорок лет минуло с той поры, как он пересказывал эту историю без пинты в руке, — да и та кружка с чаем, в которую он вцепился пухлым, мраморно-розовым кулаком, уже остыла, так ни разу и не поднесенная к губам.

— И когда же был отдан приказ покинуть судно?

— Все так перемешалось. Темно было. Огни-то погасли, как мы налетели на скалы. Видели когда-нибудь снег вперемешку с морской пеной, да еще в темноте? Все равно что внутри телевизора без антенны. Там и распрямиться во весь рост не выйдет. Кто его разберет, где верх, где низ...

Старик проводит рукой по щеке. Ловит одинокую слезу. Смотрит на нее, обвиняюще застывшую на узловатых, обветренных костяшках. Давно он не видел собственных слез. С самой смерти жены. Слезы и тогда подкрались внезапно. После похорон. После поминок. Когда все разошлись по домам, а он взялся перемыть посуду, смахнуть крошки да корки в мусорное ведро. Слезы хлынули, точно кто-то отворил шлюзы. Они текли так долго, что под конец он уже удивленно смеялся, стоя над раковиной в кухне и воображая два крана по обе стороны носа: осушал тот самый океан, от которого отказался ради нее.

— Мистер Стейн...

— На том и покончим, голубушка. Передохните, лады? — Голос сиплый. С отзвуком сигарет и горького пива. Старик вдруг начинает дрожать. Так и трясется внутри своего костюма с вытертыми до блеска рукавами и пузырями на коленях. И потеет в придачу.

Кажется, Кэролайн готова возразить. Объяснить, что для этого они и устроили съемку. Что любые переживания в кадре помогут зрителям понять, как глубоко затронули его бывшие события. Но вовремя обрывает себя, сообразив, что это прозвучит так, словно она советует шестидесятирехлетнему мужчине расхныкаться перед камерой.

— Завтра, голубушка. Сразу после как-его-там.

— Ладно, — кивает она и знаком показывает оператору: сворачиваемся. — Вы ведь в курсе, что будет, так?

— Не сомневаюсь, вы подскажете.

— Так. Капитан согласился выделить нам час на месте крушения. Встанем напротив, погода будет не ахти, но на церемонию времени хватит. Закутайтесь потеплее, ладно? Как договаривались, простой венок с памятной табличкой. Мы отснимем, как вы бросаете его за борт.

— Вот и хорошо, голубушка, — говорит он, и собственный голос уже не кажется знакомым. Какой-то писк. Почти как резиновая подошва на мокрых досках.

Грудь вдруг стискивает боль. Старик дарит репортерше улыбку доброго дедушки, желает покойной ночи и, не обращая внимания на протесты коленных суставов, отрывается от твердой спинки стула и вразвалку двигается к распахнутой двери. Три шага. Он протискивается в узкий коридор и торопится к палубе — уже много лет не ходил так быстро. Кто-то из команды идет навстречу. Кивнув, улыбается и дает дорогу старику. Бормочет что-то по-исландски и ухмыляется, но Фред не в том сейчас состоянии, чтобы припомнить хоть пару слов языка, которым уже десятки лет не пользовался, так что моряку в оранжевой робе он отвечает лишь сдвленным кашлем.

Он не может дышать. По руке, по плечам растекается острая боль.

Хрипя, хватая ртом воздух, топая по ступеням, он вываливается на палубу, точно рыба из сетей, и, крепко зажмурившись, набирает полную грудь леденящего, ревущего ветра.

Палуба пустынна. Позади него горой громоздятся контейнеры, которые супертанкер сбросит уже через три дня. Ближе к носу судна светятся желтые квадраты рубки. Бледное свечение галогенных ламп размытыми кругами лоснится на зеленой палубе.

Старик смотрит на воду. Гадает, как теперь выглядят его товарищи. Лежат ли скелетами на дне, или море разметало кости, перемешало. Думает, не перепутались ли ноги Джорджи Бланшара с ногами Арчи Картрайта. Эти двое никогда не ладили.

Старик представляет себе собственный труп — там, на дне.

Размышляет о том, как бездарно растратил сорок краденых лет.

Лезет в карман и вытаскивает сигареты. Многие годы минули с тех пор, как ему приходилось чиркать спичкой при пятибалльном шквале, но он еще не запамятовал, как прятать пламя в кулак, как затягиваться сигаретным дымом. Привалившись спиной к планширю, он оглядывается, наводя порядок в мыслях. Смотрит на сгрызенный ноготь луны, скользящий вниз к подушке туч. Смотрит на пляску белых отсветов, которые судно оставляет на черной воде.

Почему именно ты, Фред? Почему ты вернулся, а они — нет? Почему...

Завершить мысль Фреду не удастся. Он так и не докурил сигарету. Так и не бросил в море венок с табличкой, прощаясь с восемнадцатью сотоварищами, которые не вернулись живыми из того рейса.

Ему показалось, что судно налетело на мель. Его швырнуло вперед. Ударило о поручень, выбило из легких воздух, протаранило грудь осколком сломанного ребра. Ноги ослабели, на губах запузырилась кровь. Он сполз на колени, затем на живот, пытаясь пальцами уцепиться за скользкую палубу. От падения осколок ребра отломился, и агония внутри полыхнула алым, на мгновение рассекла туман сознания, заставила открыть глаза.

Он попытался приподняться, оторваться от палубы. Позвать на помощь.

И тогда чьи-то сильные руки сгребли его, словно лопатка повара — распадающийся кусок жареной трески. Всего какой-то миг, единственный миг он смотрел в глаза человеку.

А затем — ощущение полета. Нет, неуклюжего падения. Холод, сопротивление воздуха. Ветер в ушах, брызги на лице.

Удар.

Ломающий кости, рвущий внутренности удар о днище небольшой деревянной лодки, пляшущей на волнах цвета эля.

Приоткрываясь болезненными толчками, глаза его увидели, как удаляется судно. Притупленное сознание все-таки уловило, что крошечная спасательная шлюпка болтается в открытом океане.

Старик был слишком слаб, чтобы копаться в памяти, но по мере того, как по телу его разливался холод, а со всех сторон надвигалась чернота, в мозгу все отчетливее стучала мысль о том, что все это уже было.

Что все это с ним не впервые.

Часть первая

Глава 1

14.14, Холи-Тринити-сквер. Две недели до Рождества.

Воздух пах снегом. Покалывал язык. Металлический привкус, просто ощущение на нёбе. Холодное, ментоловое. Чуть отдает медью.

Макэвой вдохнул поглубже. Заполнил себя воздухом. Бодрящим, насыщенным воздухом Йоркшира. Соль и брызги с побережья; дымок с нефтеперегонных заводов; жженные какао-бобы с шоколадной фабрики; едкий запах комбикормов, поутру разгруженных в доке; сигареты и жареная пища городских бедняков — в воздухе собран весь этот крепко облажавшийся город.

Вот он, Гуль. Дом.

Макэвой смотрел на небо, исполосованное лохмотьями облаков.

Холодно, как в могиле.

Поискал взглядом солнце. Покрутил головой туда и сюда, пытаюсь отыскать источник яркого, водянистого света, что растекался по рыночной площади, оставляя в тени окна кофеев и пабов, взявших в кольцо суету городского сердца. Улыбнулся, найдя-таки солнце, скромно уместившееся позади церкви, — оно было точно прибито к небу острием церковного шпиля, укрыто накидкой из строительных лесов и брезента.

— Еще, папа! Еще!

Макэвой опустил взгляд на сына. Скорчил зверскую гримасу.

— Прости, отвлекся.

Поднял вилку и просунул очередной кусок шоколадного торта в широко открытый рот малыша. Следил, как тот жует, глотает и снова распахивает рот — совсем как птенец в ожидании кормежки.

— Вот ты кто! — засмеялся Макэвой, решив, что Фину понравится такое сравнение. — Птичка-невеличка, ждешь червячка.

— Фьють-фьють! — пискнул Финли, хлопая руками-крыльями. — Хочу еще червяка.

Макэвой фыркнул, сгреб остатки торта с блюда и поцеловал сына в лоб. Фину тепло в его курточке с начесом, на голове у него вязаная шапка с помпоном, так что Макэвою не уловить восхитительного запаха детского шампуня. Он подавил искушение сдернуть с Финли шапку и вдохнуть аромат свежескошенной травы и медовых сотов, неизменный запах рыжей шевелюры сына, но на летней террасе модного кафе, сверкавшей гляncем столов и металлическим блеском стульев, стоял лютый холод, так что он

лишь пощекотал сынишку под подбородком и порадовался его улыбке.

— А когда мама вернется? — спросил Фин, вытер лицо уголком бумажной салфетки и слизнул с губ шоколадную крошку.

— Скоро. — Макэвой глянул на часы. — Она отправилась за подарками для папы.

— Подарками? А за что?

— Я ведь был хорошим мальчиком.

— Как я?

— Точно, — снова расмеялся Макэвой. — Я был очень-очень хорошим. Рождественский Дед принесет мне целый мешок подарков. Много-много-много.

Через две недели Рождество, и Фин найдет под серебристыми ветвями и красной мишурой искусственной елки горку аккуратно завернутых, с любовью украшенных свертков. Подарки потянут на месячный заработок Макэвой, не меньше. Половину гостиний их ничем не примечательного дома на две семьи, недавно возведенного в северной части города, заполняют футбольные мячи, солдатики да обновки. Они начали покупать все это еще в июне, незадолго до того, как Ройзин обнаружила, что снова ждет ребенка. Такие траты им не по карману. Даже и половина не по карману. Но он знал, как жена любит Рождество, а потому кредитной карточке пришлось несладко. Для Ройзин — все что угодно. Рождественским утром в собственном чулке она обнаружит платиновое ожерелье с гранатами. А потом красную кожаную куртку, которая окажется в самый раз, когда Ройзин сбросит послеродовой жирок, и коллекцию дисков со всеми сериями «Секса в большом городе», и билеты на мартовский концерт UB-40. Конечно, Ройзин заверещит от восторга, ему так нравится этот ее щебет. Подбежит к зеркалу и примерит куртку прямо поверх мешковатой футболки, поверх большого живота. Ее милое, с тонкими чертами лицо озарится улыбкой, и Ройзин осыплет мужа поцелуями, совсем позабыв, что Рождество — детский праздник и что их сын еще не успел сорвать обертку с первого своего подарка.

Ощувив на груди вибрацию, Макэвой отвлекся от этих мыслей и достал из внутреннего кармана два тонких мобильных телефона. Мимолетное разочарование — вибрировал «домашний» аппарат. Сообщение от Ройзин: *Я такое купила... Тебе понравится! Хххх.* Усмехнувшись, он отправил строчку поцелуев в ответ. И тут же услышал презрительный голос отца: *Слюнтяй дерьмовый!* Стряхнул этот голос пожатием плеч.

— Глупенькая у тебя мама, — сообщил он Фину, и тот серьезно кивнул

в ответ.

— Да, — подтвердил мальчик, — она такая.

Чтобы Макэвой заулыбался, ему достаточно мельком подумать о жене. Говорят, любить по-настоящему — значит заботиться о ком-то больше, чем о себе самом. Бессмыслица. Для Макэвой первый встречный важнее его самого. Да он жизнью пожертвует ради спасения незнакомца. Но его любовь к Ройзин столь же совершенна и невообразима, как и она сама — изящная, страстная, верная, отважная. Сердце его в надежных руках.

Какое-то время Макэвой бездумно смотрел перед собой, на церковь. Он всего пару раз бывал внутри. За те пять лет, что протекли с их переезда в Гуль, он успел побывать в большей части заметных зданий города. Они с Ройзин однажды ходили в собор на часовое выступление Кёльнского филармонического оркестра. Его концерт мало тронул, но жена была счастлива. Макэвой скучал, листал программку, хлопал по мере надобности, заливал музыку в мозги, как напиток — в пересохшее горло, время от времени поглядывая на Ройзин. Она совершенно растворилась в мощном звучании струнных, призрачным и величественным эхом лившемся на них с арочных сводов.

Когда гул прохожих и транспорта вдруг почему-то стих, Макэвой расслышал голос мальчика-певчего — хрупкие ноты, летящие над площадью. Песня лавировала меж пешеходами, как нить в ткацком станке, заставляя людей оборачиваться, замедлять шаг, обрывать разговоры. Рождественское чудо. Улыбки. Веселые возгласы.

Макэвою вдруг захотелось сводить туда Фина. Постоять при входе, послушать службу. Спеть «Как во царском граде Давидовом», держа сына за руку и глядя, как мерцают на стенах отблески свечей. Когда, сделав заказ, они отошли от стойки кафе, Фин заворуженно смотрел, как скрывается за большими, обитыми железом церковными дверьми хвост процессии певчих и священнослужителей. Смущенный своим невежеством, Макэвой так и не сумел объяснить сыну, почему одеяния такие разные, но их многоцветье только распалило любопытство Фина.

— А зачем там мальчики и девочки? — спросил он, тыча пальцем в хористов, похожих на перечницы в своих красных накидках с белыми воротничками.

Макэвой подсадовал, что не может ответить. Воспитанный в католической вере, он не удосужился разобраться в тайном смысле облачений англиканской церкви.

Макэвой мысленно затянул «узелок на память», пообещав себе исправить это упущение, и обернулся: не видать ли Ройзин? Куда там, ее и

не разглядишь за потоком покупателей, опасливо семенящих по скользкой брусчатке, которая выстилает старый город. В каком-нибудь из ближайших центров, скажем в Йорке или в Линкольне, эти улицы были бы заполнены туристами. Но здесь Гуль. Последняя остановка на пути в никуда, у самой кромки моря, край света.

Вот опять дрожь у сердца. На этот раз вызов по «рабочему» мобильнику. Отвечая, он ощутил, как внутри все сжалось.

— Сержант уголовной полиции Макэвой, отдел борьбы с особо опасными преступлениями. — От названия собственной должности у него до сих пор дух захватывало.

— Расслабься, сержант. Проверка связи. — Это была Хелен Тремберг, высокая женщина, детектив-констебль, пару месяцев назад перевелась сюда из Гримсби, едва успев распрощаться с патрульной униформой.

— Отлично. Что у нас?

— Все тихо, учитывая сезонный всплеск. Выходные, наверное. Город мирно тратит денюжки, так что по мелочам. Домашняя ссора на Беверлироуд, хотим спустить на тормозах. Семейная вечеринка обернулась мордобоем, не более. Да, еще. Пэ-Гэ-Ка интересовался, не найдешь ли ты минутку перезвонить ему.

— Вот как? — Макэвой постарался, чтобы голос звучал ровно. — А что, собственно...

— Не о чем беспокоиться. Вроде бы ты можешь оказать ему услугу. Не кричал, ничего такого. Грязно не выражался.

Оба рассмеялись. Помощник главного констебля — фигура вовсе не зловещая. Костлявый, рассудительный, с тихим голосом и вежливыми манерами, он скорее походил на банковского клерка, чем на грозу карманников; самым заметным его вкладом в работу местной полиции стали внедрение «коллективного доступа к локальной сети» и циркуляр, рекомендовавший сотрудникам воздержаться от употребления бранных слов во время визита принцессы Анны в здание управления на Прайори-роуд.

— Ясно. Значит, ничего срочного?

— Прости, сержант. Я бы и звонить не стала, но ты хотел быть в курсе...

— Нет-нет. Правильно сделала.

Макэвой со вздохом отключил вызов. Его непосредственная начальница, и.о. следственного инспектора Триш Фарао, уехала слушать лекции, а оба инспектора рангом повыше его собственного взяли выходные. Случись что-нибудь из ряда вон, именно Макэвою придется

принять бразды правления. И даже немного стыдясь, он все равно надеялся, что произойдет нечто серьезное, пусть даже все шишки потом и свалятся на него. По твердому убеждению Макэвоя, они неизбежны. Преступление произойдет, не стоит сомневаться. Снег выпадет, так или иначе; вопрос только в том, где именно и какой толщины наметет сугроб.

К столику подошла официантка, обнаженные руки в гусиной коже. Состроила беззлобную рожицу Макэвоем и его сыну.

— Вы что, психи? — спросила она, подчеркнуто дрожа от холода.

— Я не псих, — возмутился Фин. — Сама ты псих.

Макэвой улыбнулся сыну, но одернул: грубить взрослым нельзя.

— Славный выдался денек. — Он перевел взгляд на официантку: черная юбка, черная футболка, на вид немного за тридцать.

— Говорят, снег пойдет, — сказала она, собирая тарелки с остатками шоколадного торта, стакан из-под лимонада и кружку, в которой был горячий шоколад, выпитый Макэвоем в три обжигающетерпких глотка.

— Сегодня слегка припорошит, и только. А через день-другой ждите настоящий снегопад, пару дюймов точно наметет.

Официантка оглядела его. Здоровенный парень, широкая грудь, в дорогом двубортном пальто. Хорош собой, даже буйные рыжие лохмы не портят. Ростом под два метра, но в движениях заметна некая сдержанность — не иначе, побаивается собственных габаритов, тревожится, что сломает или разобьет ненароком что-нибудь. И акцент довольно приметный, то ли «аристократичный», то ли «шотландский».

— Так вы метеоролог? — с улыбкой спросила официантка.

— Я вырос в диком краю. Там у людей есть чутье на такие вещи.

Официантка улыбнулась Фину, кивнула на Макэвоя:

— Значит, у твоего папы чутье на погоду?

Невозмутимо глядя на нее, Фин объявил:

— Мы маму ждем.

— Да что ты? И куда же подевалась мама?

— За подарками для папы.

— Так вы, значит, хорошо себя вели? — с профессиональной игривостью поинтересовалась официантка у Макэвоя. Ее взгляд еще раз пробежался по мощной фигуре, крепкой шее, круглому лицу с квадратной челюстью, словно бы исполосованному тончайшими шрамами.

Макэвой усмехнулся:

— Стараюсь.

Официантка одарила его еще одной улыбкой и поспешно нырнула внутрь кафе.

Макэвой медленно выдохнул. Усадил Фина понадежнее. Из кожаной сумки у его ног достал блокнот и коробку цветных карандашей. «Портфель на лямке», как назвала сумку Ройзин, подарив пару месяцев назад, вместе с модным пальто и целым трио дорогих костюмов. «Просто доверься мне, — сказала жена, стащив с Макэвой затертые черные брюки и отобрав любимую непромокаемую куртку. — Рискни. Хотя ненадолго позволь мне тебя одевать».

Он подчинился. Одевался под ее присмотром. Таскал сумку на плече. Понемногу привык к пальто, которое оказалось теплым, не намокало под дождем, да и благодаря этому пальто поток колкостей в адрес его непокорных рыжих волос почти иссяк.

Макэвой возражал, мол, не одежда красит человека, но Ройзин упорствовала: «Когда люди встречают полицейского, это должен быть человек, с которым нужно считаться. Внушающий доверие. Уверенный в себе и с отменным чувством стиля. Ты ведь не Коломбо. Ты просто плохо одет».

Так сержант уголовной полиции Эктор Макэвой пал жертвой моды. Его появление в Управлении утром понедельника вызвало шквал улюлюканья, возгласов восторга и хорового пения припева из заглавной темы «Сыромятной плети»^[4]. Но все шуточки оказались беззлобными. «Ты и в лучшие времена выглядишь донельзя опасным типом, — привалясь к стене камеры предварительного заключения, заметил детектив-констебль Бен Нильсен, вместе с Макэвоем дожидаясь подозреваемого в краже со взломом. — А теперь и вовсе: загородишь дверной проем, под мышкой дамская сумочка, и бедные уголовники со страху помрут, гадая, застрелишь ты их или отымеешь. С места не сдвинутся».

Макэвою нравился Нильсен. Он был одним из полудюжины новичков, за последние полгода присланных руководством с единственной целью постараться отскрести позорные пятна прошлого. Избавиться от зловонных следов эпохи, одновременно прославившей и ославившей самого Макэвой. Ведь это он — тот самый полицейский, что подвел под увольнение старшего инспектора и спровоцировал внутреннее разбирательство, которое разметало по сторонам компанию нечистых на руку сыщиков из уголовного отдела. Это он умудрился миновать все скандалы и разоблачения, не заработав ни единого нарекания в послужной лист. И это он разделался с Дугом Роупером, едва не погибнув под мостом Хамбер от руки человека, чьи злодеяния останутся известны лишь высшему начальству, что залатало репутацию Макэвой ловчее, чем хирурги из Королевской больницы Гулля латают раненых. И это он отказался принять

предложение о безболезненном переводе в уютный полицейский участок где-нибудь в глубинке. Как результат — работает теперь в команде, которая не доверяет ему. Под началом женщины, которая никогда не повышает на него голос. И изо всех сил старается не выделяться, таская повсюду сумку «Самсонит» с регулируемым ремешком и водонепроницаемыми карманами, будь они неладны...

Фарао пришлось начинать без раскачки. После разоблачения Дуга Роупера главный констебль решил, что старую команду плохиша следует реорганизовать в элитное подразделение, которое будет заниматься тяжкими преступлениями. В убойный отдел, ведомый твердой, опытной рукой и укомплектованный лучшими оперативниками графства Хамберсайд. Никто и помыслить не мог, что рулить убойным назначат Триш Фарао — бойкую на язык, резкую и решительную дамочку из самой глуши графства. Фаворитом считался старший инспектор Колин Рэй — в паре со своей протеже Шарон Арчер, которая стала бы его правой рукой. Вот только главный констебль, которому требовалась эффектная строка в пресс-релизе, остановил свой выбор на Триш. Выписал ее из Гримсби и велел не миндальничать. Заместителями Фарао, впрочем, он назначил как раз Рэя и Арчер, чему те совсем не обрадовались. По слухам, парочке сообщили, что в реальности руководить будут они, а новый босс не более чем вывеска, громоотвод — на случай, если что-то пойдет не так. Триш Фарао, однако, придерживалась иной точки зрения и, увидев шанс выстроить нечто особенное, рьяно взялась отбирать людей в свою команду. Впрочем, на каждого ее новобранца Рэй отвечал собственными назначениями. И вскоре убойный отдел погряз в интригах, разделившись на два враждующих лагеря — упрямых старых вояк Рэя и прогрессивно мыслящих новичков-специалистов, отобранных Фарао.

Макэвой не примкнул ни к одному лагерю. На его визитке значился убойный отдел, но, по сути, он был сам по себе. И о переводе сюда он попросил сам, получив назначение в качестве сдержанной благодарности от высшего начальства. Его перевод стал наградой за то, что он чуть не загнулся при исполнении служебного долга, который никто не просил исполнять.

По правде говоря, в отделе у него была роль полномочного посла и талисмана: образованный, вежливый, внушительной наружности, Макэвой воплощал собой Дивный Новый Мир^[5] полиции Хамберсайда. Он будто был создан для выступлений в Женском институте^[6] и местных школах, да к тому же в конце года на него можно свалить доклад о потребностях

полиции в новом программном обеспечении.

— Пап, ты чего?

Пока Макэвой оглядывал площадь, ощущение скорого снегопада вдруг сгустилось. Он где-то слышал, будто в мороз снегопадов не бывает, но детство, прошедшее в жестких, беспощадных объятиях гор на западе Шотландии, научило его, что никакие морозы снегу не помеха. Еще немного, и холод скует землю. Ветер закружит снежинки, не позволяя им осесть. Поднимется вьюга, слепящая глаза, обращающая пальцы в камни...

По небу Макэвой растекся знакомый металлический привкус, и на миг он подумал, до чего же вкус подступающей метели схож с кисловатым вкусом крови.

И тут раздались крики. Громкие. Истошные. На несколько голосов. Это точно не подвыпившая девица, за которой гонится подруга или которую щекочет ухажер. В криках звенел ужас, будто ночной кошмар сорвался с цепи.

Макэвой развернулся в сторону шума. Движение на площади резко замерло, словно все эти скользящие по брусчатке мужчины, женщины, дети — лишь механические танцоры под крышкой музыкальной шкатулки и теперь их плавное вращение небрежно остановили.

Он привстал, выбрался из-за стола и пристально взгляделся в церковные двери. Шагнул вперед, осознал, что стол по-прежнему цепляется за его ноги. Дернулся, отшвырнул стол и сорвался с места.

Макэвой мчался через площадь, чувствуя движение со всех сторон. «Назад!» — орал он и махал руками, пытаясь остановить зевак, уже подтягивавшихся к церкви Святой Троицы. По жилам повсюду хлестал адреналин, к лицу прилила кровь. И только у церковного крыльца он вспомнил про сына. Дернулся, точно внезапно охромевший конь, конечности тут же налились тяжестью. Обернулся, посмотрел через площадь. Четырехлетний мальчик так и сидел перед перевернутым столом, рот распахнут — не иначе зовет отца.

На какой-то миг Макэвой растерялся, не зная, куда бежать. В буквальном смысле остолбенел от нерешительности.

Из церковных дверей выбежал человек. Весь в черном.

И едва из разверстого зева дома Господня вырвалась эта тень, вопли усилились: в руке, перепачканной красным, что-то блестело. Времени защититься у Макэвой не было. Он лишь успел увидеть, как взлетело вверх лезвие. И опустилось. И вот он уже лежит навзничь, глядя в меркнувшее небо, прислушиваясь к топоту бегущих ног. К далеким сиренам. К голосу рядом. К прикосновению чьих-то рук.

Все будет нормально. Ты только держись. Держись, парень.

И другой голос, сильнее и тверже, как уверенный штрих черного карандаша среди неясной мешанины растушевки. Голос, полный муки:

— Он убил ее. Она умерла. Умерла!

Глядя широко раскрытыми глазами в небо, Макэвой первым на площади заметил, как начался снегопад.

Глава 2

Она лежит там, где упала; перекручена и смята на ступенях алтаря — одна нога задрана вверх, неестественно вывернутая в колене, слетевшая с ноги кроссовка повисла на натянутых чулком пальцах.

Темнокожая девушка, лицо и руки насыщенного цвета темного дерева, запрокинутые ладони светлее — как топленое молоко. Совсем юная. Так и не пережившая муки отрочества. Такой рано покупать сигареты. Рано заниматься сексом. Рано умирать.

Никто не пытался делать искусственное дыхание. Девушка была вся исколота. Давить ей на грудь — что мокрую губку выжимать.

Белоснежная накидка собралась под спиной; плотная чистая ткань, натянувшись, подчеркивала линию маленькой твердой груди.

Алая кровь девушки пропитала облачение только с одной стороны, оставив другую нетронутой. Если бы не гримаса боли, искажившая лицо, могло бы показаться, что чудовищному надругательству подверглась лишь половина ее хрупкого тела.

Лицо же свидетельствовало о другом. Она умерла в агонии. И кровь, залившая щеки, шею, подбородок и губы, выглядела так, будто ее швыряли полными пригоршнями. Она словно окропила девушку мутно-красным дождем, пока та лежала на церковных ступенях, вперив невидящий взор в далекие изгибы сводов и звезды на фреске.

— Бедная, бедная девочка...

Макэвой стоял у алтаря, вцепившись широкой ладонью в деревянную спинку первого ряда скамей. Его душила тошнота, кружилась голова, наливающаяся над глазом шишка мешала видеть. Фельдшер настаивал на немедленной госпитализации и рентгене, но Макэвой, которому служебные травмы не в диковинку, уже разобрался, что удар был хоть и болезненным, но не опасным. А боль можно перетерпеть.

— Легко отделался, сержант?

Голос эхом разлетелся по гулкой каверне пустой церкви. Макэвой обернулся слишком резко, и череп взорвался новым залпом боли. Он опустился на скамью — прийти в себя, пока Хелен Тремберг идет по центральному проходу. Дурнота не отступала.

— Прошу прощения, детектив-констебль Тремберг?

— Мне сказали, он и тебя мог порезать. Повезло.

Щеки горят, вся наэлектризована. Уже час, как Хелен превратила

комнатку священника во временный штаб, полицейскими в форме она распоряжалась на редкость уверенно, и кто-то из молодых констеблей уже назвал ее «мэм», посчитав Тремберг большой шишкой. Ей это понравилось. Как и нравилось все остальное: раздавать указания, выслушивать доклады, следить за исполнением. Десяток полицейских уже сняли с прихожан первую стопку показаний, добыли имена с адресами у тех, кто не мог пока прийти в себя от потрясения и внятно рассказать о виденном.

— Он ударил меня рукояткой, а не лезвием.

— Наверное, ты ему приглянулся. Ведь тебя проще прикончить, чем вырубить. Шок, времени нет, в руке мачете. И все же он бьет в глаз рукояткой, вместо того чтобы полоснуть? Шанс на миллион.

Макэвой смотрел на носки своих ботинок, дожидаясь, пока в голове не стихнет пульсация.

Он уже предвкушал пересуды. С его репутацией офисного грызуна, знатока сводных таблиц и баз данных, компьютеров и технологий — и чтоб именно его вырубил на месте преступления главный подозреваемый? Да он уже слышал смешки.

— Твой малыш нормально добрался домой?

Макэвой кивнул. Сглотнул, откашлялся.

— Ройзин забрала. За Фином присмотрела официантка. Думаю, теперь они оба меня ненавидят.

— Официантка?

Макэвой усмехнулся:

— Ага, и она, наверное, тоже.

Они молчали. Тремберг впервые разрешила себе взглянуть на тело девушки. Покачав головой, отвела взгляд. Уткнулась в блокнот. Все по правилам, никаких промашек. Хелен никогда не нервничала на месте преступления, но в этом Макэвое ее что-то смущало. И дело не в том, что он такой здоровенный. Была в нем какая-то меланхолия, некое подспудное, спрятанное внутри напряжение, отчего чувствуешь себя с ним неуютно. И это при том, что Тремберг отлично ладила с парнями в Управлении. Она с ними на равных, травит, как и все, анекдоты, может перепить большинство коллег-мужчин — свежа как огурец, когда они уже под столом валяются.

Но с этим сержантом все как-то иначе, она не понимает, как держать себя с ним. Макэвой все принимает слишком близко к сердцу и прямо помешан на правилах. Что относится, помимо прочего, к заполнению бланков, к ссылкам на верные параграфы с перечислением пунктов, к использованию политкорректных выражений по отношению к каждому подонку, с которым им придется иметь дело.

Тремберг знала, что у Макэвой есть тайны. Год назад в Кантри-парке произошло нечто странное. Одному именитому копу это «странное» стоило работы, а самого Макэвой на долгие месяцы уложило на больничную койку. Он перенес опасное ранение, это ей известно. Тонкие шрамы остались на лице и, говорят, под дорогими шмотками, в которых Макэвою, похоже, не особо уютно. Тремберг влилась в команду Фарао всего за пару недель до того, как Макэвой вернулся с больничного, и предвкушала знакомство с героем. Но первая же встреча разочаровала. Она увидела маленького человека, заточенного в исполинском теле. Макэвой оказался скромным тихоней — этакий клерк, трепыхавшийся в шкуре колосса. И эти глаза! Большие, исполненные грусти телячьи глаза. Казалось, они ни на миг не перестают сомневаться, оценивать, отвергать и осуждать. Временами он напоминал ей престарелого шотландского короля, укутанного в плед, с мечом на коленях: то и дело кашляет, шмыгает носом, но все еще способен махнуть древним орудием и одним ударом обезглавить быка.

Тремберг в упор разглядывала напарника. Остается лишь на небеса уповать, что им удастся хоть немного продвинуться, прежде чем старший инспектор Колин Рэй и его ручная тюлениха ворвутся сюда и испортят все веселье.

Макэвой встал. Распрямился, ухватившись за скамью. Заметил, что в поисках поддержки его ладонь легла на томик Библии в кожаном переплете.

— Никакого милосердия, — пробормотал он.

— Сержант?

— В уме не укладывается, — тихо сказал Макэвой. Шея, лицо его были красными от напряжения. — Почему ее? Почему здесь? Почему теперь? — Он взмахнул похожей на лопату пятерней. — И зачем?

— Мир жесток, — пожала плечами Тремберг.

Макэвой, не поднимая головы, гладил обложку Библии.

— Глава и стих, — прошептал он.

— Ее звали Дафна Коттон, — заговорила Тремберг уже не таким скребущим голосом, будто скорбной сцене удалось смягчить ее. — Пятнадцать лет. Четыре года прихожанка этой церкви. Приемный ребенок...

— Не так быстро, — попросил Макэвой. У него логический склад ума, но разбираться в деталях куда проще, если те занесены в блокнот по порядку. Ему нравится процесс следствия, стройность последовательных заметок. Но из-за боли в голове и тумана в сознании он не знал, что именно удержится в памяти. — Дафна Коттон, — повторил он. — Пятнадцать.

Удочерена. Она местная?

Тремберг с недоумением глянула на него:

— Сержант?

— Здесь у нас черная девочка, детектив-констебль Тремберг. Может, она родом с другого континента?

— А ведь и верно. Не имею понятия.

— Ясно.

Оба разочарованы в себе и друг в друге. Макэвой беспокоило мелькнувшее слово — «черная». Не стоило ли воспользоваться профессиональным арго? Может, вообще не нужно упоминать цвет кожи? Это профессионализм или обычный расизм? В полиции найдется еще пара человек, кому свойственно обременять себя подобными сомнениями, но если бы не Ройзин, умеющая успокоить, Макэвой давно бы нажил язву, изводя себя такой чепухой.

— Итак, — он еще раз оглядел тело девушки и перевел взгляд вверх, к церковным сводам, — что сказали свидетели?

Тремберг сверилась с блокнотом.

— Она служка, сержант. Из тех, что несут свечи во время шествия. Сидят перед алтарем, пока идет служба. Принимают посох, который протягивает священник, и убирают подальше. В общем, сплошь церемонии и пышные жесты. Большая честь, надо думать. Она занималась этим с двенадцати лет. — Неприкрытый сарказм в голосе Тремберг не оставлял сомнений, что ее собственные религиозные убеждения недалеко ушли от агностицизма.

— Не часто посещаешь воскресные службы? — с усмешкой спросил Макэвой.

Тремберг фыркнула:

— В моем семействе, сержант, воскресенья были для другого таинства — «Формулы-1». Правда, соблюдали мы их истово.

В дальнем конце центрального прохода под внезапным порывом ветра хлопнула дверь, и в ритмичных вспышках синих огней Макэвой успел заметить надгробные камни и ворота, рождественские гирлянды и полисменов в форме. Он ясно представил происходящее. Сумерки. Констебли в желтых дождевиках приматывают сине-белую ленту оцепления к кованым воротам. Выпивохи из паба напротив глазят поверх ополовиненных кружек, а автомобили едва не сталкиваются перед церковью, скрежеща тормозами; взволнованные водители выскакивают к домочадцам, топчущимся на заснеженной площади, чтобы увезти их наконец прочь от пережитого ужаса.

— Значит, убийца точно знал, что найдет ее здесь?

— Если целью была именно Дафна, сержант. Жертву он мог выбрать и случайно.

— Справедливо. На обратное что-нибудь указывает?

— Пожалуй, нет. Хотя у меня есть показания Юэна Лича, который вспомнил, как нападавший оттолкнул двух других служек, чтобы добраться до нее, но в такой суматохе...

— А остальные что говорят?

— Ничего определенного. У алтаря неожиданно возникла чья-то фигура, и уже в следующий миг подозреваемый повалил девушку и принялся ее кромсать. Может, что-то прояснится, когда свидетели соберутся с мыслями, но им потребуется время.

— Патрульные молчат? Никто не видел убийцу?

— Как в воду канул. Слишком ветрено для вертолета, да и поздно уже. Но, учитывая кровь, которой он был залит, кто-то мог запомнить...

— Хорошо.

Макэвой посмотрел на Тремберг. Если сравнивать с Ройзин, внешность Хелен особо примечательной не назовешь, но, на вкус Макэвой, таким лицом запросто мог бы заинтересоваться художник. Тонкие, эльфийские черты и круглая голова — как ужин гурмана посреди простецкой тарелки. Высокая и атлетичная, на вид тридцать с хвостиком, одевается неброско, не выставляет себя ни объектом вожделения для коллег-мужчин, ни соперницей для женщин с более агрессивным складом ума. С нею не скучно, она предприимчива, умеет ладить с людьми и, хотя едва заметное подергивание уголков губ выдает ее охотничье возбуждение, Макэвою нравится апломб, которым она маскирует волнение.

— А ее близкие, они были в церкви?

— Нет. Хотя обычно приходят. Причетник сказал, они друзья церкви, что бы сие ни значило. Во всяком случае, сегодня Дафна была одна. Родные высадили ее неподалеку, домой собиралась вернуться самостоятельно, — по словам другого служки, парнишки постарше. Хочет стать священником. Или викарием. Не знаю, в чем там разница.

— Но им сообщили? Родители знают?

— Да, сэр. Мы уже связались с семьей. Я решила, ты захочешь пообщаться с ними сразу, как только очухаешься.

Макэвой скупно усмехнулся. Он доволен, что успел подняться: останься он сидеть, колени уже запрыгали бы от чувства, которое человек не столь педантичный назвал бы «волнением». Но это вовсе не нервы. Это предвкушение. Он желает знать, кем была Дафна Коттон. Желает знать, кто

убил ее и почему. Хочет понять, как вышло, что лезвие мачете миновало его самого, Эктора Макэвой. И почему в глазах убийцы стояли слезы. Желает доказать, что ему по силам разобраться в этом деле, что он больше чем просто «коп, скинувший Дуга Роупера».

Макэвой оглядел церковь, это величественное, вселяющее благоговейный трепет пространство. Останется ли оно прежним? Смогут ли прихожане вновь занять свои места на скамьях и не вспомнить, как из рядов паствы выскочил убийца и расправился с девушкой в тот момент, когда она, со свечой в руках, служила в храме?

Он зажмурился. Провел ладонью по лицу. Вновь открыв глаза, увидел перед собой гигантского золоченого орла со сложенными крыльями. Задумался о значении образа. Что делает здесь орел — у края нефа, повернутый к готическим ступеням, ведущим на кафедру? Интересно, кто поставил здесь птицу и зачем? Мысли мелькали все быстрее. Значит, так. Убийство в церкви, за две недели до Рождества. Он невольно сморщился, вспомнив, как менее двух часов назад пение церковного хора выплескивалось на площадь, согревая сердца всем, кто его слышал. Что должна была ощутить Дафна Коттон в те кошмарные секунды, когда объятия веры, хранившей ее саму и других прихожан, пробил холодный клинок?

— Машина уже ждет, сержант, — нетерпеливо сказала Тремберг. — Бен Нильсен мчится сюда, чтобы организовать опрос свидетелей. Мы вызвали детских психологов, которые поговорят с мальчишками из хора. Кажется, у них был наилучший обзор, у бедняжек...

Макэвой направился было к выходу, но тут во внутреннем кармане ожил мобильник. Дрожь в руке выдавала растущую тревогу. Самому надо было связаться с начальством! Доложить обстановку, привязать свое имя к расследованию этого дела. Но, пока балом правила неопытная детектив-констебль Тремберг, сам он валялся на носилках в «Скорой помощи».

— Сержант уголовной полиции Макэвой.

— Макэвой? Говорит помощник главного констебля Эверетт. Что у вас там? — Голос натянут и суров.

— У нас все под контролем, сэр. Мы уже на пути к родственникам убитой...

— Кто это «мы»?

— Детектив-констебль Хелен Тремберг и я, сэр...

— Не Фарао?

Макэвой с трудом сглотнул.словно кто-то льет ледяную воду в пустой желудок, и тот сразу сводит судорогой.

— Следственный инспектор Фарао проводит выходные на курсах, сэр. И я, как старший по званию дежурный офицер...

— Фарао мне уже звонила, Макэвой. Отменила свои курсы, едва услышав о новостях. Это ведь убийство, сержант. В самой большой, самой старой церкви города. В той церкви, где крестили Уильяма Уилберфорса^[7]. Какой-то псих зарезал девочку на глазах у прихожан? Ситуация требует свистать всех наверх, дружище.

— Значит, вы хотите, чтобы я ввел ее в курс событий сразу, как только поговорю с семьей девочки?

— Нет. — Ответ Эверетта настолько категоричен, что Макэвою даже смешно становится при мысли, что он мог вообразить себя во главе расследования.

— Да, сэр? — упавшим голосом произнес он, расстроившись, как школьник, которому сообщили, что в футбольную команду его не берут.

За его спиной Тремберг сунула в рот две подушечки жевательной резинки и принялась ожесточенно работать челюстями, уже сообразив, к чему ведет разговор.

— У меня к тебе другое поручение, Макэвой. Насчет чего я просил перезвонить, — продолжил Эверетт.

— Да, сэр, мне передали вашу просьбу, но....

— Теперь уже неважно, да у тебя и своих забот хватало. Зато теперь, раз уж ты не занят следствием, сумеешь мне помочь. Точнее, окажешь услугу.

Глаза Макэвой закрываются. Он едва слышит Эверетта.

— Если это в моих силах, сэр.

— Превосходно. Так вот, мне звонил приятель из Саутгемптона. Похоже, с одним старичком из тамошних краев произошел несчастный случай, пока тот снимал документальное кино далеко в море. Ужасно, ужасно. Старик родом из наших мест, и семья имеется. Сестра в Бифорде. По идее, кто-то из констеблей мог бы заехать и сообщить ей дурные вести, но эта дама, как бы выразиться... — Эверетт вдруг запнулся, как стеснительный гость, произносящий тост на свадьбе. — Видишь ли, она замужем за вице-председателем комитета при полицейском Управлении. Крайне важная леди. Они с мужем большие сторонники новшеств, которые программа развития сил правопорядка рассчитывает продвинуть в ближайшие годы. И поскольку ты всегда так здорово ладишь с людьми...

В ушах у Макэвой что-то шипит, сердце бьется о грудную клетку. Ноздри заполняет запах крови. Приоткрыв глаза, он видит, как Тремберг шагает прочь, в походке ее угадывается презрение. Она-то найдет способ

попасть в команду Фарао.

Делай, что умеешь, Макэвой. Будь мягок, прояви сочувствие. Исполняй прихоти Эверетта. Не высовывайся, тяни лямку, отрабатывай жалованье. Люби жену...

— Да, сэр.

Глава 3

Макэвой сбросил скорость до двадцати миль в час. Шурился в темноту, пока дворники угловатого седана грязными полосами размазывали сверкающие на лобовом стекле капли дождя. Глаза напряженно вглядывались в ночь, окутанную декабрьской промозглостью. Напрягшись, он различил гнезда дроздов на нижних ветвях придорожных деревьев. Мертвые, сгнившие стебли борщевика и льнянки переломленными копьями торчали вдоль размытых обочин. Сзади по мокрому гравию что-то прошелестело, наверное, кролик — в запотевшем зеркале мелькнула светлая тень.

Уже шесть вечера. От дома Макэвой на севере Гулля до Бифорда двадцать миль вдоль побережья, и возвращение впотьмах займет никак не меньше часа. По дороге в центральный участок придется проехать мимо дома, досадливо подумал Макэвой, но главный констебль недавним приказом запретил оставлять служебный автомобиль до утра без письменной санкции; скорее всего, для директивы имелись веские причины, а потому придется ей следовать.

Справа в полосе зелени возник просвет, и Макэвой мягко направил неуклюжую машину в пустоту, которую уже давно выискивал. Весенним днем здешний пейзаж наверняка радует акварельными переходами — коричневые оттенки вспаханной земли и нежность взошедшей кукурузы, но в этом стигийском мраке^[8] одна лишь пустынная унылость. Наконец под колесами захрустел обнадеживающе твердый гравий подъездной дороги, и Макэвой с облегчением выдохнул: из темноты выплывала громада шиферно-серого загородного дома.

Вспыхнул сенсорный фонарь, и Макэвой припарковался на овальной площадке, рядом с грязным внедорожником. На заднее крыльцо вышла пожилая дама. Несмотря на выражение недоумения, лицо ее было красиво. Хрупкая, держится прямо. неброские украшения — очки для чтения в дизайнерской оправе, хрустальные серьги от Сваровски, легчайший след розовой помады — подчеркивают тонкие, правильные черты. Коротко стриженные волосы словно нарисованы карандашом. На женщине теплая безрукавка поверх огненно-рыжего свитера; безупречно отглаженные брюки цвета морской волны заправлены в толстые шерстяные носки. В руке — бокал с едва заметным мазком красного на доньшке.

Макэвой открыл дверцу машины, и порыв ветра едва не сорвал с его

шей галстук.

— Это частное владение, — сказала дама, нагнувшись к паре «Веллингтонов», стоящих у двери. — Вы заблудились? Должно быть, искали поворот на Дрифилд-роуд?

Макэвой чувствовал, как по щекам карабкается теплая волна румянца. Захлопнул дверцу прежде, чем стопка листов на пассажирском сиденье затеяла играть с ветром в догонялки.

— Миссис Стейн-Коллинсон? Барбара Стейн-Коллинсон?

Женщина остановилась, не дойдя до машины.

— Да. А что случилось?

— Миссис Стейн-Коллинсон, я сержант уголовной полиции Эктор Макэвой. Быть может, зайдем в дом? Боюсь, у меня...

Она качнула головой, но жест был адресован не полицейскому. Женщина словно обращалась к своим мыслям. Воспоминаниям. Лицо ее смягчилось.

— Фред, — сказала она. — Допрыгался старый дурак.

Макэвой пытался поймать взгляд женщины, чтобы успокоить, заставить выслушать, — обычно это получалось у него неплохо, но женщина смотрела в сторону. Ситуация с самого начала складывалась неловкая, и Макэвою стало не по себе — ведь, по мнению начальства, именно для таких дел он и годится в первую очередь. Застыв на месте, он смотрел, как на гравий ложатся снежные хлопья. Осторожно хлопнул носом — холод уже аукнулся насморком.

— Так его уже нашли, верно? — наконец спросила женщина.

— Быть может, мы могли бы...

Пронзительный взгляд заставил Макэвою осечься. Она стояла напротив, ожесточенно качала головой, отчего очки съехали с носа, тонкое лицо словно вдруг огрубело. Точно кусая воздух, женщина выкрикнула:

— На сорок чертовых лет опоздал!

— Могу я попросить вас снять ботинки? У нас в кухне бежевый ковер.

Макэвой наклонился и принялся распутывать размокшие тройные узлы на шнурках. Быстро оглядел маленькую прихожую. Никаких резиновых сапог в поле зрения. Никаких собачьих корзин. Никаких мусорных мешков или грозящих обвалом газетных штабелей, предназначенных для растопки. *Приезжие*, подумал он.

— Ну, — сказала женщина, возвышаясь над ним, точно королева, намеревающаяся возвести его в рыцарское достоинство, — и где его нашли?

Макэвой скосил глаза вверх, лицо ее он мог нашарить взглядом, лишь вывернув шею, но тогда придется развязывать шнурки на ощупь.

— Если вы дадите еще секунду, миссис Стейн-Коллинсон...

Она оборвала его просьбу раздраженным вздохом. Макэвой представил, как посуровело ее лицо. Интересно, что хуже — сообщить ей подробности в этой нелепой позе или же заставить дожидаться, пока он снимет ботинки?

— Фреда Стейна нашли в семидесяти милях от берегов Исландии, — сказал он, постаравшись вложить в голос побольше сочувственных ноток. — Он так и находился в шлюпке. Ее заметили с проходящего мимо грузового судна, и спасатели сразу же отправились на место.

Наконец ему удалось стащить один ботинок, перепачкав, правда, пальцы. Он исподтишка вытер их о брючину и принялся за второй.

— Полагаю, старый дурень устроил себе экзамен на выживание, — тихо произнесла она. — Ни за что не принял бы таблетки. Только не наш Фред. Хотел почувствовать то же, что чувствовали они. В жизни бы не догадалась, что он задумал такое. Да и кто догадался бы? Всегда такой весельчак, шутки-прибаутки, вечно всех угощает...

Совладав со вторым ботинком, Макэвой поспешно распрямился. Женщины рядом уже не было, и он с облегчением покинул прихожую. Как ни странно, в просторной кухне царил беспорядок, скорее характерный для комнат в студенческом общежитии. Вокруг глубокой керамической раковины под большим окном без занавесок громоздились стопки немых тарелок, конфорки плиты у дальней стены заляпаны жиром и чем-то вроде соуса для спагетти. Вся поверхность квадратного дубового стола, стоящего в центре комнаты, занята газетами и счетами, а на драгоценном ковре, уже много лет как не особенно бежевом, тут и там красуются кучки смятого белья, явно ждущего стирки. Цепкий полицейский взгляд Макэвой подметил подсохшие капли вина на донцах бокалов, выстроенных у раковины. Даже пивные кружки с выдавленными в стекле логотипами пабов использовались, похоже, для распития кларета.

— Вот и он сам, — сказала миссис Стейн-Коллинсон, кивая на стену позади Макэвой.

Он обернулся и оказался перед целой галереей лиц — на десятке пробковых досок как попало понатыканы, приклеены скотчем, пригвождены фотографии. Черно-белые вперемешку с цветными, снимки за последние полсотни лет.

— Вот, рядом с нашей Элис. Внучатая племянница Питера, если не путаю. Вон тот, похожий на кота, упившегося сливками.

Макэвой взгляделся в снимок, на который она указывала. Красавец с роскошной черной шевелюрой, зачесанной назад, на манер старых рокеров, держит пинту пива и ухмыляется в объектив. По одежде ясно, что снимок сделан в середине восьмидесятых. Значит, ему здесь тридцать с чем-то. Как и самому Макэвою сейчас. В расцвете сил.

— Хорош собою, — заметил Макэвой.

— А он в этом и не сомневался, — ответила миссис Стейн-Коллинсон. Черты ее лица смягчились, она погладила фото бледными пальцами в кольцах. — Бедный Фред. — Она обернулась к Макэвою, словно впервые его заметив: — Хорошо, что вы приехали. Не очень-то приятно услышать такое по телефону. Да еще когда Питер в отъезде.

— Питер?

— Мой муж. Сказать по правде, он плотно работает с полицией. Может, вы его знаете? Много лет заседал в совете при полицейском Управлении, пока не устал от всего этого. Он ведь уже не так молод.

Упоминание о полицейском Управлении было сродни пощечине. Макэвой перевел дух. Пора сделать то, зачем явился сюда.

— Да, мне известно, с какой самоотверженностью ваш муж отдавал свои силы, поддерживая полицию. Едва узнав печальные новости о мистере Стейне, помощник главного констебля Эверетт попросил меня приехать и лично известить вас. Если потребуется, мы готовы прислать высококлассного специалиста по психологической поддержке, и он...

Миссис Стейн-Коллинсон остановила его улыбкой, от которой лицо ее снова сделалось красивым. И полным жизни.

— Нет нужды. — Она нахмурилась. — Простите, как, вы сказали, вас зовут?

— Сержант уголовной полиции Макэвой.

— Нет, ваше имя?

Теперь уже нахмурился Макэвой.

— Эктор. Для англичан то же, что и Гектор. Хотя большой разницы нет, разве что в написании.

— Кому-то теперь несдобровать, верно? — вдруг спросила Барбара Стейн-Коллинсон, словно вспомнив, зачем этот человек стоит, в носках, посреди ее кухни. — То есть мы не хотели, чтобы Фред плыл туда, но он уверял, что о нем позаботятся. Должно быть, задумал все, сразу как они с ним связались. Мы знали, конечно, как глубоко его затронула та старая трагедия, но для меня это все равно потрясение. Вот уж не думала, что он решится, хотя...

Макэвой нахмурился, отодвинул от стола один из стульев и без

приглашения сел. Миссис Стейн-Коллинсон удалось его озадачить. Его заинтриговала история ее брата, этого пижона с фотографии, история со съемками для телевидения и норвежским танкером, выудившим из свинцово-серого моря спасательную шлюпку.

— Простите, миссис Стейн-Коллинсон, но меня лишь в самых общих чертах ознакомили с делом. Быть может, вы смогли бы прояснить обстоятельства трагедии, к которой имел отношение ваш брат...

Миссис Стейн-Коллинсон испустила долгий вздох, наполнила свой бокал, подошла к столу, убрала со стула стопку белья и села напротив Макэвой.

— Если вы не из местных, то вряд ли слышали про «Ярборо», — начала она. — Четвертый по счету траулер. Ушел на дно последним. Три остальных утонули в 1968 году. Столько жизней. Столько молодых парней. Газеты лишь об этом и писали. До них наконец дошло то, что мы и так давно уже знали. Дьявольски опасная работа.

Она взяла карандаш, лежавший среди бумаг на столе, зажала в пальцах, точно сигарету. Взгляд ее был устремлен в пространство, и Макэвой вдруг увидел в этой богатой даме девушку, выросшую на востоке Гулля. Воспитанную в рыбацкой семье, среди дыма коптилен и вони нестираных спецовок. Барбару Стейн. Для друзей — Бабс. Удачно вышла замуж, обзавелась жильем за городом. Так и не привыкла. Так и не почувствовала себя дома. Держалась поближе к Гуллю, чтобы время от времени звонить маме.

— Прошу вас, — тихо сказал Макэвой, уже безо всякого натужного сочувствия в голосе. После он наверняка упрекнет себя в излишней самоуверенности, но сейчас ему казалось, что он хорошо понимает эту женщину. — Продолжайте.

— К тому времени, как сгинул «Ярборо», газеты были сыты этими историями по горло. Как и все мы. Заметка не попала на первую полосу, это случилось лишь потом. Восемнадцать человек, бывалых рыбаков и мальчишек, утащили на дно лед, и ветер, и волны. В семидесяти милях от Исландии. — Она качнула головой. Сделала глоток. — Наш Фред был единственным, кто выжил. Вернулся невредимым, пережив худшую бурю столетия. Сумел забраться в шлюпку и очнулся где-то у черта на куличках. Прошло три дня, прежде чем мы получили весточку. Так что, наверное, именно поэтому я и сейчас не плачу, видите? Я дождалась брата. И Сара, его жена, она получила назад своего Фреда. Газетчики из шкуры вон лезли, пытаюсь разговорить его, но Фред не желал ничего слышать. Не отвечал на расспросы. Брат всего на пару лет старше меня, и мы всегда были близки,

даже если детьми мутузили друг дружку. Это я сняла тогда трубку и услышала, что он жив. Британский консул в Исландии не смог связаться с Сарой, так что позвонил нам. Сначала я решила, это розыгрыш. Потом Фред сам подошел к телефону. Сказал: «Привет», ясно и громко, словно сидел в соседней комнате.

Лицо миссис Стейн-Коллинсон смягчилось, точно она заново переживала то мгновение. Макэвой заметил ее взгляд, брошенный на телефонный аппарат на стене у плиты.

— Даже представить себе не могу, — сказал он. И это была не пустая банальность для поддержания беседы: он действительно не мог вообразить чувство, когда теряешь близкого человека, а потом обретаешь его снова.

— Словом, он вернулся. Шумиха вскоре стихла. Сара попросила его не выходить больше в море, и брат согласился. Не думаю, чтобы уговаривать пришлось долго. Устроился на работу в доках. Проработал там почитай что тридцать лет и вышел на пенсию, вконец подорвав здоровье. Что-то в груди. Ему то и дело звонили — то писатели, то журналисты, кому хотелось услышать его историю, но он всегда отвечал отказом. А потом, когда умерла Сара, думаю, он впервые осознал, что и сам смертен. У них была дочь, но она рано оставила родное гнездо. Так что у брата вдруг зачесались руки. Я вправду думаю, найдись кто желающий взять его, Фред вернулся бы на траулер, да только в наше время таких не сыщешь.

Барбара Стейн-Коллинсон попыталась привстать, но колено ее явно воспротивилось, и Макэвой, не дожидаясь просьбы, поднялся, шагнул к тумбе, взял бутылку. Наполнил бокал, и женщина поблагодарила его взглядом.

— А недавно он позвонил и сказал, что с ним связались эти телевизионщики. Снимают документальный фильм о Черной зиме, и он поплывет с ними на сухогрузе, чтобы бросить в воду венки и попрощаться с товарищами. Разумеется, это было как гром среди ясного неба. За все годы я почти не вспоминала о том, что случилось, и, думаю, для самого Фреда чудесное спасение превратилось в старую байку, не больше. Он сам как-то сказал, что у него такое чувство, будто все произошло с кем-то другим. Но, наверное, просто прятал все внутри, чтобы однажды отправиться туда и проделать это.

Нижняя губа у нее задрожала, и она вытянула из рукава платок.

— Видимо, за участие в фильме должны были заплатить?

— Ну это уж наверняка. — Барбара Стейн-Коллинсон усмехнулась, глянула на стену в фотографиях. — Он всегда знал, как заработать, наш Фред. И, кстати, умел тратить деньги. Впрочем, рыбный промысел всех

этому учит. Месяц вкалываешь где-то вдалеке, потом трое суток дома. Набитый карман и несколько часов на траты. Их так и прозвали: «миллионеры на три дня».

— Значит, это последнее, что вы слышали?

— От него самого? Да. Но три дня назад нам позвонила женщина из телекомпании. Должно быть, номер значился в его списке контактов на экстренный случай. Она сказала, что Фред исчез, одна из спасательных шлюпок тоже пропала, что его ищут. И что разговоры о случившемся давались Фреду с трудом. Что она обязательно свяжется с нами. Вот, собственно, и все. По-моему, просто глупость: спустя столько лет? Погибнуть в море, как и его товарищи?..

Она замолчала, не сводя с Макэвой настороженных голубых глаз.

— Прозвучит ужасно, Гектор, но почему он просто не наглотался таблеток? Зачем эти выкрутасы? Думаете, он чувствовал себя виноватым? Захотел уйти, как и его друзья в шестьдесят восьмом? Сдается мне, леди с телевидения на то и намекала, да только на Фреда это попросту не похоже. Он сделал бы все тихо, без лишнего шума. Он обожал сыпать небылицами, производя впечатление на дам, но даже не пожелал говорить с газетчиками, когда все случилось, — так зачем было устраивать теперь такую драму?

— Возможно, потому он и согласился сниматься? Чтобы попасть туда, где затонул траулер?

Долгий ответный вздох шел из самой глубины ее существа. Будто она хотела полностью очистить легкие.

— Возможно. — Она осушила бокал.

— Я очень вам сочувствую, миссис Стейн-Коллинсон.

Она кивнула. Улыбнулась:

— Барбара.

Макэвой протянул руку, его ладони коснулись прохладные, мягкие пальцы.

— И что теперь будет? Говорю вам, эти люди навряд ли окружили его заботой. Он ведь старик, а они позволили ему уйти на палубу и сотворить такое! Мне многое непонятно...

Макэвой поймал себя на том, что согласно кивает. Вопросы имелись и у него. Какая-то мысль скреблась в сознании. Надо бы узнать побольше, докопаться до сути. Нужно рассказать этой милой даме, почему спустя сорок лет после трагедии ее брат погиб — в точности так же, как едва не погиб в молодости.

Он помнил, что не следует обещать, что он обязательно свяжется, когда выяснит, что же произошло. Знал, что не нужно оставлять номер

домашнего телефона и просить позвонить, если она вспомнит еще что-нибудь. Если возникнут вопросы. Или просто захочется поговорить.

Но именно это он и сделал.

Глава 4

Макэвой выдернул мобильник из кармана и вновь прослушал сообщение. Даже искаженное крошечным динамиком, раздражение в женском голосе не спутать ни с чем.

— Макэвой, это опять я. Сколько раз повторять? У меня хватает забот и поважнее, чем за тобою гоняться. Ты нужен нам здесь, так что шевели уже задницей.

Голос Триш Фарао. Последнее сообщение оставлено всего через сорок пять минут после первого, но между ними было еще шесть, включая приглушенный, настороженный шепот Бена Нильсена, рекомендовавший Макэвою немедленно бросить все, чем бы тот ни занимался, иначе он рискует лишиться жизненно важных частей тела.

Перед зданием полиции ошивалось с полтора десятка репортеров, но на него они внимания не обратили, так что Макэвою удалось проскользнуть в большие двойные двери, а затем и в холл приземистого строения из стекла и кирпича, так и не услышав ни единого вопроса.

— Оперативный штаб? — выпалил он.

— Тебе Фарао? — уточнил плечистый, бледный дежурный. Он сидел на вращающемся кресле с кружкой кофе и книгой в твердом переплете. Мускулистый, хотя и не первой молодости, дежурный производил впечатление человека, привыкшего к ритму ночных смен и не намеренного позволить кому-то нарушать заведенный порядок. Воротник форменной рубашки с коротким рукавом туго стягивал шею, отчего казалось, будто круглая голова существует отдельно от тела.

— Точно.

— Пока обустривают. Загляни в старый кабинет Роупера. Дорогу знаешь?

Макэвой посмотрел на него в упор. Попытался понять, не прозвучало ли в голосе ехидцы. Почувствовал, как щеки обдало жаром.

— Как-нибудь найду, — неуверенно улыбнулся он.

— Ха, еще б ты не нашел, — фыркнул дежурный.

Макэвой отвернулся. Он привык к подобному отношению. Привык к презрению и злости, недоверию и откровенной неприязни со стороны той части полицейской братии, которой Дуг Роупер оказывал протекцию.

Он знал, что, если бы не его габариты, многие коллеги уже плюнули бы ему в лицо.

Без спешки он двинулся по коридору, но, скрывшись из поля зрения дежурного, сорвался на бег. Поднялся на этаж, перепрыгивая через две ступеньки. Вдоль по другому коридору. Размытыми кляксами мимо проносились фотоснимки, плакаты, предупреждения и призывы, наклеенные на доски объявлений и прямо на обшарпанные стены.

Голоса. Крики. Топот. Грохот. Сквозь двойные двери красного дерева, напрямик в львиное логово.

Макэвой уже поднял руку, чтобы постучать, как дверь кабинета рывком распахнулась. Из комнаты вылетела разъяренная Триш Фарао, договаривая на бегу:

— ...им давно пора это понять, Бен.

Миловидная женщина сорока с чем-то лет, она больше походила на уборщицу, чем на старшего следователя. Росту в Триш едва за оговоренный инструкцией минимум, пухленькая, с длинными черными волосами, которые раз в полгода подвергаются стрижке-укладке, а в остальное время прозябают безо всякого ухода. У нее четверо детей, и она изливает на своих подчиненных ту же смесь нежности, гордости и агрессивного недовольства, которую отработала на отпрысках. Триш не держит дистанции с подчиненными, не чурается флирта и до одури пугает молодых коллег мужского пола, распространяя на них своеобразные чары из разряда «мама-твой-лучший-друг». Макэвою она напоминала персонажа Анны Бэнкрофт в «Выпускнике»^[9]. Обручальное кольцо на пальце, хотя среди фотографий на ее рабочем столе не было снимка мужчины.

Увидев Макэвою, Триш резко остановилась, и детектив-констебль Нильсен по инерции ткнулся ей в спину. Развернувшись, она обожгла его взглядом, а потом ощерилась на Макэвою:

— На ловца и зверь!

— Мэм, я находился в зоне плохого радиоприема, выполнял особое задание помощника главного констебля Эверетта, и...

— Тсс. — Триш приложила палец к губам, а затем выставила перед собой ладони; глаза ее были зажмурены, она выжидала, как будто считала до десяти.

Какое-то время все трое — детектив-констебль Нильсен и сержант Макэвой, словно непутевые, нескладные ученики-прогульщики, и их расстроенная учительница — молча стояли в коридоре.

Наконец Триш выдохнула.

— В общем, ты уже здесь. Не сомневаюсь, причины у тебя имелись. Бен тебе все расскажет, и сразу садись за базу данных. Телефоны уже навряд ли чем-то помогут, но нам нужно поскорее забить всех прихожан в

эту твою таблицу. Я ведь не ошибаюсь, для того она и предназначена? Тьма свидетелей из самых разных кругов. Связи между...

— Да-да, — заторопился Макэвой, — почти как диаграмма Венна^[10]. Выясняем все, что можно, об определенной группе людей, загружаем данные в систему и отслеживаем все параллели или, точнее сказать, нахлесты, и...

— Договорились! — улыбнулась Фарао. — Я и говорю, Бен введет тебя в курс наших дел и возьмет твои показания.

— Мэм?

— Ты и сам свидетель, Макэвой. Ты видел преступника. Черт возьми, да тебе по морде дали орудием убийства! И о чем вы оба только думали, ты и Эверетт, когда...

— Я выполнял приказ, мэм.

— Так выполняй мой. — Глянув на часы, Триш Фарао добавила: — Планерка ровно в восемь, — и быстро пошла по коридору, стуча каблуками байкерских сапог.

Детектив-констебль Нильсен, приподняв бровь, оглядел Макэвоя. Они напоминали подростков, которым сошла с рук очередная выходка; в ярко освещенную комнату они вошли, не в силах скрыть довольных улыбок.

Детективы-констебли Хелен Тремберг и Софи Кирклэнд сидели за одним столом, вперясь в раскрытый ноутбук. Софи жевала ломоть пиццы, небрежно тыча им во что-то на экране. Во всем кабинете это был единственный компьютер. В остальном — пусто, если не считать старых папок с бумагами и разнокалиберных мусорных пакетов, которые, кажется, уже не первый месяц подпирают тут стену.

— Президентские апартаменты, — сказал Бен, подводя Макэвоя к полукругу пластиковых кресел у окна.

— Похоже на то. Почему здесь? Отчего не у нас на Прайори?

— Говорят, так удобнее. Приказ с самого верха. Думаю, там вообразили себе заголовки.

— Какие, например?

— Да обычную хрень. Мы прохлаждаемся в восьми милях от места преступления, когда ближайший участок всего в трех сотнях ярдов оттуда.

— Но ведь на Прайори есть все необходимое, — возразил Макэвой. — И как только Фарао решилась?..

— Она ни при чем. Спросить ее, так это полный идиотизм. Но ей пришлось срываться с места в карьер. И не успела она толком набрать темп, как помощник главного констебля издал пресс-релиз: следствие координирует местная полицейская команда, из городского центра.

— Значит, мы догоняем ушедший поезд?

— На долбаном трехколесном драндулете, сержант.

Макэвой вздохнул. Плюхнулся в кресло с твердой спинкой, посмотрел на часы.

— Что нам известно?

— Точно известно следующее. — Нильсен открыл блокнот. — Дафна Коттон, пятнадцать лет. Проживала в Фергус-гроув, Хессл, с Тamarой и Полом Коттон. Милое местечко, сержант. На съезде с шоссе. Дом с террасой, три спальни. Большой сад перед домом, задний двор. Знаешь эти дома? Друг за дружкой, неподалеку от кладбища?

Макэвой кивнул. Еще когда Ройзин носила Фина, они ездили туда смотреть жилье. Он решил, что такой дом им не подойдет. Мало места для парковки и слишком тесная кухня. Хотя район очень даже ничего.

— А братья? Сестры?

— Отдел по родственным связям уже выясняет, но лично я — не думаю. Ее родители немолоды. Белые, скорее всего.

Макэвой прищурился:

— Как это?

— Она приемная дочь, сержант, — пояснил Нильсен.

— Ее могла удочерить и темнокожая пара, констебль, — сказал Макэвой.

Нильсен посмотрел на потолок, точно впервые обдумывал такую возможность.

— Да, — согласился он, — и такое не исключено.

Оба какое-то время сидели молча, размышляя. Вслушиваясь в голоса коллег. Хелен Тремберг зачитывала имена прихожан, а Софи Кирклэнд распределяла свидетелей между сотрудниками уголовного отдела.

— Но не в этом случае, — сказал Нильсен.

— Не в этом, — согласился Макэвой, а про себя добавил, что надо бы расслабиться и не раскрывать рта, пока не потребуется сказать что-то стоящее.

Нильсен выдержал почтительную паузу. Затем широко улыбнулся и заговорил:

— В общем, ее родители, понятное дело, в шоке. Их там не оказалось, видишь ли. Обычно мать ходит на службу вместе с Дафной, но сегодня занималась подготовкой рождественской пирушки. Отец был на работе.

— В субботу? Где же он работает?

— У них транспортная фирма, грузовые перевозки, вроде того.

Резко развернувшись, Бен окликнул Хелен Тремберг:

— Чем занимается папаша, Хеллс-Беллс?^[11]

Хелен оттолкнулась от стола и катнула свое кресло к мужчинам. Улыбнулась Макэвою:

— Все-таки с нами, да?

Макэвой постарался сдержать довольную ухмылку. Он вдруг ощутил теплоту к ней, да и к Бену тоже. Не хочется признавать, но он разволновался. Хорошо снова быть в команде.

— Логистика, значит? — уточнил он подчеркнуто ровным голосом.

— Если верить веб-сайту, они доставляют гуманитарную помощь в труднодоступные места. Контракты с разными благотворительными организациями. Помните, мы относим старые свитера и всякое прочее в пункты, где женщины суют их в большие мешки? Ну вот, такие компании доставляют все барахло туда, где люди в нем нуждаются. Товарняками, по морю, по воздуху.

— Ясно. — Макэвой пометил у себя в блокноте. — Продолжай.

— Ну, короче говоря, у этой пары был собственный ребенок, но он умер. Лейкемия. В общем, Дафну удочерили через международное агентство, когда ей было десять. Целый год ушел на оформление бумаг, но здесь все в полном порядке. Она родом из Сьерра-Леоне, кстати. Потеряла родных в геноциде. Трагичная история.

Макэвой кивнул. Он мало что помнил о политической подоплеке давних вооруженных конфликтов. В памяти засели лишь размытые телевизионные картинки об изуверствах. Невинные жертвы, жизнь которых проходит под градом пуль и ударами лезвий.

— А что означает мачете? Не совсем обычное орудие, верно?

— Фарао тоже интересовалась, — ответил Нильсен. — Уже выясняем.

— И они регулярно посещают церковь? Как она сделалась служкой?

— Видимо, она с самого начала была верующая. Сама из религиозной семьи. Все те ужасы, какие она повидала в родных краях, не отвратили ее от Бога. Мать Дафны — ее приемная мать — отвела дочь в церковь Святой Троицы, когда показывала город в день ее приезда, и та решила, что в жизни не видела ничего прекраснее. С тех пор она часто туда возвращалась. По словам матери, в день, когда Дафна начала помогать во время службы, ее гордости не было предела.

Макэвой попытался составить мысленный портрет Дафны Коттон. Девочки, которую вырвали из жути гражданской войны, нарядили в белое одеяние и позволили держать свечу во время богослужения.

— У нас есть фото? — тихо спросил он.

Хелен встала, быстро прошла к столу и тут же вернулась с цветной

фотокопией семейного снимка. Улыбающаяся Дафна зажата между приемными родителями — низенькими, толстенькими, седеющими. Бридлингтонское побережье на заднем плане. Какая-то зловещая, неестественная синева неба. Вся картинка чересчур глянцевая, едва ли не слишком идеальная. Макэвой спросил себя, кто мог сфотографировать. Что за бедняга, проходивший мимо, сделал снимок, который теперь стал фиксацией трагедии? Макэвой сделал собственный мысленный снимок. Спрятал его в память. Теперь эта улыбающаяся, счастливая девчушка — его представление о Дафне Коттон. Наложил его на окровавленный, изломанный труп. Определил ее смерть в раздел трагедий, где ей и место.

— Значит, в церкви она бывала часто?

— Три вечера в будни и дважды по воскресеньям.

— Самоотверженно.

— Еще бы, но Дафна была умницей. Не забывала про домашние задания. Училась исключительно на пятерки, по словам матери. С учителями мы еще не говорили.

— Какая школа?

— «Хессл». Недалеко от дома, ходила пешком. Рождественские каникулы начинаются со вторника.

— Нужно поговорить с ее подругами. Учителями. Всеми, кто ее знал.

— Как раз этим мы с Софи и заняты, сержант. Поделити обязанности, — с притворным смирением сказала Тремберг. Точно попросила старенького папашу не беспокоиться: обо всем уже позаботились.

— Отлично, отлично, — пробормотал Макэвой, пытаясь навести порядок в мыслях.

— Может, снимем твои показания, сержант? Лучше сразу с этим разобраться, завтра будет не до того.

Макэвой кивнул, уже сообразив, что его собственный вклад в расследование ограничится свидетельскими показаниями и знаменитой системой учета данных. Но он уже просунул ногу в эту дверь, и шанс принести пользу, поймать убийцу пока не упущен. Макэвой мысленно вернулся на несколько часов назад, в кровавый хаос на площади. К тому мигу, когда мужчина, лицо которого было спрятано под балаклавой, выскочил из церкви и посмотрел ему прямо в глаза.

— Есть что-то определенное, сержант? — спросил Нильсен без особой надежды в голосе. — Какая-то черта, которую ты смог бы узнать?

Макэвой прикрыл глаза. Позволил лицу в маске всплыть в сознании. Отодвинул от себя мороз, летящий снег, крики прохожих. Сосредоточился

на одном моменте. На одной картинке. Одной сцене.

— Да, — сказал он и внезапно понял, что это важно, очень важно. — Он плакал.

Вглядываясь в голубые радужки, застывшие на мысленном кадре, казалось, он различал собственное отражение во влажных зрачках. С сухих губ сорвался едва различимый шепот:

— Почему ты плакал? И по кому?

Глава 5

Дом к северу от города, к востоку от всего остального; три поворота налево и один направо сразу за границей нового участка — кварталов, возведенных для молодых семей по плану, который мог бы соорудить ребенок с листом миллиметровки и коробочкой домиков для игры в «Монополию».

Три спальни. Черепичная плитка в шахматную клетку. Терраса, крышу которой подпирают крашеные шпалы, и задний дворик в девять бетонных плит. Вся отделка — унылая безликость, в расчете на людей, покупающих через агента, не глядя.

Вот и дом, подумал Макэвой; до смерти уставший, он сонно припарковал свой минивэн у обочины, глядя на жену — кинозвезду в прямоугольной афише окна. Она ждала его с сыном на руках, оба махали папочке.

Поздно. Слишком поздно, и Фину давно пора спать. Должно быть, вздремнул вечером. Теперь не уснет всю ночь, будет прыгать на родительской кровати, примерять отцовские ботинки и топать в них по кухонному линолеуму, давя воображаемых чудищ.

Это ради него Ройзин уложила мальчика поспать днем, чтобы вечером Фин был полон сил и смог поднять папочке настроение, когда тот вернется после работы, с головой, разрывающейся от напора мыслей.

Ройзин распахнула дверь, и Макэвой не смог решить, кого целовать первым. А потому обнял сразу обоих. Ощутил, как к щеке прижалась голова Фина. Другой щеки коснулись губы Ройзин, мягкие и теплые. Он притискивал жену и сына к себе, а рука Ройзин мягко гладила его по спине. Макэвой вбирал их тепло, вдыхал его запах.

— Прости меня, — прошептал он, не совсем уверенный, кому именно: жене, или мальчику, или мирозданию.

Наконец он отстранился. Ройзин шагнула назад, пропуская мужа в маленькую прихожую, упиравшуюся в лестницу. Закрыв дверь, он повернулся и смахнул со стены рисунок, которому от него доставалось чуть ли не каждый день уже два года — все то время, что семья жила в этом доме, который он впервые может назвать собственным. Супруги привычно рассмеялись. Макэвой нагнулся, поднял рисунок и неуклюже повесил обратно на гвоздь. Карандашный набросок горного склона, выполненный неуверенной, неопытной рукой. Когда-то, пока воспоминания детства

оставались символом счастливых времен, рисунок многое значил для Макэвой, но теперь, после появления в его жизни Фина, рисунок потерял свое значение. И после появления Ройзин, конечно.

Как же она красива. Худенькая и темноволосая; происхождение выдает чуточку смуглая, песочного оттенка кожа. Отец Макэвой с первого взгляда определил этот оттенок как «торфяной» — у него это прозвучало комплиментом.

Сегодня на Ройзин облегающий фигуру спортивный костюм, волосы рассыпаны по плечам. В мочках ушей лишь пара маленьких колечек. Прежде их украшали ряды карабкавшихся все выше сережек, но Фин полюбил дергать за них, и в последние месяцы Ройзин пришлось себя ограничить. То же и с золотом, поблескивающим на шее. Она носит две цепочки. На одной качается пластинка с ее именем: подарок отца на шестнадцатилетие. На другой — простая жемчужина, застывшая дождевая капля, которую Макэвой преподнес в их свадебную ночь на случай, если одного только сердца в качестве дара покажется мало.

Не дожидаясь просьбы, Ройзин передает Фина отцу. Просияв, ребенок широко распахивает рот и принимается передразнивать выражение лица Макэвой. Оба хмурятся, ухмыляются, дурашливо плачут, щелкают зубами, изображая монстров, пока не принимаются хохотать, — и Фин извивается в восторге. Наконец Макэвой спускает мальчика на пол, и тот, облаченный в голубые джинсы, белую рубашку и крошечную жилетку, враскачку бежит наверх, тараторя на придуманном языке, который Макэвой, к своему великому сожалению, едва понимает.

— Ты ждала, — заметил он, входя в гостиную.

Ройзин собиралась развесить сегодня рождественские украшения. У них есть пластиковая елка и набор игрушек, полдюжины флажков для веревочки над электрокамином, но все пока лежит в картонной коробке у кухонной двери.

— Без тебя совсем не так весело, — ответила жена. — Сделаем это вместе, как-нибудь потом. Как обычные семьи.

Макэвой снял пальто, бросил на спинку кресла. Ройзин обняла его снова, чтобы ощутить его тело без преграды в виде громоздкого пальто. Макушка жены достает ему до подбородка, и Макэвой целует ее. Волосы пахнут свежей выпечкой, чем-то сладким и праздничным. Пирожками с изюмом, пожалуй.

— Прости, что задержался, — сказал он, но Ройзин притянула лицо мужа к своему.

В ее поцелуях Макэвою чудились вишня и корица. Они так и стояли

неподвижно в обрамлении окна, пока в гостиной не появился Фин и не принялся молотить по отцовской ноге деревянной коровой.

— Это мне дедушка прислал, — похвастался Фин, поднимая игрушку выше. — Корова. Корова!

Макэвой взял ее в руки. Рассмотрел, узнавая почерк резчика. Представил отца: у верстака, стекла очков припорошены опилками, в руках, затянутых в обрезанные перчатки, нож или стамеска, — сосредоточенный на миниатюрных деталях, он вдыхает жизнь в деревянные игрушки.

— А открытка была?

— Все как обычно, — сказала Ройзин, не глядя на него. — Надеется, что Фин вырастет большим и сильным. Что он слушается родителей и ест овощи. И что очень скоро они обязательно встретятся.

Все письма отец Макэвой адресует мальчику. После шумной ссоры, случившейся во время беременности Ройзин, он ни разу не заговорил с сыном, и тот знает: у отца достанет упрямства сойти в могилу, так и не уступив. Будь Макэвой способен думать об отце с обидой, то фыркнул бы: интересно, а кто, по мнению старого дуралея, станет читать его письма четырехлетнему внуку? Но он приучил себя отмечать подобные ехидные мысли.

Макэвой погладил гладкую поверхность игрушки. Словно хотел кончиками пальцев впитать немного мудрости и опыта. Затем протянул фигурку сыну, и тот снова унесся прочь. Проводив Финя взглядом, Макэвой обернулся к Ройзин, вид у него был потерянно-виноватый.

— Ты побежал на крики, Эктор. Ты не мог поступить иначе.

— И кем я себя выставил? Бросил сына, чтобы спасти непонятно кого.

— Ты выставил себя хорошим человеком.

Макэвой обвел взглядом гостиную. Здесь есть все, что ему нужно от жизни. Жена в объятиях и ребенок, играющий у ног. Он втянул в себя воздух, выдохнул и задышал размеренно, глубоко, смакуя каждый глоток этих мгновений. И вдруг уловил нечто чужеродное. Запах. Слабый. Почти неразличимый за привычными домашними запахами пряностей и мыла. Будто мотылек, порхающий на самой кромке обзора. Легчайшее дуновение. Кровь. Вспомнилась Дафна Коттон. Он попробовал вообразить, что переживает ее отец. Попробовал почувствовать этого человека, ощутить с ним связь, передать ему свое сочувствие.

И снова притянул к себе Ройзин.

Он презирал себя за волну тепла, растекшуюся в груди. Как можно быть таким счастливым, когда чей-то невинный ребенок лежит на

прозекторском столе?

Глава 6

08.04. Старый кабинет Роупера в здании на Куинс-Гарденс. Полицейский сходняк.

Зады уперты в столы; ноги покоятся на стульях-вертушках, спины привалились к голым стенам. Полный ассортимент криво заправленных сорочек и галстуков с распродажи в супермаркете. Никто не курит, но в помещении все равно стоит никотиновопивной дух.

Макэвой чинно сидит в центре — по всем правилам, на стуле с твердой спинкой, с ноутбуком на коленях. Галстук туго затянут на болезненно-красноватой после энергичного, беспощадного мытья шее.

Старается не елозить ногами по истертому ковру. Прислушивается к разговорам. Поучаствовать в них у него нет шанса. Как?

Позади шесть часов сна и плотный завтрак, который до сих пор не желает утихомириться в желудке. Каждый выдох — сиплое дуновение омлета и зернового хлеба. В сумке у ног припрятан термос с горячей водой и мятными листочками, но Макэвой не решается отвинтить крышку в этой набитой полицейскими комнате. Он не перенесет едких шуточек. Не стоит привлекать внимание. Не здесь. Не сейчас.

Он посмотрел на часы. *Опаздывает.*

— Так, мальчики и девочки! — Фарао хлопнула в ладоши, ворвавшись в кабинет. — Я с пяти часов на ногах, я ни хрена не завтракала, а через минуту у меня пресс-конференция с кучей задротов, желающих знать, как мы допустили расправу над девочкой в самый канун Рождества. Я бы многое отдала, чтобы ответить: мы уже изловили психа, который это совершил. Да только не смогу. Мы его не поймали. Мы даже не знаем наверняка, что он психопат.

— Ну, я точно не стал бы просить его посидеть с детьми, мэм, — сострил Бен Нильсен, вызвав одобрительные смешки.

— Я тоже, Бен, но уж лучше этот тип, чем ты. Помни, у меня самой имеется дочь-подросток.

Хохот и улюлюканье. Пенопластовый стаканчик полетел в ухмыляющегося Нильсена.

— Я что хочу сказать. — Фарао отбросила волосы со лба. — Мы до сих пор не знаем, было ли убийство случайным. Не знаем, двигали убийцей религиозные мотивы или он попросту терпеть не может церковников. Нам

пока не ясно, была ли Дафна Коттон заранее намеченной жертвой. Откуда взялась маска-балаклава? Зачем прятать лицо, если атака спонтанная? И орудие убийства. Что означает мачете?

— Мы подозреваем проявление расовой ненависти? — спросила Хелен Тремберг под аккомпанемент страдальческих стонов.

— Мы подозреваем все подряд, родная моя. В преступление еще не воткнут флажок «расовая ненависть», но черная кожа жертвы означает, что такую возможность следует учесть.

— Вот же блядство.

Колин Рэй говорит за всех: каждому здесь ясно, чем это грозит. Преступления на расовой почве — готовый рецепт для заголовков на первой полосе и геморроя для полиции. Это активисты с транспарантами у входа; это истеричные требования не только толпы, но и с самого верха раскрыть дело как можно скорее. Начальство все еще вздрагивает, вспоминая, как десять лет назад молодой чернокожий умер в камере предварительного заключения. Пресса не позволила им забыть тот случай. Видеозапись происшествия представили публике в ходе расследования, а потом без перерыва крутили по новостным каналам. На записи четверо полисменов беззаботно болтали, пока парень хрипел, умирая на холодном плиточном полу обезьянника в Куинс-Гарденс.

— В общем, теперь мы на виду, как рыбки в банке, — заключила Фарао. — Нужно по-быстрому раскрыть дело, но стоит помнить о том, что за нами наблюдают. Речь идет о новости национального масштаба. Людям не по вкусу, когда такое убийство портит им праздник. Они хотят, чтобы мы вернули им чувство безопасности. Итак, мальчики и девочки, все случилось около девятнадцати часов тому назад, что дает засранцу неплохую фору. Меньше чем через час в утреннем выпуске новостей прозвучит обращение к свидетелям, и всем вам придется попотеть, отвечая на звонки. Их станут направлять в этот самый кабинет. Вот-вот, в ближайшие полчаса клоуны с отвертками протянут сюда кабель. Проще говоря, от дебилов не будет отбою, но нам важен любой клочок сведений. Каждое имя следует проработать.

Замолчав, она отыскала взглядом Макэвоя. Кивнула ему.

— Насколько я знаю, все здесь с техникой на «ты», а если что не так, обратитесь к нашему спецу. Макэвой продемонстрирует чудеса новейшей базы данных.

Новые стоны. Приглушенное чертыханье со всех сторон.

— Тихо-тихо, детки, — улыбнулась Фарао. — Я распутывала дела, когда под весом страшно важных бумажек полы прогибались, а потому

система Макэвой, если она способна помочь нам сообразить, чем мы заняты, обязательно принесет пользу. Лично я считаю себя опытным пользователем и когда-то добралась до третьего уровня тетриса, а всем остальным не мешало бы наверстать упущенное.

Макэвой рассмеялся с остальными. И получил в награду от Фарао персональную улыбку и едва заметное подмигивание.

— Не забывайте, — прибавила она, — Макэвой видел этого типа. Да и сам мог бы стать жертвой, не успеет он отразить удар лбом.

Новые смешки, но теперь они звучали как-то теплее и дружелюбнее, так что Макэвою захотелось встать, раскланяться и сказать что-то смешное. Но Фарао уже продолжала инструктаж:

— Короче, каждому из вас уже следовало найти себе занятие на пару ближайших часов. Нам нужны показания свидетелей. Нужны съемки камер наблюдения, каждый дюйм площади. Куда он делся, выбежав из церкви? И самое главное, нам требуется знать все, что только можно, о Дафне Коттон. Нужно разобрать ее жизнь на кирпичики. К обеду будут результаты вскрытия, к вечеру — отчет токсиколога. Уж постарайтесь, люди. Никто из вас не захочет жить в городе, где можно безнаказанно зарезать в церкви девочку. Рождество же, в конце концов.

Она хищно улыбнулась своему войску и крутанулась к двери — дервиш парфюма и звенящих побрякушек; по дороге к выходу ладони Фарао мимолетно касались плеч и рук, вселяя в команду веру в свои силы.

Какое-то время все молчали.

Наконец Колин Рэй шагнул к окну и отдернул шторы. За стеклом ночная темень и отражение сидящих полукругом мужчин и женщин. Неожиданно четкая картина — монохромный, холодный, неопрятный реализм стоп-кадра.

Из всех полицейских, уставившихся на отражение, только Эктору Макэвою не захотелось отвернуться.

Вот уже шесть часов кряду они только и делают, что отвечают на звонки. За пыльными, покрытыми липким налетом оконными стеклами небо почти завершило незаметный переход от насыщенно-серого к мягко-черному. По-прежнему висят низкие, набухшие облака, но настоящего снега придется подождать пару дней. *Похоже, в этом году нам все-таки повезет увидеть Белое Рождество*, думал Макэвой, который в юности иного Рождества и не знал. Он радуется скорому снегопаду: снег заставит его жену и сына улыбнуться.

Макэвой и Хелен Тремберг — единственные настоящие полицейские в

кабинете. Один из свободных столов занял сотрудник по работе с общественностью, а Джемма Тянь, хорошенькая китайка из отдела по связям с прессой, устроилась прямо на подоконнике: склонившись, вычеркивает большие пассажи из пресс-релиза. Она красива, как топ-модель, и ее точеные ягодичы давно не дают покоя Бену Нильсену. Да и сам Макэвой напрягается, стараясь не пялиться.

В одиночку или попарно полицейские покинули оперативный штаб. Триш Фарао и Бен Нильсен отправились наблюдать за вскрытием жертвы. Два детектива помоложе берут показания у тех прихожан, кто вчера был не в состоянии говорить связно. Как раз перед ланчем Софи Кирклэнд приняла звонок от хозяйки паба, чьи камеры слежения запечатлели черную фигуру, мелькнувшую в кадре минут через пять после нападения. С собой Софи прихватила двух полисменов в форме, чтобы прочесать окрестности паба на предмет улики.

Колин Рэй и Шер Арчер уехали поговорить с осведомителем. Звонок в его халупу уже дал реальную зацепку. Кто-то из завсегдатаев бара при гостинице «Кингстон» распустил язык. По уверениям стукача, мужик и прежде не жаловал иностранцев да приезжих, а когда повар из иранской пекарни увел у него жену, он принялся орать, что так этого не оставит. Наводку отмели бы как пустую брехню, если б не быстрая проверка по Национальной полицейской базе, показавшая, что этот тип дважды привлекался за незаконное хранение оружия и один раз — за нанесение увечий. Колину Рэю, в принципе, предписывалось командовать штабом, но он считал, что лучше остальных подходит для проверки этой версии, и был таков. Арчер, обычно старавшаяся не отставать, потащилась следом, так что отвечать на звонки остались только Макэвой и Хелен Тремберг.

Макэвой просматривал сделанные записи. Он исчеркал множество страниц, внося в свой разлинованный блокнот имена и числа, детали и версии. В написанном никому не разобравшись, он единственный в Управлении владеет скорописью «Тилайн»^[12]. Выучил в свободное время, пока стажировался. Как-то его прикрепили к старшему по званию, и Макэвой таскался за ним весь день, поражаясь той быстроте, с какой длинные тирады его начальника записывал «допущенный к телу» журналист. Полгода кропотливых занятий не прошли даром, даже если он периодически изумлял и веселил своих коллег иероглифами в блокноте: еще один верный признак, что у Макэвой не все дома.

Звонков пока немного, утренний телепризыв не излечил горожан от «воскресного» синдрома. Люди наслаждаются выходными, выезжают с семьями за город или расслабляются в пабах. Необходимость звонить в

полицию и давать показания в деле об убийстве представляется им, скорее, будничным делом, которое лучше оставить до рабочих часов «с девяти до пяти». В общем, перегрузки «горячей линии», на которую рассчитывала команда Макэвой, так и не случилось. Звонки едва оправдывали сверхурочное дежурство.

Но по крайней мере, оперативный штаб уже начал обретать форму — благодаря в основном Макэвою, который ввиду вынужденного бездействия развернул бурную деятельность. Прикатил из соседнего кабинета белую магнитную доску и набросал на ней схему вчерашних событий. В самом центре доски красуется его собственное описание подозреваемого, выполненное толстым красным маркером. *Среднее телосложение. Средний рост. Темная одежда. Балаклава. Слезающиеся голубые глаза.* Не больно-то много, и все это понимают. Макэвой не мог выразиться точнее, но все равно испытывал угрызения совести из-за того, что не рассмотрел нападавшего лучше.

На дальнюю от двери стену он приколот карту города. Пунктиром разноцветных кнопок проследил на ней траекторию передвижения подозреваемого, убегавшего с Тринити-сквер. Каждая кнопка — чье-то свидетельство, надежное или не очень. Вся картина составлена на основе показаний очевидцев, записей систем видеонаблюдения и выстроенных по ним догадок. Глядя на нее, можно предположить, что подозреваемый двинулся по городским улицам на восток, за реку, прежде чем его след потерялся где-то в районе Драйпулского моста. Группа полицейских отработала маршрут, но не нашла ничего, кроме отпечатка ботинка в снегу — в месте, указанном кем-то из наиболее надежных свидетелей. Никаких следов орудия преступления. Констебли дружно решили, что мачете преступник забросил в реку. Выслушав этот короткий доклад, Фарао с такой силой хлопнула ладонями о крышку стола, что один из ее браслетов лопнул.

Телефон на столе вновь зазвонил. Макэвой снял трубку из бежевой пластмассы:

— Уголовный отдел полиции. Оперативный штаб.

На другом конце линии — дрожащий от волнения женский голос:

— Я хотела поговорить с кем-нибудь насчет Дафны. Насчет Дафны Коттон. — И тихое, ненужное уточнение: — Той девочки, которую вчера убили.

— Можете говорить со мной. Сержант полиции Эктор Макэвой...

— Ладно...

Голос слишком дрожащий, чтобы по нему представить собеседницу,

но Макэвою показалось, что она его ровесница.

— У вас есть сведения, которые...

Женщина втягивает воздух, и Макэвой догадался, что свои слова она успела отрепетировать. Хочет выдохнуть их сразу, не мешкая.

— Я внештатный преподаватель, выхожу на замену. Около года тому назад я работала в школе «Хессл». Там, где училась Дафна. Мы отлично ладили. Она была милой девочкой. Умненькой, вдумчивой. Хорошо писала сочинения, знаете ли. Это я и преподаю. Английский. Дафна показывала мне кое-что из своих рассказов. У нее был настоящий талант.

Женщина сделала паузу. Когда заговорила снова, голос ее надломился.

— Не спешите, — мягко посоветовал Макэвой.

Вздых. Шмыганье носом. Кашель, чтобы прочистить забитое слезами горло.

— Я ездила работать волонтером в ту часть света, откуда Дафна родом. Видела кое-что из того, что довелось видеть ей. Мы разговорились. Не знаю, наверное, я стала для нее кем-то вроде исповедника. Она выложила мне все, что скрывала от прочих. В ее рассказах было много всякого. Такого, о чем юной девушке знать не следует. Она сильно стеснялась, когда я расспрашивала ее, так что я стала давать ей литературные задания. Чтобы помочь исторгнуть все то, что отравляло ее изнутри.

Макэвой ждал продолжения. Не дождавшись, кашлянул.

И тогда женщина выпалила:

— С Дафной это случилось не впервые.

Глава 7

Макэвой заметил ее сразу, как только толкнул застекленную дверь модного паба и шагнул в теплую, подсвеченную синим полутьму. Она сидела в одиночестве за круглым столиком у обогревателя рядом с барной стойкой. Вокруг пустые диваны и кресла, но она, похоже, предпочла место поближе к радиатору и едва не прижималась к его белой поверхности. Смотрела в стену, не замечая других посетителей. Макэвой не видел ее лица, но сама неподвижность фигуры достаточно ясно свидетельствовала о внутренней тревоге и скорби.

— Мисс Маунтфорд? — спросил Эктор, подходя к столику.

Женщина подняла глаза. Темно-карие, покрасневшие, они точно парили в темноте. Под глазами почти черные, набухшие тени усталости. В левой ноздре поблескивал серебряный гвоздик, но в остальном она совершенно на совпадала с портретом, который составил Макэвой, договорившись о встрече именно здесь, в самой неподобающей обстановке. Учительница Дафны оказалась невысокой и полной, вьющиеся каштановые волосы она собрала в небрежный узел, две своевольные пряди падали на лицо. Косметикой она явно не пользовалась, а ногти на коротких пальцах были обгрызены почти до мяса, одежда — черный кардиган поверх белой водолазки — сообщала, что стилю мисс Маунтфорд предпочитает удобство. Колец на пальцах не было, но на пухлом веснушчатом запястье красовался большой деревянный браслет с этнической резьбой.

Застенчиво кивнув, Вики Маунтфорд сделала движение навстречу, но Макэвой жестом попросил ее не подниматься. Выдвинул стул напротив и не спеша снял пальто, рассматривая высокий бокал на столе, в котором таяли кубики льда, похожие на обсосанные леденцы.

— Почему здесь, мисс Маунтфорд? Вы уверены, что мы не можем поговорить в более подходящем месте?

Вики провела ладонью по круглому лицу, тоже посмотрела на бокал, затем оглядела бар. Пожала плечами.

— Я уже говорила, что снимаю дом напополам с подругой, и гостиная сегодня в ее распоряжении. Не люблю полицейские участки. По воскресеньям меня всегда можно найти здесь. Ничего, не напрягает. — Она опять уставилась на бокал. — И мне нужно выпить, чтобы говорить о Дафне, — тихо добавила она.

— Должно быть, это непросто, — сказал Макэвой негромко, но так,

чтобы его не заглушил гул наполовину заполненного бара. — Мы ставим в известность родственников, но порой забываем о друзьях. Услышать эту страшную новость по радио? Прочсть в газете? Это очень тяжело.

Вики кивнула, и Макэвой уловил в этом движении благодарность. Он уже подумывал угостить учительницу выпивкой, когда у столика возникла официантка в черной футболке и легинсах.

— Двойную водку с тоником, — с облегчением выдохнула Вики и глянула на Макэвоя: — А вы?

Макэвой растерялся. Можно попросить кофе или колу, но атмосферу это не растопит. Стоит ли с самого начала усложнять отношения с ценным свидетелем, предпочитающим что-то покрепче?

— Мне то же самое.

Они молчали до возвращения официантки. Та уже через минуту снова оказалась у столика, расстелила на черном лаке столешницы аккуратные белые салфетки, поставила напитки. Вики сразу же, большим глотком ополовинила свой стакан. Макэвой осторожно пригубил и поставил выпивку на стол, пожалев, что не заказал пинту пива.

— Я и забыл, что сегодня воскресенье. Думал, тут все забито клерками в костюмах.

Вики выдавила улыбку.

— Я бываю здесь только по воскресеньям. В будни все столики заняты, да и люди косятся, если приходишь одна. И по воскресеньям здесь играет живая музыка. Джаз-банд приступит через час-другой.

— И хорошо играют? Я бы с удовольствием послушал джаз.

— Тут каждую неделю разные группы. Сегодня латиноамериканцы какие-то. Говорят, они ничего.

Макэвой выпятил нижнюю губу, демонстрируя интерес. В последние дни работы констеблем ему довелось патрулировать территорию джазового фестиваля в Беверли. Тогда его поразили некоторые из этноджазовых групп, издавелека приехавшие в этот городок на востоке Йоркшира, чтобы исполнить десяток-полтора сплетенных между собой мелодий перед пьяными студентами и немногочисленными ценителями.

— Билеты дорогие?

— Если прийти до шести часов, концерт бесплатно. Потом собирают по пятерке, кажется. Я еще ни разу не платила.

— Да? Неплохая экономия.

— Учительнице на замену приходится считать каждый пенни.

Это замечание возвращало их к главной теме. Макэвой открыл блокнот, выразительно полистал. Постарался изобразить на лице участие и

готовность слушать, не перебивая.

— Должно быть, Дафна много для вас значила, — подбодрил он.

— Такая напрасная смерть. — В голосе ее звучало скорее усталое смирение, чем боль. — Дафна прошла через ад, сумела навести какой-то порядок в жизни...

— Да?

Она молчала. Подняла бокал, вытрясла из него последние капли. Прикрыла глаза, точно принимая решение, и нагнулась. Макэвой услышал, как вжикнула молния, и через секунду Вики протянула ему сложенные листы:

— Вот что написала Дафна. О чем я вам говорила.

— И это...

— Ее рассказ. Фрагмент истории. Клочок ее настоящей жизни. Я вам уже сказала, Дафна была талантливой девочкой. Я жалела, что не смогу учить ее и дальше, что в школе нет постоянной вакансии. Мы просто разговаривали. Я бывала в Сьерра-Леоне, ездила туда волонтером. Строила школу, немного преподавала там и сям, в местах, которые Дафна хорошо знала. Этого было достаточно, чтобы мы сблизились. Подружились.

Макэвой молчал. Пятнадцатилетняя девочка и женщина старше ее примерно лет на двадцать?

— У нее были подруги и среди сверстниц, разумеется, — сказала Вики, словно прочтя его мысли. Она двигала свой бокал по столу медленными, ровными кругами. — Дафна была обыкновенной девочкой, если такие вообще есть. Любила поп-музыку. Смотрела «Молокососов» и «Старшего брата»^[13], как все они. Я никогда не бывала в ее комнате, но не сомневаюсь, что без плакатов *Take That* там не обошлось. Из числа остальных ее выделяли сочинения. Они, да еще вера, хотя мы никогда по-настоящему не обсуждали религию. По правде говоря, нет во мне религиозности. Если официальные анкеты интересуются моими убеждениями, в этой графе я пишу: «Светозарная сущность». Или «Джедаи», на худой конец.

Макэвой улыбнулся. Не отдавая себе отчета, сделал большой глоток и ощутил, как по пищеводу стекает приятное тепло.

— Лично я ставлю прочерк.

— Вы атеист?

— А вот это их не касается, — сказал он, понадеявшись, что тему этим и закроет.

— Пожалуй, вы правы. Дафна точно не кичилась религиозностью. Носила крестик, но была довольно собранной, школьная форма застегнута

на все пуговики, так что ее не упрекнешь в том, что она выставяла веру напоказ. Мы и разговорились-то потому лишь, что меня заинтересовали кое-какие ответы, которые она давала в классе. Должно быть, уже с год тому назад. На три недели я подменила их учителя. Разбирались с «Макбетом».

Макэвой попытался припомнить отрывок, выученный для школьного выступления:

— «Нередко, чтобы нас завлечь в беду, орудья мрака говорят нам правду, заманивают всяким честным вздором, чтоб в глубочайшем деле обмануть»^[14]. — И замолчал, смутившись.

— Недурно, — рассмеялась учительница, и Макэвая потрясла масштабность перемены в ней. Простая улыбка наделила Вики полным правом в одиночестве сидеть в джаз-клубе, хотя еще секунду назад она казалась серой, никому не интересной мышкой.

— Я вызубрил этот кусок, когда мне было тринадцать, — признался Макэвой. — Пришлось декламировать перед полным залом родителей и учителей. До сих пор вздрагиваю, стоит только вспомнить. За всю свою жизнь так не боялся.

— Правда? А меня вот сцена не пугала, — снова улыбнулась Вики, и официальная беседа окончательно свернула в русло дружеской болтовни. — Ребенком меня нельзя было вытащить оттуда. Застенчивость не в моем характере.

— Завидую, — совершенно искренне сказал Макэвой.

— Мне всегда казалось, полицейским чужда застенчивость.

— Просто застенчивость можно научиться скрывать, — пожал он плечами. — У меня получается, как думаете?

— Ну, меня вы одурачили. Но я вас не выдам.

— Итак, — Макэвой решил вернуть разговор к интересующей его теме, — «Макбет»?

— Ну, короче говоря, я стала задавать классу наводящие вопросы. Что-то о зле. Мне хотелось знать, каких персонажей пьесы можно назвать по-настоящему хорошими и по-настоящему плохими. Все прочие дети отнесли Банко и Макдуфа к положительным героям. Дафна им возражала. Практически всех разместила посредине. Сказала, что человеку не свойственны крайности. Хорошие люди совершают дурные поступки, злые люди способны на добро. Люди не могут быть чем-то одним постоянно. Ей было никак не больше двенадцати или тринадцати лет, и меня заинтересовали ее рассуждения. Я попросила ее остаться после урока, просто поговорить. Контракт со школой в итоге продлили до полугода, так

что мы с Дафной сошлись довольно близко. Учителя знали, что она приемная дочь и что она, должно быть, пережила какую-то трагедию, но доступа к записям в личных делах учеников у меня не было.

— Однако в своих разговорах вы касались событий в Сьерра-Леоне? Как и когда возникла эта тема? О том, что с ней случилось?

— Я просто спросила ее однажды. — Вики повернулась, отыскивая взглядом официантку. Не раздумывая, Макэвой подвинул к ней свой бокал, и Вики тут же подняла его. — Говорю же, я много чем занималась в странах, погрязших в нищете и конфликтах. Мы с Дафной как-то прогуливались на перемене, и она просто взяла да рассказала. Что всю ее семью вырезали. Что только ей удалось выжить.

Не меньше минуты они сидели молча. Макэвой обдумывал услышанное. Это не первая жертва, с которой он столкнулся, но была в смерти Дафны Коттон какая-то особенная горечь. Вынесенный ей некогда приговор вдруг отменили, но когда девочка только-только начала оправляться от пережитого ужаса, о нем вспомнили, и жизнь ее оборвали — жестоко и беспощадно.

— Прочтите, — наконец сказала Вики, кивая на бумаги перед Макэвоем. — Она написала это месяца три тому назад. Мы говорили, что нужно черпать из собственного опыта, если хочешь научиться писать лучше. Что нужно вкладывать в творчество частичку себя. Не уверена, что Дафна до конца все поняла, но ее сочинение меня просто разорвало. Читайте.

Макэвой развернул листки. Посмотрел на строки, написанные Дафной Коттон.

Говорят, в трехлетнем возрасте мы еще не способны что-то запоминать, поэтому все то, что описано ниже, наверное, следует считать обобщением того, что мне рассказывали, и того, что прочитала я сама. Не могу сказать точнее.

Думая о своей семье, я не чувствую запаха крови. Не чувствую запаха мертвых тел и не помню, какова на ощупь их кожа. Я знаю, это случилось. Знаю, что меня выдернули из груди трупов, как младенца — из-под руин рухнувшего дома. Но я ничего этого не помню. И все же знаю: так было.

Мне исполнилось тогда три годика. Я родилась в большой семье. Самому старшему из моих братьев было четырнадцать. Старшая из сестер была на год его младше, а самому маленькому братику исполнилось, наверное, десять месяцев. У

меня были еще два брата и сестра. Самого младшего звали Ишмаэль. Думаю, мы были счастливой семьей. Я храню три семейные фотографии, и на каждой мы улыбаемся. Эти карточки монахини подарили мне, когда я уезжала к новым родителям. Где они их взяли, мне не известно.

Мы жили во Фритауне, где мой отец работал портным. Я родилась в эпоху насилия и войн, но родители оберегали нас от опасностей. Они были богобоязненными христианами, как и их собственные родители, мои бабушки и дедушки. Мы жили все вместе в большой городской квартире, и я помню, кажется, что с остальными благодарила Бога за наше благополучие. Из книг и из интернета я знаю, что в то самое время, как мы жили счастливо, люди гибли тысячами, но родители не позволяли этому ужасу ворваться в нашу жизнь.

В январе 1999 года война добралась и до Фритауна. Когда я пытаюсь восстановить в памяти картины нашего бегства от кровопролития и резни тех дней, ничего не выходит. Возможно, мы покинули город еще до прибытия солдат. Я знаю, что мы направились на север с семьями других прихожан нашей церкви. Как мы достигли Сото, района, где жило племя моей матери, я не могу сказать.

Помню сухую траву и белое здание. Кажется, помню песни и молитвы. Помню, как кашлял Ишмаэль. Должно быть, мы провели там несколько дней или даже недель. Иногда я чувствую, что предала своих родных, ничего не запомнив. Тогда я молюсь Отцу нашему Небесному, чтобы суметь загладить этот грех. Прошу ниспослать воспоминания, пусть даже те принесут боль.

Когда я подросла, монахини в приюте рассказали, как на нас напали повстанцы. Что день был ярким и солнечным. Что повсюду в стране бои начинали стихать, и что люди, шедшие мимо нашей церкви, бежали от поражения. Они были пьяные и очень злые.

Они загнали мою семью и их друзей в церковь. Никто, кроме меня, не вышел оттуда живым, так что некому рассказать, что произошло. Кто-то был убит выстрелом в затылок. Другие умерли под ударами мачете.

Не знаю, почему меня пощадили. Меня нашли среди мертвецов. Из пореза на моем плече текла кровь. Кажется, я помню белых людей в синей форме миротворцев, но это,

наверное, только мое воображение.

Я повторяю себе, что простила убийц за то, что они сделали. Знаю: это неправда. Каждый день молюсь Богу, чтобы эта ложь сделалась правдой. Он даровал мне новую семью. Теперь у меня хорошая жизнь. Сначала я боялась, что город-побратим Фритауна окажется его зеркальным отражением. Что страницы его истории тоже написаны кровью. Но город встретил меня радушно. Мои новые родители никогда не просили меня забыть прежнюю семью. И я еще никогда не чувствовала себя так близко к Господу. Его храм принял меня, заключил в любящие объятия. Собор Святой Троицы стал для меня Его теплыми, заботливыми руками. Я чувствую спокойствие в этих объятиях. И молюсь, чтобы найти в себе силы угодить Ему и оказаться достойной Его любви...

К горлу Макэвой подступил комок, в глаза будто швырнули песка. Оторвавшись от сочинения Дафны, он встретил напряженный взгляд Вики.

— Это я и имела в виду, — сказала она, кусая губу. — Напрасная смерть.

Макэвой медленно кивнул.

— Вы говорили с ней об этом? — спросил он сипло.

— Конечно. Она мало что знала о случившемся, только по рассказам монахинь в приюте. Боевики схватили ее вместе с остальной семьей и впихнули в церковь. Кого-то зарубили мачете, других расстреляли. Нескольких изнасиловали. Миротворцы ООН нашли Дафну в груди мертвых тел. Ее ударили мачете, но она выжила.

У Макэвой сжались кулаки. Принять прочитанное все не удавалось.

— Кто еще мог знать?

— Детали? Не многие. Не скажу даже, поделилась ли она с приемными родителями. Им известно, что семью Дафны перебили, но что случилось с ней самой...

— Вы кому-нибудь показывали это сочинение?

— Может, человеку-другому. — Она отвела взгляд. Впервые могло показаться, будто ей есть что скрывать.

Макэвой ждал.

— Вы думаете, тут есть связь? То есть слишком уж много совпадений, правда? Церковь. Нож. Даже мачете, если не ошибаюсь?

Макэвой согласно кивнул. И тут же спохватился: он же не в курсе, стала ли эта информация достоянием публики. Надо сдать назад.

— Возможно.

Вики, похоже, разрывалась между слезами и гневом. Только скорбь не давала ей взорваться.

— Мерзавец! — выдохнула она.

И вновь Макэвой кивнул. Что делать дальше, он не знал. Инструкция предписывала доложить Триш Фарао. Но он ведь должен сейчас сидеть в участке и отвечать на звонки, а он после звонка Вики наплевал на приказ.

— Знаете, похоже, кто-то решил завершить начатое много лет назад, — сказала Вики, разглядывая пустой стакан. А затем в упор глянула на Макэвоя: — Кто способен на такое?

В ее глазах, он, полицейский, — человек, способный предложить объяснение. Найти во всем этом смысл.

Хотелось бы Макэвою оправдать ее ожидания.

Его мысли занимал бесхитростный рассказ Дафны Коттон. Он думал о ее чистом, невинном сознании, которое сумело пережить невероятные страдания.

Ему хотелось ударить человека, сотворившего это. Макэвой одернул себя, но машинально: такое зло простить невозможно. И ощутил внезапное удовлетворение. Раз уж он жаждет воздать за зло, стало быть, он воин добра.

Глава 8

Триш Фарао стояла на дальнем конце парковки, опершись локтями о капот автомобиля. Она походила на девчонку, замороженную каким-то телешоу: подбородок уткнут в сложенные лодочкой ладони, на губах улыбка, макияж безупречен вопреки непогоде.

— Полежай в тачку, — велела она. Распахнула пассажирскую дверь, а сама направилась к водительской. Скользнула внутрь, над байкерским сапогом сверкнула загорелая голень.

Макэвой ничего не понимал. Что тут забыла Фарао? Может, ее разозлило его отсутствие в штабе и она решила выгнать совсем? Мазнув по лицу ладонью, он пересек парковку по возможности уверенным, размашистым шагом.

Втиснулся в «мерседес», в удушливое облако дорогой парфюмерии. Мандарины пополам с лавандой.

— Удобно? — спросила Фарао вроде без подвоха.

Краем глаза он поймал свое отражение в тонированном стекле водительской дверцы и осознал, насколько забавно выглядит со стороны, впихнутый в эту крохотную машинку.

— Я получила твоё сообщение, — сказала начальница, опуская козырек со встроенным зеркальцем, чтобы убедиться, что тушь не потекла. — И сразу позвонила Хелен Тремберг. Она сказала, ты встречаешься здесь со свидетельницей, и я решила подтянуться.

Макэвою приходилось сдерживаться, чтобы не выдохнуть разом весь воздух. Охватившее его облегчение было не передать.

— Я... признаться, я только что завершил беседу, мэм, — извиняющимся тоном начал он. — Эта леди пока там, ждет начала концерта, так что еще какое-то время...

Взмахом руки Фарао оборвала его.

— Вот нравится мне твой акцент, — сказала она. — Я ведь бывала в Эдинбурге, знаешь ли. Работала там. Перенимала передовой опыт или что там еще. Моему старому боссу взбрело в голову обустроить в городе что-то типа зоны терпимости к проституткам, да так ничего и не вытанцевалось. Прошло уж, наверное, с десятков лет. Я была тогда сержантом. Твой период?

Макэвой поскреб лоб, изображая задумчивость.

— Хмм...

— У меня сын так делает, — рассмеялась Фарао. — Или еще трет

скулу. Так мило.

Макэвой покраснел.

— Сколько ему?

— Десять. — Фарао опустила козырек. Отрешенно уставилась в пространство. — Весь подростковый кошмар еще впереди. — Она сняла с колена пушинку, осмотрела ее и сдула с ладони, вытянув влажные губы. — Учитывая все, что нам случается видеть на службе, деткам нашим приходится туго. Но чтобы попасть в переделку, потребуется еще выйти из дому. Жду не дождусь.

— Наверняка все будет не так уж плохо, — ответил Макэвой, не зная, что еще сказать. Он понятия не имел, помогает ли ей муж. Неожиданно для себя восхитился, как ловко Фарао удалось вплести личную жизнь в карьеру. — У моего сына еще несколько лет в запасе.

Фарао повернулась к нему:

— И еще один на подходе, так ведь?

Широкой улыбки сдержать не удалось.

— Осталось два месяца. Живот побольше прежнего, зато беременность не такая сложная. В тот первый раз было по-настоящему жутко... — Макэвой оборвал себя, почуяв ловушку. — Я не стану брать отпуск по уходу, мэм. Если расследование затянется, я в вашем распоряжении сколько будет нужно.

Фарао демонстративно закатила глаза.

— Гектор, — и тут же тихонько рассмеялась, — прости, правильно говорить «Эктор», верно? С выдохом посредине? Не думаю, что мне хватит слюней каждый день произносить это по-гэльски. «Гектор» устроит?

— Вполне.

— Так вот, Гектор, если ты не возьмешь отпуск по уходу, я сверну твою чертову шею. Ты вправе его получить — и получишь.

— Но?

— Без всяких «но», дурачок, — улыбнулась она. — Гектор, можно задать тебе один вопрос?

— Конечно, мэм.

Она дружески, успокаивающе стиснула его колено, заглянула в глаза:

— Что с тобою творится?

— Мэм?

— Макэвой, все любят добрых великанов, но существует тонкая грань между тем, чтобы не извлекать выгоду из своего роста, и тем, чтобы быть полным, черт тебя подери, тюфяком.

Макэвой растерянно моргнул:

— Тюфяком?

— Говори, — приказала она.

Он отвел глаза, понадеявшись, что лицо не выдаст.

— Что говорить?

— Все то, о чем молчал с тех пор, как мы сюда прибыли. А рассказать не терпелось.

Усилием воли он заставил себя встретить взгляд Фарао.

— Даже не знаю...

— Все ты знаешь, Гектор. Ты хочешь попросить меня прочесть твое досье. Поспрашивать. Выяснить, что ты натворил.

— Я...

— Гектор, сколько мы уже знакомы? Полгода? Может, чуточку дольше? Сколько разговоров по душам у нас было?

Он пожал плечами.

— Гектор, всякий раз, когда я даю тебе поручение, ты глядишь на меня с таким странным выражением на лице. Сразу похож и на щенка, который надеется угодить, и на долбаного маньяка-убийцу. Так глядишь, будто выполнишь все, чего ни попрошу, и в придачу лучше, чем кто-то другой. Крайне привлекательное качество. Но за всем этим прячется изнанка, которая спрашивает: «Ты хоть знаешь, кто я? Разве ты не в курсе, что я сделал?»

— Простите, если оставляю такое впечатление, мэм, но...

— Я встретила с Дугом Роупером, Гектор.

Макэвой явственно дернулся.

— Он злобный ублюдок, который в грош не ставит женщин, и на каждого прихлебателя, который мечтал попасть в банду или клевать крошки с его стола, отыщется с десяток других, считающих его полным отморозком.

— Мне не позволено...

— Говорить об этом? Знаю, Гектор. Мы все знаем. Знаем, что Дуг сотворил нечто очень скверное и что ты вывел его на чистую воду. Мы знаем, что ты пошел с этим к начальству. Что тебе сулили золотые горы, а Роупера обещали повесить за кадык, лишь бы ты помалкивал. И мы знаем, что они дрогнули: Дуг отплыл белым лебедем, а тебя назначили почетным козлом отпущения в команде уголовного отдела, которая таяла быстрее, чем снежок в микроволновке. Правильно излагаю?

Макэвой молчал.

— Не представляю, что там тебе наобещали, Гектор. И сильно сомневаюсь, чтобы ты получил обещанное. Это трудно, так ведь? Тебя

должно здорово точить то, что все кругом знают, но ни за что не признаются. — Фарао растопырила пальцы и прижала их к сердцу. — Должно быть, так ты и дошел до этой жизни.

— Да, вы не представляете, — тихо сказал Макэвой, и когда он поднял взгляд, лицо Фарао оказалось совсем рядом. Он видел свое отражение в ее зрачках. И, сломленный этой картиной, невольно потянулся, чтобы...

Фарао резко отстранилась, снова откинула козырек, заглянула в зеркало, убрала ладонь с колена Макэвой, смахнула с щеки несуществующую ресничку.

— Итак, — она лучезарно улыбнулась, — на сегодня достаточно, пожалуй. Я уже пару месяцев собираюсь с тобой поболтать, но найти время, сам понимаешь...

— Я ценю ваше внимание, мэм.

Фарао опустила стекло со своей стороны, и в машину ворвалась приятная прохлада. Закрыв глаза, Фарао наслаждалась — подставила лицо навстречу свежему, морозному воздуху.

Макэвой тоже открыл окно. Ощутил, как ветерок зашевелил взмокшие от пота волосы.

Какое-то время они молчали. Макэвой пытался придумать, куда деть руки. Вытащил из кармана телефон. Спихнул, что отключил его перед беседой с Вики Маунтфорд. Включил мобильник, и перезвон, сопровождающий появление приветствия на дисплее, прозвучал в тесноте салона раздражающе громко. Следом раздалось пиканье, извещающая о сообщениях в голосовой почте. Он прижал аппарат к уху. Два сообщения. Одно — от Хелен Тремберг: предупреждает, что Триш Фарао спрашивала, куда он подевался, и, возможно, явится на беседу с Маунтфорд. Второе — от Барбары Стейн-Коллинсон, сестры погибшего рыбака.

Здравствуйте, сержант. Простите, что беспокою в воскресенье. Мне просто подумалось, вам следует знать: звонили телевизионщики, бывшие с Фредом в ту ночь, когда он умер. Все это кажется... даже не знаю. Что-то не клеится. Наверное, зря я себя накручиваю. Может, вы перезвоните, когда появится минутка? Большое вам спасибо.

Макэвой убрал телефон. Он перезвонит, непременно. Выслушает ее сомнения. Найдет верные слова. Заверит, что приложит все силы.

— Что-то интересное? — спросила Фарао.

— Похоже. — Макэвой, по правде сказать, и сам не был уверен. — Та

услуга помощнику главного констебля. Супруга одного из функционеров в Управлении. Ее брата нашли мертвым. Старый рыбак с траулера. Участвовал в съемках документального фильма о трагедии шестьдесят восьмого на рыболовецком флоте. Похоже, бросился за борт в семидесяти милях от берега Исландии. Нашли в спасательной шлюпке, и мне пришлось сообщить его сестре скорбную новость.

— Бедолага, — протянула Фарао. Полицейская мантра.

— Обещаю, что займусь этим в свободное время...

— Да расслабься уже, Макэвой. — В голосе Фарао прибавилось металла.

— Мэм?

— Послушай, Макэвой. — Стало ясно, что она вот-вот взорвется. — Ребята не понимают тебя. Ты либо дослужишься до главного констебля, либо кончишь дни под мостом, с бутылкой бормотухи в руке. Им невдомек, что творится у тебя в голове. Они только знают, что ты — здоровяк с золотым сердцем, который способен порвать их пополам и который стоил самому знаменитому копу Хамберсайда его работы. Этой картине не хватает четкости, ты не находишь?

В голове Макэвой будто что-то взрывается.

— Почему сейчас? Зачем вы это говорите?

— Я получила твоё сообщение насчет свидетельницы. В тот момент отбивалась от журналистов, от начальства, от следователей и констеблей. Пыталась хоть что-то выудить из матери Дафны и не залить слезами альбом семейных снимков. Потом прослушала сообщения, и то единственное, которое оказалось спокойным, ясным, вдумчивым и, черт побери, интересным, — твоё. Так что я почувствовала к тебе расположение, мальчик мой. И решила оделить толикой любви. — Она снова улыбнулась. — Наслаждайся, пока есть возможность.

Только тут Макэвой заметил, что давно уже не дышит. С шумом выдул воздух. Он был смят и раздавлен своей симпатией к начальнице, желанием оправдать ее доверие.

— Разговор вышел интересный, — оживленно сказал он. — С Вики Маунтфорд, то есть.

— Просвети меня.

Макэвой сдернул с головы шапку, собираясь стянуть с плеча сумку, но замер, искоса глядя на Фарао.

— Любите джаз?

Табличка с предупреждением — поблекшие черные буквы в

окружении лиловых каракулей и незавершенных граффити.

Игры с мячом запрещены.

Посетители жилых кварталов Орчард-парка в Гулле вправе озадачиться вопросом, кто же станет настаивать на соблюдении запрета. Стройные ряды домов дождаются сноса: все пустые, окна заколочены досками. Многие потемнели, как гниющие фрукты, от дыма пожарищ и пыли уже снесенных. Иные без дверей. Без окон. Стоят на карауле посреди заминированных битым стеклом и ломаным кирпичом грязных газонов.

И лишь несколько домов обитаемы.

Некогда Орчард-парк был в моде. В городском комитете хранился список семей, отчаянно желавших въехать в это новое сообщество крепких жилищ, дружелюбных лавочников и любовно подстриженных лужаек. Даже когда в шестидесятых к небу потянулись многоэтажки, почтовый индекс Орчард-парка продолжал символизировать дружные семьи честных, работающих мужчин и гордых домохозяек. Пусть они бедны, но на ступеньках крыльца хоть обед сервируй.

Но не теперь. Тридцать с лишком лет назад рыбный промысел тихо скончался. Правительство умыло руки. Передало его на откуп рыбакам с континента, предложило им хорошенько повеселиться. Британцам же рекомендовали сказать спасибо, что до сей поры их никто не трогал. Тысячам моряков было сказано убратся с глаз долой.

К семидесятым сыновья рыбаков Восточного побережья, оптовых перекупщиков, рыночных торговцев и моряков стали первым поколением за последние три века, уяснившим, что океан бессилен помочь им свести концы с концами. Если в твоём школьном табеле нет трех четверок, а у тебя самого — акцента выходца из Суррея, заработка даже не жди. Они шли на биржу труда. Пропивали пособие. Зачинали детей, следовавших родительскому примеру. Те росли, коротая вечера за угоном чужих машин и уничтожением автобусных остановок, взломом аптек и лапаньем девчонок в провонявших бензином гаражах. Орчард-парк начал чахнуть.

Десять лет тому назад городской совет Гулля официально признал то, что и так давно было известно его жителям. Город оказался в глубокой заднице. Население сокращалось. Все, у кого водились деньжата, переехали в близлежащие городки и деревни. Получив диплом, выпускники спешили убратся подобру-поздорову. Ипотечные компании начали предлагать льготные ссуды муниципальным квартиросъемщикам, чтобы те

селились в двухэтажных домах на четыре семьи в любом из новеньких, слеplенных под копирку кварталов, которые росли на городских окраинах. К 2000 году в Гулле набралось десять тысяч опустевших домов, причем большинство — в Орчард-парке. Начался полномасштабный снос.

То там, то здесь еще встречаются гордые домовладельцы. Среди почерневших зубов и сгнивших досен сожженных и оскверненных вандалами жилищ иногда попадает опрятно побеленный дом. Яркозеленая лужайка. Кофейного оттенка земля. Кашпо с цветами, вывешенные по обе стороны кружевных занавесей за двойным стеклом входной двери. Здесь живут люди, не желающие покидать Орчард-парк. Уверенные, что его еще можно спасти, а запустение пришло лишь на время. Что многоэтажки рано или поздно рухнут. Что собственность, на которую владельцы копили всю жизнь, скоро обернется удачным вложением.

Они стоят лицом к лицу, разделенные полосой колдобистого асфальта, со всех сторон окруженные хаосом ржавых ставен и почерневшего кирпича. Идеальные коттеджи с морского пляжа.

Хотя в доме 59 горит свет, хозяев там нет. Старика Уоррена Эпворта прошлым вечером прихватила ангина, и его от греха подальше отправили в Королевскую больницу Гулля. Его жена Джойс гостит у дочери в Кирк-Элле. Дочь же, в свою очередь, уповает на то, что мать останется и после того, как отца выпишут из больницы. Еще она надеется, что, пока дом стоит без присмотра, туда заберутся воры. Вандалы. И спалят его ко всем чертям, не оставят и камня на камне. Тогда ее родители поймут наконец: район погиб безвозвратно. Пора уезжать.

В гостиной дома, где Эпворты прожили сорок два года, расположились двое мужчин.

На одном — черная маска-балаклава, темный свитер, черные ботинки военного образца.

У него покрасневшие от слез голубые глаза.

Другой лежит на софе, обитой тканью с цветочным орнаментом. Он одет в старую фуфайку «Манчестер Юнайтед», спортивные штаны и кроссовки. Он костляв и неряшлив, руки в пупырышках гусиной кожи и струпьях, крысиное лицо небрито. Липкие, запекшиеся красные пятна на губах. Один зуб сбит внутрь, сгнившая и окровавленная десна на виду.

Его глаза прикрыты.

От него тянет алкоголем.

Человек в вязаной шапке с прорезями для глаз осматривается в гостиной. Задерживает взгляд на разукрашенных рамках фотографий на каминной полке. На улыбчивых лицах. Новорожденных младенцах и

внуках в праздничных нарядах. Школьных снимках. Моментальном кадре с «рубиновой свадьбы»: пожилая чета держится за руки, прильнула друг к другу во главе заваленного подарками стола.

Он кивает, словно придя к решению. Ведет рукой по каминной полке, сгребая снимки. Бросает их в черную сумку-универсал под ногами.

И оборачивается к застывшей на софе фигуре.

Выуживает из внутреннего кармана желтую металлическую флягу. Закрывает глаза. Вдыхает носом.

Щедро опрыскивает лежащего бензином для зажигалок.

Отступает назад, сжимает в кулаки затянутые в перчатки пальцы.

Наблюдает за тем, как второй мужчина откашливается и бессвязно что-то бормочет, пробуждаясь.

Видит, как тот поднимает глаза. Таращится на него.

И понимает.

Понимает, что все это время жил в займы.

Что спасся, хотя должен был сгинуть.

Что долги надо возвращать.

Он видит, как округляются глаза человека на софе, как сужаются его зрачки. Видит, как паника и ярость искажают лицо.

— Что за... Где...

Мужчина пытается встать, но его сознание затуманено алкоголем. Воспоминания размыты, бесформенны. Он помнит паб. Ссору с другим клиентом. Парковку. Первые несколько шагов на долгом пути домой, в квартиру над конторой букмекера. Затем — чья-то пятерня хватает за волосы. Холодное, твердое горлышко бутылки с силой влезает в губы. Внезапный вкус крови и водки. Неясные, гаснущие очертания чьей-то черной фигуры.

— Это чего...

Планировка кажется знакомой. Она до жути напоминает место, которое он прежде называл домом. Тем самым, который он спалил дотла, потому что был зол и любил звук пожарных сирен. Тем самым, где заживо сгорели его жена и дети.

— Зачем...

Человек в вязаной маске поднимает ладонь, словно призывая притормозить разогнавшийся автомобиль. Качает головой. Сообщает одним-единственным жестом, что нет никакого смысла сопротивляться. Что все предрешиено.

Одним быстрым движением он извлекает из кармана дешевую желтую зажигалку. Приседает, подобно спринтеру на беговой дорожке, и

впрыскивает пламя в узорчатый ковер.

Язычки пламени разбегаются влево и вправо, растут и пожирают пространство, одинаковыми ручейками окружая софу.

Человек в вязаной маске отступает, рукой прикрывая глаза.

Когда мужчина на софе набирает воздух для крика, он словно глотает огонь. С судорожным придыхом к нему бросается плюющееся огненными брызгами пламя.

Заключает его в объятия.

Человек в черном не смотрит на горящего. Не задерживается поглядеть, как тот мечется, сражаясь с окутавшей его злобной мантией всех оттенков алого с золотом. Которая плавит синтетическую рубашку, впаивая ее в кожу. Заполняя гостиную запахом закившего мяса.

Подхватив сумку, он движется к двери.

Оставляет горящего гадать, не это ли чувствовали его родные, когда языки пламени вгрызались в их кожу.

Глава 9

Макэвой растер по лицу пену для бритья и принялся скоблить щетину настоящей опасной бритвой. Ройзин купила ее в модном бутике неподалеку от «Харродс» во время одного из частых визитов пары в Лондон в самом начале ухаживания. Инструмент неспроста именуется опасным: наточенное лезвие способно прямо на лету лишить муху крылышек. Когда выдается случай, Ройзин любит смотреть, как муж правит бритву на влажном кожаном ремне, висящем у зеркала.

— Тебе хватает света? Окно не хочешь открыть?

Он отвернулся от зеркала: Ройзин выглядывала из-за душевой занавески. Живот и груди легкими тенями проступали за узорчатым материалом, и Макэвой ощутил внутри знакомое напряжение. *До чего же хороша.* Мысль эта настолько увлекательна, что приходится впиться ногтями в ладони, чтобы не дать ей развиваться.

— Нет, — ответил он, мотнув головой на случай, если голос не слышен за плеском воды. — Все нормально.

Ройзин исчезла за занавеской, а Макэвой смотрел, как силуэт за шторкой меняет очертания. Вот жена запрокинула голову, подставляя лицо струям воды, вот медленно повернулась, снимая насадку душа, принялась поливать плечи. Вот потянулась за брусочком мыла ручной работы, провела им по рукам, по животу. Намылила бедра. Между ног. Небольшие, нежные груди.

Макэвой все гадал, не стоит ли потянуться за шторку и очертить ладонью изгиб ее талии, но Ройзин уже выключила воду. Отбросила занавеску и стояла перед ним, вся в каплях. Совершенно не сознавая собственной красоты.

— Прости, что уснула вчера. — Она замотала волосами, отряхиваясь на собачий манер, и протянула руку, чтобы муж помог выбраться из ванной. — Во сколько ты вернулся?

Макэвой все не решался встретить ее взгляд, и Ройзин удивленно выгнула бровь, когда он взял ее мокрую ладонь. Все так же молча Макэвой переправил жену через борт ванны и потянулся поцеловать ее. Со счастливой улыбкой Ройзин всем телом приникла к нему.

— Тебе стоило присоединиться, — шепнула она. — Я бы хотела заглядить вчерашнее.

— В теории это звучит лучше, — возразил Макэвой, пытаясь скрыть

облегчение.

— Неужели? — Голос игривый.

— Это я про душ, — объяснил он между поцелуями. — В итоге мы оба поскользнулись и рухнули, помнишь?

Они рассмеялись, припоминая давнюю попытку вдвоем забраться за занавеску. Разница в росте не позволила принять душ как следует, и в итоге Ройзин чуть не захлебнулась, а Макэвой остался совершенно сухим от груди и выше.

Руки Ройзин скользнули вниз по его телу. Губы приникли к шее.

Она принялась.

— Никак «Dolly Girl» от Анны Суи?

Отстранилась, насмешливо глядя на мужа. На кончике носа — клочок пены для бритья.

— Я...

Снова поведя носом, Ройзин весело хмыкнула, размазала пену над губами подобием усов. Приподнялась на цыпочки, поцеловала мужа в губы.

— Кто бы она ни была, у нее неплохой вкус.

— Ройзин, это по работе, я бы ни за что...

Ройзин ладонями притянула его голову к своему лицу, посмотрела в глаза.

— Ты изменишь мне не раньше, Эктор, чем планета Земля превратится в шоколадную горошину из упаковки «Малтисерс». Не гигантскую, а обычную, и всем нам придется учиться на ней балансировать. И вряд ли это случится в обозримом будущем. Поэтому замолчи и поцелуй меня.

— Но...

Язык Ройзин вполз между его сухими, потрескавшимися губами.

— Папа! Телефон!

Дверь распахнулась, и в ванную вторгся Финли. На влажной плитке его занесло, и он с размаху шлепнулся на пол. Телефонная трубка хоккейной шайбой отлетела в угол. Фин счастливо расхохотался, не спеша подниматься на ноги, хотя его пижамка с Базом Лайтером^[15] уже подмокла.

Сложившись пополам, Макэвой вслепую нашарил мобильник.

— Эктор Макэвой слушает.

— Кажется, я не вовремя, сержант? — Сообразить, чей это голос, удалось не сразу, звучал он нерешительно, но без особой застенчивости.

— Миссис Стейн-Коллинсон? — Макэвой зажмурился, кляня себя за то, что так и не перезвонил вчера.

— Совершенно верно. Полагаю, вы сейчас заняты. Кто это снял

трубку?

— Мой сын.

— А он с характером, — усмехнулась Барбара.

— Мне очень жаль, что я не позвонил вам вчера...

— Ничего, я понимаю. — Макэвой живо представил, как небрежным взмахом немолодой наманикюренной руки она отмахивается возможные протесты. — Та бедная девочка. Как идет следствие? По радио ничего толком не говорят.

Он обдумал, можно ли рассказать. Обошелся банальным:

— Мы отработываем сразу несколько версий.

— Отлично, отлично...

— У вас есть какие-то новые сведения? — спросил Макэвой.

— Ну, в этом-то и дело, — оживилась миссис Стейн-Коллинсон и перешла на заговорщицкий тон: — Вчера, примерно к вечернему чаю, мне позвонила дама, которая снимала тот документальный фильм с участием нашего Фреда. По возвращении в страну она посчитала нужным связаться с кем-то из нас.

— Вы запомнили ее фамилию?

Барбара молчала, словно не зная, стоит ли продолжать. Макэвой тоже не спешил, давая ей время собраться с мыслями.

— Спасательная шлюпка! — вдруг выпалила миссис Стейн-Коллинсон. — Шлюпка, в которой его нашли. Ее не должно было там быть. Эта журналистка поговорила с капитаном, когда они причалили, и тот не представляет, откуда шлюпка взялась. Кто-то специально захватил ее с собой! И уж точно не Фред. Телевизионщики не отходили от него ни на шаг. Должно найтись простое объяснение, но мне...

— Это показалось странным, — закончил за нее Макэвой и услышал облегчение в выдохе собеседницы.

— А вам разве не кажется, что здесь что-то не так? — В голосе Барбары жадное любопытство мешалось с печалью. — Ведь никто не желал Фреду зла, с чего бы? Он сам едва выжил, и уже столько лет прошло. Сама не знаю, но...

Макэвой уже не слушал. Он смотрел на свое отражение в зеркале. За белесой пленкой конденсата он отчетливо видел шрам на предплечье. Шрам, оставленный лезвием ножа.

Он думал о церкви. Об окровавленных телах и плачущей малышке, сжавшейся между убитыми родителями.

От осознания несправедливости ему становится жарко.

Воспоминания приходят помимо его воли. Он так старался похоронить

эту картину, но вот она тут, всполохом пробивает сознание. Макэвой видит, как, поскользнувшись в грязи и опавших листьях, он отшатнулся, когда Тони Холтуэйт, убийца, в существование которого никто не верил, сделал выпад ножом, целя в горло.

И содрогнулся, переживая заново. Стальное лезвие рассекло воздух, с неумолимой, обретенной с частыми повторениями точностью опускаясь на беззащитную шею.

Он вспомнил, что в тот момент увидел лицо Ройзин. Лицо Фина. Это они в последний миг придали ему сил.

Чтобы вскинуться, уклониться от ножа.

И почувствовать, как металл испарывает плоть, как брызжет кровь и как отчаянно он сам дергает ногой, чтобы ударить Холтуэйта.

Макэвой выжил. Успел отшатнуться от лезвия, но другие погибли...

Часть вторая

Глава 1

— Ты и выпил-то всего три пинты, Гектор, — упрекнула Фарао с порога оперативного штаба, где она стояла, словно бдительный завуч, высматривающая прогульщиков. Рассмеялась, когда Макэвой рванул вверх по лестнице, а ремень сумки зацепился за перила и петлей лассо дернул его назад. — Хотела б я как-нибудь после стаканчика затащить тебя в гости. Недели две отсыпался бы, не меньше.

На Фарао красная кожаная юбка до колен и тесный черный кардиган, подчеркивающий и без того внушительную грудь. Основательный слой макияжа и идеальная прическа. Вчера начальница перепила Макэвою в соотношении три к одному, но если бы не тени под глазами, могло показаться, что она вернулась из отпуска, который провела на роскошной яхте.

— Мэм, мне так жаль, на улицах пробки, да еще Фин, и...

— Не парься, — с улыбкой посоветовала она. — Мы и без тебя кое-как справляемся.

— По радио, — выдохнул он. — Пожар в доме? Орчард-парк.

Она кивнула:

— Поручили ребятам в Гринвуде. Мы не можем распылять людские ресурсы, так что пожаром занялся сержант Кнеггс. И кажется, мой звонок капельку его огорчил. В деле Дафны у нас для него по-прежнему нет места.

Дафны, отметил Макэвой. Не «в деле Коттон». Значит, Фарао действительно приняла это убийство близко к сердцу.

— Значит, там все ясно?

— Не совсем. Кто бы там ни поджарился, это был не владелец дома. Тот и так уже в больнице. Один из немногих приличных жителей во всей округе. Милый старичок. Жена гостила у дочери, в стране непуганых тори — в Кирк-Элле, кажется. Обрадовалась как дитя, услышав, что от дома остались одни головешки. И утихла, только когда полисмены заметили, что нашли на диване готовое барбекю. Не имеет ни малейшего представления, кто бы это, черт возьми, мог быть. А я что-то сильно сомневаюсь, что мы когда-нибудь сможем потрепаться с этим типом. Ожоги девяносто процентов. От лица ничего не осталось. Внутренние органы запечены с корочкой. Его явно облили чем-то горючим, но эксперты только руками разводят. Пока его держат в новом корпусе Королевской больницы, но собираются перевести в Уэйкфилд. Не представляю зачем. Если там не

сошьют ему новый кожаный костюм, он все равно не жилец.

Макэвой кивнул. Пожар в Орчард-парке не сильно его заинтересовал, но, если быть до конца честным, он сразу определил в жертве наркомана или грабителя, едва услышав новость по радио. Несчастный случай, но не трагедия. Заслуживает того, чтобы кто-то уделил ей время, попробовал разобраться. Не обязательно он сам.

— Значит, я пропустил отчет медэксперта?

— Благодарю судьбу, — сказала она. — Даже Колин Рэй держал рот на замке.

— Вывод?

Фарао не пришлось заглядывать в блокнот. Она просто перечислила все важное, глядя прямо в глаза Макэвой, но на самом деле не видя его.

— Восемь отдельных рубящих ранений, каждое до кости. Первое же разнесло ключицу надвое. Все нанесены правой рукой, с размаху. Еще шесть ударов в ту же область разбили кость на мелкие осколки. Один из костных фрагментов пронзил грудной отдел. Последний удар, когда она лежала на полу, пришелся прямо в сердце. Дафна была мертва к тому времени, как он выдернул лезвие.

Макэвой прикрыл глаза. Выровнял дыхание.

— То есть он намеревался убить? Этот последний удар, он настолько...

— Да, он хотел поставить точку, — кивнула Фарао. — Он желал ей смерти. Мы не знаем, кто этот тип, почему он решил убить Дафну или зачем выбрал для этого долбаную набитую народом церковь, но ясно одно: он, черт побери, был настроен решительно.

Макэвой смотрел, как она с силой прижала костяшки пальцев ко лбу. Подвигала взад-вперед челюстью. Зажмурилась, уже начиная злиться.

— Еще что-нибудь?

— Подтвердился рассказ твоей вчерашней подружки. Следы заживления на ключице, с той же стороны. Патолог едва сумел различить их под нагромождением новых ран, но следы есть. С Дафной такое произошло не впервые.

— И что же нам делать с этой информацией, мэм? Вы сообщили группе?

Она кивнула.

— Неизвестно, будет ли толк, но потянуть за эту ниточку все же стоит. О детстве Дафны мало кто знал, и все это может оказаться кошмарным совпадением, но мне в такое верится с трудом. Колин Рэй проглотил всю историю, не разжевывая. Стоило мне заговорить, и он тут же выдумал свою

версию: убийство совершил какой-то беженец из Африки, решивший закончить однажды начатое. Уходя, бормотал что-то насчет иностранцев, занятых грязными делишками в нашем чудесном Йоркшире. Сомневаюсь, чтобы он верно ухватил суть.

Макэвой не ответил. Та же мысль посещала и его самого.

— По заключению токсикологов, уровень алкоголя в ее организме соответствует глоточку вина причастия. Еще у нее была легкая простуда. И она была девственницей.

Фарао отвернулась, не в силах продолжать.

— На тебе телефонные звонки, — бросила она через плечо, направляясь к лестнице. — Считай себя офисной крысой, если хочешь. Просто убедись, что констебли и службы поддержки не ляпнут ничего лишнего. Мне нужно еще раз встретиться с семьей Дафны, потом придется поболтать с местной «Дейли мейл». Главный констебль ждет доклада в три часа. Будто есть чем его обрадовать. А если выкроишь пяток минут, нам еще нужно просмотреть уйму материала с камер слежения.

Уже на лестнице Фарао оглянулась и произнесла тоном скорее дружеским, чем начальственным:

— Тебя поздравляли с удачной зацепкой. Думаю, тебе стоит знать.

Все это было два часа тому назад, и остаток утра радости не принес. Те несколько звонков, что он принял, настроения тоже не подняли.

Мысли Макэвой вновь и вновь обращались к Фреду Стейну. Было в истории с его гибелью нечто не просто странное, а почти зловещее. Чувство вины Макэвой еще мог бы понять. Сам знал, каково это — выжить в ситуации, когда остальным повезло куда меньше. Но чтобы восстанавливать нарушенный баланс таким драматичным, почти театральным способом? Увязаться за съемочной группой? Прятать в багаже спасательную шлюпку? Он слишком мало знал о Фреде Стейне, чтобы разбираться в мотивах, но опыт подсказывал: бывшие моряки-рыболовы не часто доходят в своих эскападах до подобных крайностей.

Макэвой вышел в коридор и оставил голосовое сообщение для Кэролайн Уиллс — репортерши, умудрившейся потерять звезду своего фильма в семидесяти милях от побережья Исландии.

Вернулся к своему столу. Оперативный штаб понемногу обретал рабочий вид. Вдоль одной стены выстроились шкафы для папок, столы расставлены строго попарно, как скамьи в автобусе, а на карте у запыленного окна со вчерашнего дня явно прибавилось булавок: достоверные и вероятные точки, где видели подозреваемого, а также догадки следователей. Один из полицейских тихо говорил по телефону, но

по мимике и жестам было ясно, что звонок не предложит новой многообещающей версии. Макэвой получил с дюжину сообщений от Тремберг, Киркленд и Нильсена, старавшихся держать его в курсе своих перемещений. Нильсен заканчивал опрос последних свидетелей из списка, заодно теряя последние крупницы терпения. Эти люди ничего не разглядели толком. Они слышали, но не слушали. Видели само убийство, но им невдомек, откуда взялся душегуб и куда подевался потом.

Софи Киркленд пропадала в техотделе, изучала содержимое жесткого диска из компьютера Дафны Коттон. Пока что ей удалось выяснить немного: жертва нередко посещала сайты, посвященные тонкостям христианского учения и Джастину Тимберлейку.

Макэвою было скучно, хотя признаваться он бы в этом не стал никому. Заняться текущими делами он не мог, поскольку все документы остались в кабинете на Прайори-роуд, а оперативники, вопреки его сомнениям, приноровились обращаться с базой данных, так что ему ровным счетом нечего было делать, даже систему чистить не нужно.

В кармане подал сигнал мобильник. Исходящий номер скрыт. Макэвой откинулся на стуле и с готовностью ответил на звонок:

— Сержант уголовной полиции Эктор Макэвой.

— Знаю, сынок. Тебе и звоню. — Это был детектив-инспектор Колин Рэй.

— Да, сэр. — Он выпрямлялся, поправил сбившийся галстук.

— Я так понял, Фарао еще занята?

— Полагаю, готовится к интервью с «Мейл»...

— Весь вечер на арене, да? В свете прожекторов?

Макэвой молчал. Полагалось тихонько фыркнуть из вежливости, дабы польстить начальству. Но шуточка в адрес Триш Фарао откровенно не понравилась Макэвою.

— Вы что-то хотели, сэр?

Голос Колина Рэя тут же изменился. Налился агрессией.

— Да уж, сынок, есть такое дело. Можешь передать ей, что мы с Шез тащим кое-кого в участок. Невилла-расиста. Пьет в «Кингстоне». Просто согласился поболтать, так что не спеши с пресс-релизом. Хочу дать типчику оглядеться в комнате для допросов, может, это как-то расшевелит ему память.

Сердце у Макэвоя забилося чаще. Он вскочил, едва не уронив телефонный аппарат.

— Какая связь с нашим делом?

— Ему не по душе иммигранты, нашему Невиллу, — ответил Рэй. —

А точнее, он ненавидит этих ублюдков. И нрав у него тяжелый. Эта твоя училка заставила меня задуматься. Думаю, наш Невилл захотел преподать кому-то из них урок, так что решил мочкануть одного и свалить на другого. Чтобы выглядело незавершенным делом, тянущимся из Африки или откуда там еще. От «Кингстона» до площади Святой Троицы всего-то сотня ярдов, и бармен Терри припоминает, что в субботу Нев отсутствовал добрый час. Вовсе на него не похоже, обычно сидит до закрытия. Невилл уверяет, будто ходил за подарком для внучки, но...

— Внучки? — В голосе Макэвой прозвучало недоверие. — Сколько же ему?..

— Под шестьдесят. Здоров как бык, между прочим.

— Инспектор, я столкнулся с тем парнем лицом к лицу. Мужчина в расцвете сил. Быстрый. Я не думаю...

— Просто передай это Фарао, когда та кончит самолюбоваться.

Гудки в трубке.

Макэвой уткнул лицо в ладони. В голове шумело. Неужели все так просто? Типичное преступление на расовой почве? Старый мракобес попросту сбросил накопившийся пар? Макэвой попытался прикинуть, чем обернется расследование в этом случае. Заметят ли его, пусть не такой явный, вклад в следствие? Не повысят ли Колина Рэя, сделав его выше Фарао?

Он посмотрел в окно. За серым от пыли стеклом свежий бриз раскачивал голые ветви набросанных углем деревьев. Приближалась буря. Как бы снегопад не обернулся настоящим бураном.

Снова зазвонил телефон.

— Макэвой, — буркнул он в трубку.

— Сержант? Здравсьте, это Кэролайн Уиллс. Из «Вогтейл продакшнз», помните? Я только что освободилась. Чем могу помочь?

Макэвой придвинул блокнот, зубами стащил колпачок с шариковой ручки. Сосредоточился на судьбе Фреда Стейна.

— Спасибо, что перезвонили, мисс Уиллс. Это насчет мистера Стейна.

— Вот как? — В голосе разочарование. — Я-то надеялась, речь пойдет о деле Дафны Коттон.

Макэвой стукнул по зубам ручкой — напоминание себе не сболтнуть лишнего.

— Вы в курсе текущего следствия?

— Вы расследуете ее убийство, — беззаботно сказала мисс Уиллс. — Кошмар какой-то, верно? Бедняжка.

— Да. Но вернемся к Фреду Стейну.

— Да-да, тоже печальная история. Симпатичный был старичок. Мы быстро нашли с ним общий язык. Но вы работаете в уголовном отделе, я верно поняла? В Гулле? Так при чем тут...

— Сестра мистера Стейна живет неподалеку. Обстоятельства его смерти вызвали ряд вопросов, и я обещал сделать все, что в моих силах, чтобы найти ответы.

— Она что, замужем за главным констеблем? — рассмеялась мисс Уиллс, звонко и мелодично. Звучный говорок среднего класса. Наверняка южанка. Проницательная. Мысленно Макэвой определил ее возраст как тридцать с хвостиком.

И решил подыграть:

— Ее супруг — член совета при Управлении, раз на то пошло. Дотанцевал до председательского кресла, когда ему еще не было шестидесяти.

— Ага. Теперь все ясно.

— Итак, что вы можете рассказать?

— Ну, я уже дала показания исландским властям и должна буду выступить перед коронером, когда откроется слушание, но о случившемся я знаю так мало, что, в общем-то, нетрудно и пересказать. Если коротко, я управляю небольшой телекомпанией, мы снимаем документальное кино. Занимались кое-какими проектами и на эфирном телевидении, но большинство наших фильмов показывают кабельные каналы. Лет пять тому назад снимала программу о крушении «Данбара». Провела какое-то время в Гулле. Бог ты мой, что за местечко.

Макэвой услышал собственный смешок.

— Подходящее описание.

— Вот-вот. Такой приземленный. Настоящий северный город. Надеюсь, это не звучит слишком глупо.

— Все верно. У обеих ног по гончей, а на плече мешок картофельных чипсов. Все северяне одинаковы.

— Ха, мою мысль вы ухватили, — фыркнула она.

— Что такого интересного в «Данбаре»?

— Этот супертраулер затонул еще в конце семидесятых, во время яростного шторма у берегов Норвегии. Долгие годы среди рыбаков Гулля ходили разные слухи. Поговаривали, что «Данбар» был судном-шпионом времен холодной войны и заходил в русские воды, чтобы фотографировать корабли неприятеля. Кое-кто уверял, что вся команда «Данбара» до сих пор жива и гниет в каком-нибудь русском ГУЛАГе. Даже когда местная рыболовецкая флотилия всплыла брюхом кверху, разговоры о судьбе

«Данбара» не утихли, пока представитель города в парламенте не решил выполнить одно из предвыборных обещаний и не настоял на официальном расследовании. Впрочем, точку так и не поставили. «Данбар» действительно ушел на дно Баренцева моря. Тела моряков были найдены на его борту. Но были ли среди них сотрудники разведки? Никто не мог ответить толком. Золотая жила для таблоидов и приверженцев теорий заговора.

Янки обожают все, что напоминает им о холодной войне. Мы подкинули идею одному каналу в Штатах. Сами знаете, как это подается: были ли отважные йоркширцы шпионами в стане Советов? Не красные ли заставили их замолчать? Думаю, американцы соскучились по старым добрым временам. В любом случае наживку они заглотили, так что в последние дни слушаний я ходила на заседания комиссии как на работу. Милейшие люди. Один парень, Тони Как-бишь-его, насквозь пропах пепельницей. Между прочим, программа так и не вышла в свет. Нам все равно заплатили, но для фильма не нашлось места в сетке передач.

В прошлом году я просматривала старые материалы. То, что не пошло в эфир. Поглядела программу о «Данбаре» и поняла, какая это была интересная маленькая история. Не чепуха про холодную войну, а люди, которых затронуло крушение. Их судьбы. Их рассказы. Я кое-что почитала и быстро сообразила, что скоро сорок лет с той Черной зимы. Четыре траулера за несколько дней. Кошмар. Я просмотрела старый список контактов и попыталась связаться кое с кем из старперов, кого видела на слушании. Ну, сами понимаете, как это бывает. Люди переезжают с места на место. Хотя, немного поковырявшись, я отыскала Расса Чандлера. Он больше писатель, чем журналист, но свое дело знает. И уж точно разбирается в рыбном промысле. Он-то и рассказал мне про Фреда Стейна — единственного, кто спасся. Отличная находка для программы о Черной зиме, с выходом в современность. Узнав, что Фред никогда не рассказывал о случившемся, мы вытащили чековую книжку. Поручили Рассу разыскать его. Сделали предложение, заключили сделку, и хлоп-хлоп-хлоп — уже ищем контейнеровоз, который доставит нас в Исландию.

Макэвой кивал, слушая. Он перестал делать заметки. Поймал себя на мысли, что ему нравится манера этой женщины говорить.

— В общем, так и вышло. Мы прислали машину. Обо всем договорились. Встретили у трапа, или как это у них называется. Совершенно потрясный старикан. Набит анекдотами. Просто находка. Мы планировали сделать серию интервью во время путешествия, а потом он бросил бы в воду венок на месте трагедии. Прекрасная сцена для концовки.

Но после того, что задумывалось как заключительное интервью, он разволновался. Вышел на палубу подышать свежим воздухом и не вернулся. Два дня спустя, уже дойдя до исступления, мы услышали по радио, что его нашли в дрейфующей спасательной шлюпке. Умер от переохлаждения и травм грудной клетки...

Она умолкла.

— Говорите, Фред разволновался? Достаточно, чтобы покончить с собой?

— Не сказала бы. Но раз уж он захватил с собой шлюпку, должно быть, все было спланировано давным-давно. Не припомню, чтобы он сгружал ее, и я узнавала в таксопарке, который доставил его на пристань, там тоже не думают, чтобы он волок с собой шлюпку, но люди вечно ошибаются, вечно забывают всякие мелочи. Очевидно, лодка, пока ее не надули, вполне могла сойти за чемодан среднего размера. Просто-напросто откидываешь замки, дергаешь за ручку, и она мгновенно надувается. Там твердая средняя часть, так что, вполне возможно, ребра у старика сломались при ударе о днище. Сложно сказать. И надо заметить, капитан сухогруза не сильно радовался нашему присутствию, большинство разговоров велось на исландском, так что попытки выяснить, что же там случилось, успеха не сулили.

Макэвой снова кивнул. Полнейшее отсутствие логики.

— И что же произошло, на ваш взгляд?

— На мой? Думаю, Фред сам свел счеты с жизнью. Не знаю только, чувство вины его доконало или старость дала понять, что время самое подходящее. Он ведь прожил сорок лет, которых, по его мнению, не был достоин. Может, не считал, что прожил эти годы правильно. В любом случае, печальная история. Но по крайней мере, о нем будут вспоминать.

— Что вы имеете в виду?

— Наш документальный фильм. Беседы просто поразительные. Такие волнующие, трогające за душу. Я могу отправить их вам, если интересно.

Макэвой опять кивнул, не сознавая, что собеседница его не видит.

— Да, благодарю вас.

Оба помолчали.

— Вам бы с Рассом пообщаться, если и правда хотите заполнить пробелы, — посоветовала мисс Уиллс. — У этого парня отменный нюх, это он нашел для нас Фреда. До мельчайших подробностей знал всю историю. И писатель что надо. Скупаю по нему.

— Отчего? То есть где же он?

— Расс хотел отправиться с нами в море, но мы ни за что не смогли бы

его застраховать.

— Вот как?

— Да, он немного...

— Что?

Мисс Уиллс тихо засмеялась.

— Разболтанный, — сказала она, отсмеявшись. — Он пьет. Хотя нет, это Оливер Рид пил, Эми Уайнхаус пила. А Расс бухает по-черному. Вы в жизни своей не видели ничего подобного. А еще выкуривает в день по три пачки, не меньше. Это уже стоило ему одной ноги и скоро, наверное, оставит без второй.

— Похоже, свои пороки он лелеет.

— Не то слово. Хотя голоса, которые он слышит, куда опаснее. Сейчас Расс лечится в частной клинике в Линкольншире, это что-то среднее между просушкой и психушкой. Расс отличный персонаж, но жизнь ему выпала та еще. Горечи ему не занимать, но кому ж не по сердцу пинта горького со стопкой виски вдогон? Впрочем, пообщаться с ним стоит.

Столько всего о Фреде вам никто другой не расскажет. Да мы и не сумели бы его отыскать, если б не Расс. Жаль только, он сам выписывает чеки за свое лечение.

Макэвой оглядел комнату. Полицейские все так же расшифровывали телефонные беседы и регистрировали звонки. Заняться тут решительно нечем. А внутренний голос все настойчивее твердил, что услышанное только что очень важно.

Макэвой зажмурился, уже сожалея о принятом решении.

— Посетителей он принимает?

Глава 2

15.22. Поместье Линвуд.

Дремучая глухомань где-то в Линкольншире.

Два часа езды от дома.

А что, шикарно, думал Макэвой, пока его машина в плавном развороте останавливалась на площадке у импозантного строения красного кирпича. Полюбовался дубовыми створками огромных парадных дверей, роскошной плиткой крыльца.

Приспособленное под новые нужды здание викторианского поместья располагалось на четырех акрах тщательно спланированных лесных угодий; увидев этот фешенебельный отель, Макэвой даже решил, что кликнул по неверной ссылке, когда, пробиваясь через ворох веб-страниц с координатами заведений душевного здоровья, наткнулся на нужный адрес.

Управляемая международной компанией, специализирующейся на лечении наркомании, эмоциональной неустойчивости и алкогольной зависимости, эта клиника сообщала на своем сайте, что их эффективность составляет 90 %. То, что могло показаться месяцем аскетичных мук, сайт подавал как эксклюзивный отдых в райском уголке.

До вечера было еще далеко, но небо уже начало меркнуть, и серое покрывало яростного снегопада, который вскоре заметет и Гуль, здесь уже прорвалось. Сверху валило конфетти пушистых белых хлопьев, и Макэвой мысленно поблагодарил свое длиннополое пальто, взбегая на крыльцо и чувствуя, как ветер хватает его за брючины.

В холле, за столом красного дерева, сидела улыбчивая женщина средних лет в белой блузе и с безукоризненно подкрашенными черными волосами. На блестящей полированной столешнице стояла ваза с букетом — герберы и гипсофилы. Слева от женщины — глянцевого брошюрки и прайс-листы в аккуратных стопочках. Взять рекламный проспект, разминувшись с нею, было невозможно. Как нельзя и не кивнуть, отвечая на эту приветливую улыбку. Еще сложнее уйти, не втянувшись в разговор и минут через двадцать не уверовав окончательно, что поместье Линвуд — наилучшая из клиник, куда только можно поместить себя, своих близких и свои сбережения.

— Добрый день. Хотя не такой уж и добрый, правда? Похоже, вы одеты по погоде. Как считаете, снег еще полежит? Нынешнее Рождество, пожалуй, и вправду будет белым. Уж сколько лет никак не случалось.

Думаю, наших гостей это обрадует. В прошлый раз недовольных было хоть отбавляй. Чем могу помочь, хороший вы мой?

Только усилием воли Макэвой заставил себя не поддаться желанию отступить под почти физически ощутимым напором ее гостеприимства. Хотя женщина была стройной, она чем-то напомнила ему собирательный образ довольной жизнью пухлощекой викторианской поварихи с большими, белыми от муки руками и румяным лицом. Ему уже было жаль горемычных, едва переставляющих ноги пьянчужек, которым предстоит разговор с нею на пути к программе лечения. *Еще секунд двадцать в ее компании*, подумал Макэвой, *и рука сама потянется к бутылке бренди.*

— Я сержант уголовной полиции Эктор Макэвой. Подразделение особо опасных преступлений уголовного отдела полиции Хамберсайда. Мне бы хотелось...

— Особо опасных, значит? Разве не все преступления опасны? Вот, скажем, угон велосипеда едва ли покажется кому-то несерьезным деянием. Такое как раз случилось с моим племянником, и он, бедняжка, так расстроился...

Женщина за столом и не думала умолкать, и Макэвой едва удержался, чтобы не захлопнуть ей рот. Улыбка, ни на миг не покидавшая ее лица, поразительным образом не затрагивала глаз — точно освещенные окна давно покинутого дома.

— Я насчет одного из здешних пациентов, — встрял Макэвой, когда женщина сделала паузу, чтобы перевести дух. — Рассел Чандлер. Я звонил, но дозвониться не вышло.

— Ой, да без конца эти проблемы со связью. Непогода, скорее всего. С электронной почтой и интернетом у нас тоже сплошные перебои.

Макэвой раздраженно ворочал во рту языком, строил жуткие гримасы, надеясь напугать дамочку звериным оскалом. Этот денек успел его достать. Он, конечно, подстелил соломки, связавшись с помощником главного констебля Эвереттом и доложив ему, что Барбара Стейн-Коллинсон просит помочь прояснить обстоятельства смерти ее брата. Но разгневанная Триш Фарао все равно наорала на него, прознав, что офисная крыса покинула пост по заданию начальства повыше. «Мог бы и отказаться, кретин! — вопила она в трубку — Мы убийство расследуем, господи боже. Смотри, боком тебе это выйдет, Макэвой! На двух стульях не усидеть никому!»

А он еще подкинул дровишек в топку злости Фарао, передав слова Колина Рэя насчет ареста Невилла-расиста. Та, не дослушав, отключила связь.

— Рассел Чандлер, — твердо сказал Макэвой. — Как я понимаю, у вас

есть такой пациент?

Улыбка на лице стража клиники погасла.

— Боюсь, эти сведения конфиденциальны.

Макэвой молчал. Просто рассматривал ее с выражением, способным расплавить экран компьютерного монитора.

— Это важно, — процедил он и понял, что и в самом деле так думает.

— Политика нашего учреждения — полная конфиденциальность, — гордо отрезала регистраторша.

Хотя от входа тянуло холодом, Макэвою было жарко, по шее скатывались капли пота. Конечно, можно затеять свару и к Чандлеру его наверняка пустят, но вдруг клиника подаст официальную жалобу? Что он скажет в оправдание? Чандлера никто ни в чем не подозревает. Он даже свидетелем не проходит, если разобраться. В лучшем случае он может оказаться источником общих сведений по делу, которое даже не классифицировано как криминальное. Да и кроме того, этично ли допрашивать кого-то в подобном месте? Где люди сражаются с собственными проблемами? *Господи, Эктор, что ты такое творишь?*

Он отступил от стола, растеряв вдруг всю самоуверенность.

— Простите, но я, кажется, расслышал свое имя?

Макэвой обернулся. На пороге стояли двое. Мужчина помоложе одет был по-спортивному: застегнутая до подбородка ветровка, плотно натянутая вязаная шапочка и тренировочные брюки, заткнутые в футбольные гетры. Он подпрыгивал на месте, лицо в оконце между шапкой и воротником куртки покраснелось. Второй мужчина, пониже, был тощ, вылитый скелет. Одет он был в мешковатые вельветовые штаны, парусиновые туфли на резиновой подошве и пуховик прямо поверх майки с треугольным вырезом. Голова гладко выбрита, но ясно, что дело вовсе не в бритве; в темной бородке поблескивает седина. Глаза спрятаны за очками, и даже с расстояния в несколько ярдов видно, насколько грязные в них стекла.

— Наша привратница осложняет вам жизнь? — с улыбкой спросил скелет, дернув головой в сторону женщины за столом. Макэвой уловил легкий намек на ливерпульский говор. — Да, она свирепа, наша Маргарет. Верно ведь, милочка?

Макэвой покосился на регистраторшу, но та уткнулась в монитор, притворяясь, будто ничего не слышит. Чандлер уже успел пересечь холл и направлялся к нему.

— Расс Чандлер, — протянул он руку. Принимая его ладонь, Макэвой точно пожал пук сухих веток.

— Сержант уголовной полиции Эктор Макэвой.

— Это я уже понял, — с дружелюбной усмешкой сказал Чандлер. — В свое время делал кое-какую работенку в ваших краях. Был неплохо знаком с Тони Холтуэйтом. Как быстро все замяли, а?

Да неужто, черт подери, все до последнего в курсе?

— Я предпочел бы...

— Не робейте, дружище. Мои уста запечатаны. Хотя если у вас найдется при себе бутылка виски, то еще как откроются. — Он осклабился в сторону регистраторши: — Шутка, милочка, шутка.

Парень у входа продолжал энергично подпрыгивать.

Заметив взгляд Макэвой, Чандлер обернулся:

— Давай двигай, сынок. Обычный маршрут. Не забывай работать руками. Увидимся у скамейки.

Кивнув, парень исчез. Макэвой слышал, как быстрые шаги удаляются по гравию. Вопросительно посмотрел на Чандлера.

— Сосед по комнате, — пояснил тот. — Нас тут держат по двое, чтобы по ночам следили друг за дружкой, вдруг кому приспичит свести счета с жизнью.

— Вы ведь увлекаетесь боксом?

— Не так давно книгу навалял об этом. Биографию одного спортсмена родом из Скандинавии, он провел пару сотен профессиональных боев. Неплохое чтение, кстати. Тогда и втянулся. А вы любите бокс?

— Немного боксировал в школе. И еще в университете. Сложновато было найти подходящего соперника, уговорить выйти со мною на ринг. Здоровее меня в спортзале никого не было.

— Я уж вижу, — без ехидцы улыбнулся Чандлер. — В любом случае, чем могу служить?

— Мы могли бы где-нибудь поговорить, мистер Чандлер? Это насчет Фреда Стейна.

Чандлер выпятил нижнюю губу, шевельнул бровями, демонстрируя изумление.

— Фреда? Не уверен...

— Это не отнимет много времени.

Чандлер отмахнулся, явно не тревожась о времени.

— Не возражаете, если мы пройдемся? Я обещал своему юному другу последить за секундомером.

Вполне довольный Макэвой благодарно согласился.

Спускаясь по ступеням в припорошенные снегом сумерки, Макэвой заметил, что его компаньон припадает на правую ногу. Вспомнил слова

Кэролайн и скосил глаза вниз. Чандлер, заметив это, сказал просто:

— Ампутация. Умеренная плата за удовольствия, сигареты и рацион из бекона. Под штаниной протез. От души рекомендую всякому, кто мечтает похудеть. Отщелкиваешь нижний кусок ноги и сразу сбрасываешь полстоуна.

Макэвой не знал, как реагировать — то ли участливо похлопать его по плечу, то ли ободряюще хмыкнуть.

— Фред Стейн, — напомнил он, шагая по чисто выметенной гравийной дорожке к шеренге елей. — Вы слышали о том, что случилось?

— Да уж. — Вздох Чандлера сорвался в кашель. Сухой, нездоровый. — Бедняга.

— Кэролайн Уиллс рассказала, что вам первому удалось разговорить старика. Вы отыскиали для них Фреда, вели переговоры.

— Что-то вроде.

— Когда вы встречались, ничто не указывало на то, что Фред намерен покончить с собой?

Чандлер остановился ярдах в пятистах от здания клиники. Оглянулся, убеждаясь, что никто не наблюдает за ними из открытых дверей, затем нагнулся и задрал брючину. Ухватился за колено и быстрым рывком отстегнул протез. Сунул руку внутрь и достал сигаретную пачку и зажигалку. Закурил, глубоко затянулся. Его жесты походили на сакральное таинство. Затем, все так же не говоря ни слова, пристегнул протез на место. Поднял к Макэвою лицо. Его улыбка была бы лукавой, не выгляди она столь пугающей.

— Заначка? — невольно рассмеялся Макэвой.

— Клиника заставляет при поступлении подписать обязательства, — презрительно сказал Чандлер. — Никаких сигарет. Никакого шоколада. Ни крошки сахара. Организм нельзя вычистить, если человек продолжает сыпать в себя токсины.

— А вы не считаете, что имеет смысл прислушаться?

— Что тут скажешь, сержант, я ведь и не сомневаюсь в их правоте. Но с пороками всегда так. Вредные привычки, они потому и вредные, что от них не избавиться.

— Но деньги, которые здесь берут за курс лечения, несомненно, убедительный довод, чтобы...

— Стараюсь изо всех сил. — Глядя в сторону, Чандлер выпустил длинную струйку дыма. — Уже трижды побывал в клиниках вроде этой. Выхожу, преисполненный радужных надежд, а в конце дня уже сижу в забегаловке, опрокидывая стакан за стаканом. Знаю, что этим кончится,

делая первый шаг за ворота. А борюсь я именно с бесповоротностью. Сама мысль, что никогда не выкурю еще одной сигареты. Никогда не пригублю стаканчик. Так какой же тогда смысл?

— Ваше здоровье, разумеется...

— А ради кого мне оставаться здоровым? Я одинок, дружище. Ни детей, ни женушки, ни поклонниц, мечтающих переспать со мной. Мне самому приходится платить за то, чтобы публиковать собственные чертовы книжонки. — Последние слова Чандлер произнес с внезапной горечью. Макэвой заметил, как сжались его губы.

Макэвой быстро прокрутил в голове почерпнутые из интернета сведения об этом человеке. Он нашел его подпись под несколькими статьями на корпоративных веб-сайтах и на порталах общенациональных газет, но большинство ссылок вело к издательству с главным офисом где-то в Суррее. Расс Чандлер был автором нескольких книг, которые издал за собственные деньги. Некоторые посвящались эпохе расцвета рыбного промысла, предметом других была местная история; еще пара томов — о нераскрытых преступлениях в различных городах на севере. Книги сопровождала краткая биографическая справка: Рассел Чандлер родился в Честере в 1956 году и некоторое время служил в армии, прежде чем стать писателем; какое-то время проработал страховым агентом и офис-менеджером в фирме, занимавшейся автоперевозками. Успел пожить в Оксфорде, Восточном Йоркшире и Лондоне, теперь обосновался на востоке Англии. Его последняя книга, биография трех пилотов Королевских ВВС, во время Второй мировой вылетевших на своих тяжелых бомбардировщиках на Дрезден, увидела свет четыре года тому назад. Макэвой прочел выдержку из книги. И впечатлился.

— Я вас не выдам, — сказал Макэвой, глядя, как писатель затягивается сигаретой.

— Спасибо. — Тот отвесил театральный поклон и протянул пачку: — Курите?

— Нет, — мотнул головой Макэвой. И непринужденно добавил: — А вот жена курит.

Чандлер усмехнулся:

— Тогда, может, возьмете одну и угостите ее?

Макэвой ощутил, как внутри закипает гнев.

— Нет, благодарю. Она на восьмом месяце. У нас с ней уговор — не больше трех штук в день. И один бокал вина... — Он замолчал.

— Любит выпить?

Глаза Макэвой наткнулись на пристальный, тяжелый взгляд спутника.

Чандлер был заинтригован.

— То, как вы это сказали...

Макэвой пожал плечами. Ладно, вреда не будет.

— Мы уже теряли детей. Это наша четвертая попытка завести второго.

Чандлер положил руку на широкое плечо Макэвой:

— Я бы за вас помолился, если бы хоть немного верил во всю эту хрень. Да вот не верю. Так что просто пожелаю самого наилучшего.

Макэвой неожиданно для себя улыбнулся. Благодарно кивнул, отвернулся, чувствуя, как подрагивают губы, а в глазах словно туман встал. А вдруг этот тип решил, что это Ройзин виновата в смерти их нерожденных детей?

— Сигареты тут ни при чем. И выпивает она не более одного маленького бокала. Знает, когда остановиться...

— А я вот не знаю, — тихо сказал Чандлер.

Макэвой спросил себя, не слишком ли усложнил себе этот разговор.

— Отец всегда говорил, тут дело в силе воли. Надо решить для себя, куришь ты или не куришь, и тогда останется просто следовать решению. Сам я не курю. Жена курит. Вот и все.

— Похоже, он был неглупым малым.

— И был, и остается таким.

— Тоже коп?

— Нет. Он фермер, их называют крофтерами, живет у озера Лох-Юи. Для вас — Западное Нагорье. Больше сотни лет на одном и том же участке земли.

— Правда? — оживился Чандлер. — Я читал об этих фермерах. Суровая жизнь, судя по рассказам.

— Именно. — Макэвой разрывался между желанием рассказать о своем детстве еще что-нибудь, поковырять эти так и не зажившие струпья, и желанием расспросить про Фреда Стейна. — Вымирающий образ жизни.

— Знаю. Фермы сейчас сплошь и рядом переделывают в коттеджи для туристов, как пишет «Таймс». Ваш родитель не надумал?

— Да он скорее отгрызет себе обе руки, — хмыкнул Макэвой. — Возделывает землю на пару с моим братом.

— А вам такая жизнь не по нраву? — Голос у Чандлера был вкрадчивый. Мягкий. Ободряющий.

— Я отдал ей десять лет. Потом уехал к матери. Городская жизнь. Или, по меньшей мере, то, что зовется ею в Инвернесе. Провел там около года. Потом уехал в школу-пансион, за которую платил отчим. Дальше Эдинбургский университет. Три курса из пяти. А потом это — полиция,

Йоркшир, Гуль. Муж и отец. На севере я без надобности. Не думаю, впрочем, что и прежде был там полезен.

— Печально. — Судя по голосу, Чандлер сказал это искренне.

Какое-то время оба молчали, а потому вдруг оба разом вспомнили, что свело их тут.

— Итак?

— Ах да, Фред. Громкая была история. Когда все случилось, я еще в пеленках барахтался. Но я довольно долго работал в Гулле, так что наслушался рассказней про Черную зиму. Короче говоря, имя Фреда Стейна я услышал много лет назад. Редакция «Йоркшир пост» располагалась тогда на Ференсуэй, и по стенам там висели газетные передовицы в рамках. Однажды я заглянул туда пропустить по банке эля с приятелем, который работал в «Сан» и снимал в редакции угол, и от нечего делать я прочел ту первую полосу из шестидесятых. Насчет единственного парня, которому повезло выжить. Их было трое в спасательных шлюпках, но только его отнесло к Исландии. Шатался там по берегу, пока не попался на глаза местному фермеру. Газеты подняли ту еще шумиху, когда выяснилось, что он жив. Когда все уже рукой махнули. И я просто отложил эту историю на полочку в своем мозгу. Там уже сам черт ногу сломит, в этих залежах.

— А в то время вы еще не были с ним знакомы?

— Нет-нет. Фред оставался для меня лишь сюжетом. Я решил про себя, что однажды попытаюсь разговорить его. Могла получиться неплохая книга о том, что там случилось на самом деле. Ремесло у меня такое, понимаете? Я публикую приблизительно одну книгу в год. В магазинах они стоят на полках краеведения, можно купить там или заказать на сайте издательства. Неплохо продаются, по нашим временам. Фред казался идеальным героем, только руки не доходили.

— До тех пор?..

— Ну да, пока не появилась Кэролайн из «Вогтейл». Познакомились во время слушаний о судьбе «Данбара». Ничего девка, хотя малость самовлюбленная. Ни черта не смыслила в рыбном промысле и была не против оплатить историческую справку. Это мой конек. Я в деталях описал всю подноготную местной флотилии, главных персонажей, все имена. Теории, контакты. Все, что нужно. Тогда-то Фред Стейн и всплыл в памяти. Я пересказал ей историю и забыл про это думать, пока в прошлом году Кэролайн не связалась со мной, решив, что материал сгодится для документального фильма.

Они уже дошли до деревьев, и в сумерках ориентироваться стало

сложнее. Чандлер показал на кованую скамью, они сели. Макэвой поежился в своем теплом пальто, ветер покусывал открытые участки кожи. А Чандлеру было все нипочем, кожа да кости, куртка нараспашку, под ней одна майка — и ничего. А на вид такой доходяга, бледный, и парок, вылетающий изо рта, — ну точно облачка сигаретного дыма.

— А как вам это удастся? Как находите человека?

— Не так уж это и сложно. — Чандлер усмехнулся. — Берешь последний известный адрес и садишься за телефон. Местные рыбаки — тесная компашка, и память у них долгая. И недели не прошло, как я отыскал Фреда в Саутгемптоне. Первые три раза он бросал трубку, так что я отписал вежливое письмо со своими координатами, и в итоге он со мной связался. Я заговорил ему зубы. Давил на шанс перевернуть эту страшную страницу жизни. Воздать почести товарищам. Попрощаться. Рассказать свою версию того, что случилось. Честно говоря, не думаю, чтобы это сильно его заинтересовало, но стоило мне упомянуть, что телевизионщики готовы платить, и Фред сменил пластинку. Не хочу сказать, будто он решил нажиться, ничего такого. В желании заработать нет ничего скверного. Ему хотелось отложить что-нибудь на старость, и только.

— И вы встречались с ним лично?

— Лишь однажды. Кэролайн была в Штатах, а ей требовалось подписать договор. Я отправился в Саутгемптон за счет телевизионщиков, и мы пропустили пару пива в любимом пабе Фреда. Приятный старик, право слово. Лучше было бы написать книгу, чем снимать фильм, но мои карманы не сильно-то глубоки. Так нынче устроен мир. Пытаешься заполучить контракт — никто пальцем не шевельнет. Не интересно им. Сплошь биографии знаменитостей и долбанные мемуары про несчастную жизнь.

В голос Чандлера вернулась пропавшая было горечь. Макэвой наблюдал, как писатель шарит левой рукой под скамьей. Внезапно он выудил оттуда бутылку односолодового.

— Вот ты где, малыш. — Отвинтив пробку, он сделал мощный глоток из горлышка.

В подступающей тьме Макэвой во все глаза рассматривал Чандлера. Тот менялся прямо на глазах.

— Веб-сайт уверяет, что курс лечения стоит тут пять тысяч фунтов. Деньги, потраченные с умом, да?

— Уж и не знаю, что доставляет больше удовольствия, сама выпивка или эти тайны, — хохотнул Чандлер.

— Так вы сами ее припрятали здесь?

— Мой сосед. Ради меня на все готов.

— Ясно.

Они сидели еще минут двадцать. Вечерние сумерки медленно наливались тьмой. Снег неуверенно ложился на влажный гравий дорожки и таял. Они разговаривали про Гулля. Макэвой ежился, грел руки в карманах.

В конце концов разговор снова свернул к Стейну.

— Вы так и не поинтересовались, при чем тут уголовная полиция, — сказал Макэвой, наблюдая, как Чандлер приканчивает остатки виски. Странно, но ему не предложил и глотка.

— Сестра Фреда замужем за каким-то полицейским чином. Надо думать, вы оказываете кому-то услугу. — Макэвой позавидовал проницательности и эрудиции этого пьянчуги.

— Так что ей передать? — спросил он.

— Скажите, что Фред был отличным парнем. Веселым старичком, набитым байками. Что он вовсе не боялся вспоминать про то, что с ним случилось, сидя в пабе с пинтой в руке, зато до усеру боялся этого сраного сухогруза, куда его затащили-таки телевизионщики, где он должен был плясать для них, точно макака дрессированная.

В голосе его снова зазвучало раздражение. И горечь. Едва ли не злоба.

— Кажется, вы не особо высокого мнения о тележурналистике.

— Заметили-таки, да? — Чандлер сплюнул. Закурил последнюю сигарету из пачки. — Падальщики с чековыми книжками.

— Тем не менее вы на них работали.

— А у меня что, был хоть один хренов шанс отказаться? Сынок, у меня от роду один-единственный талант. Я умею писать. Ну, два таланта, если посчитать еще и умение уболтать первого встречного. И что, мое имя красуется на каждой книжной полке в этой чертовой стране? Пшик. У меня халупа на востоке Англии, и даже останься у меня права, машину купить было бы не на что. Весь мизерный гонорар за книгу уходит на то, чтоб напечатать следующую.

— Мистер Чандлер, я...

— Нет, сынок, ты угодил в самое яблочко. Как писатель я ничтожество. Получаю больше писем с отказами из издательств, чем могу переварить, мать их. Но посади-ка Кэролайн Уиллс перед телекамерой, сунь в стариковскую клешню чек на кругленькую сумму — и телевидение озолотится, мать их. А труд-то мой! Идея моя!

Макэвой поднял руку, останавливая Чандлера.

— Идея? Мне казалось, это мисс Уиллс связалась с вами...

Чандлер раздраженно фыркнул.

— У меня их миллион, этих долбанных идей. Весь блокнот исписан. Если я накатаю достаточно набросков, может, однажды какое-то издательство придет в восторг. Фред тоже был там. Одна из старых задумок, книга о случайно выживших. О людях, едва не откинувших копыта. О тех, кто невредимым выбрался из заварухи, в которой сгинули все прочие. Я даже не успел приступить к поискам Фреда, не говоря обо всех прочих, когда на мой коврик у двери спикировало очередное письмо с отказом. Вот тебе моя жизнь, сынок. Вот почему я тут. Вот почему я торчу здесь, черт меня подери!

Чандлер вскочил. В темноте Макэвой видел светящийся кончик сигареты, который ходил ходуном.

— Мистер Чандлер, прошу, если вы немного успокоитесь...

Чандлер загасил сигарету прямо о ладонь. Сунул окурок в карман.

— Мы закончили?

Злой и озадаченный Макэвой не нашелся с ответом. Кивнул молча. Приподнялся, прощаясь с Чандлером, и снова опустился на скамью. Послушал, как тот удаляется, подволакивая ногу. Разболелась голова. В мозгу царил каша из обрывочных мыслей.

Что я здесь делаю? Что такого важного я узнал?

Возвращаясь к машине, Макэвой ощущал себя стариком. Хотелось подключить мозги к компьютеру и удалить все эти непонятные фрагменты. Или связать их воедино. Распознать, что там нашептывает подсознание.

Дверца хлопнула, отсекая его от набравшего силу снегопада. Макэвой закрыл глаза.

Включил мобильник.

Прослушал оставленные сообщения.

Суровый разнос от Фарао.

Совет Хелен Тремберг поскорее позвонить боссу.

Глава 3

Макэвой крутил настройку автомобильного радио.

18.58. Две минуты до выпуска новостей.

Внешняя полоса на трассе A180, плавный съезд к металлической арфе моста через Хамбер. Поначалу проезжая полторы мили асфальта и стали, которыми Йоркшир, как стежками, пришит к Линкольнширу, он неизменно восхищался, но теперь новизна ощущений осталась в прошлом, уступив место сожалениям по поводу трех фунтов, в которые обходится объезд.

Макэвой почувствовал, как тряхануло машину при переходе шоссе в мост. Ощутил вибрацию яростного ветра, который хлестал вдоль реки так, словно спешил как можно скорее прорваться в глубь страны.

Он сбросил скорость, чтобы прослушать новости до пункта подорожного сбора.

Добрый вечер. В эти минуты бригада пожарных и спасателей Хамберсайда занимается тушением пожара, возникшего в недавно открытом ожоговом отделении Королевской больницы Гулля. Сообщение о пожаре поступило в районе пяти часов вечера, и огонь, по-видимому, успел охватить лишь одну из больничных палат. Как нам сообщили, в палате размещен всего один пациент, его состояние описывается как критическое. К другим новостям. Следователь, ведущая дело об убийстве девушки-подростка на глазах у прихожан церкви Святой Троицы, отказалась подтвердить сведения о произведенном аресте одного из жителей Гулля. Исполняющая обязанности следственного инспектора Патриция Фарао заявила репортерам, что ареста не было и что человек, о котором идет речь, лишь помогает следствию. Она вновь повторила звучавший ранее призыв к свидетелям жестокого нападения связаться с полицией...

— Черт! — Наплевав, что кто-то может заметить, Макэвой вытащил мобильный телефон. Остановил машину на резервной полосе и включил аварийку. Его действия сопровождал хор гудков, которыми водители сообщали ему, что он редкостный мудака.

Хелен Тремберг ответила после третьего гудка.

— Легок на помине. — Шутливости в ее голосе что-то не слышалось.

— Правда?

— Точно. Мы с Беном тут делаем ставки, кому достанется право

прикончить тебя первым. Фарао, Колину Рэю или помощнику главного констебля Эверетту.

— Эверетту? С чего бы?

— С нами он не поделился. Ворвался в штаб к вечернему чаю и спросил, куда ты подевался. И был не в духе. Тем более кто-то из экспертов спросил его, кто он вообще такой.

— Господи боже.

— Вот именно. А где ты пропадал?

— Долгая история. Неважно. Я как раз слушал новости Хамберсайда...

— Вот-вот, Колин Рэй облажался по самые помидоры... Ох. Право, сержант, мне не стоило...

— Уж говори.

— Этот мужик, которого они с Шез притащили в участок. Сплошные подозрения и ноль фактов. Знаменитая интуиция Рэя. Уж не знаю, что произошло, когда этого типа завели в комнату для допросов, но оттуда он появился с разбитым носом и заблеванной рубашкой. Естественно, Фарао примчалась со всех ног и устроила ад. Мужик до сих пор в камере, но они, похоже, без понятия, что с ним делать дальше.

Макэвой представил газетные заголовки. Попытался уразуметь, где назревающий скандал стыкуется с тем, что он посреди бела дня бежал с рабочего места, подгоняемый интуицией.

— А пожар? В Королевской больнице?

— Да мы как раз там. Пожарные прибыли сразу, все потушили и проветрили палату. Дым рассеялся, и они тут же вызвали нас.

— Почему нас? То есть почему вас?

— Умышленный поджог, без вариантов. Начальство считает, нет смысла держать целый отдел по особо опасным преступлениям, чтобы бросать всю группу на одно-единственное дело. Мы с Беном уже собирались по домам, когда главный инспектор распорядился присутствовать лично.

Макэвой соорудил страдальческую мину. Машина вздрогнула, когда мимо прогрохотала груженная фура, чихать хотевшая на штормовые предупреждения.

— Ерунда какая-то... Допустим, горело в новом корпусе, но тут и простой констебль справится. Что там за возня? Снять показания с очевидцев да отсмотреть материал с камер слежения...

— Сержант? — В голосе Хелен Тремберг явно слышалось недоумение.

— Мы-то тут при чем? Это ведь обычный пожар.

До нее наконец дошло.

— А что, по радио не говорили? Есть жертва, сэр. Явное убийство. Человек, пострадавший на ночном пожаре в Орчард-парке. Кто-то вломился в его палату и довершил дело.

— Даже не знаю, с чего и начать. — Яростный голос Фарао — словно струя пара, вырывающегося под давлением. — Да за моими детками нужно присматривать меньше, чем за тобой.

— Прошу прощения, мэм.

— Будь любезен, прекрати долбить меня своими «мэм», Макэвой. Из-за них я чувствую себя хреновой Джулиет Браво^[16].

Макэвой молчал, позволяя Фарао сыграть с ним в гляделки. Проиграл, конечно.

Они столкнулись в коридоре, у двери оперативного штаба в Куинс-Гардене. Система центрального отопления решила загладить ошибки прошлого, сменив тактику. В кабинетах теперь могильный холод, а в коридорах — адское пекло.

— Ты хоть представляешь, что за день у меня выдался?

Макэвой все молчал.

21.41. Двенадцать часов тому назад, стоя на этом самом месте, Фарао дала Макэвою поручение. Оставила приглядывать за делами, пока она будет гоняться за убийцей.

И вот они снова тут. У обоих был день, о котором они предпочли бы забыть; сведений они раздобыли тьму, вот только следствие вперед не продвинули.

Как нашкодивший школьник, Макэвой старался смотреть куда угодно, только не в гневные глаза начальницы. Особый интерес у него вызывала дверь оперативного штаба. Днем кто-то прицепил на нее вывеску «Дворец Фараонши», но затем сорвали, заноса в комнату стальной шкаф для папок, и теперь бумажка валялась рядом. У Макэвой мелькнула мысль, что это, возможно, знак.

— Если я тебя попрошу пересказать все в самых общих чертах, ты будешь послушным мальчиком, правда? Ты ведь не станешь целый час грузить меня всякой ерундой, от которой у меня только голова расколется? — Голос Фарао вдруг зазвучал скорее устало, чем раздраженно.

— Да, мэм.

И он рассказал. О том, почему покинул оперативный штаб. Где

побывал. Что удалось узнать. Рассказал все про Фреда Стейна и его влиятельную сестру. Старался говорить покороче и почти не глядя в лицо Фарао. Весь рассказ занял около трех минут и вышел таким бестолковым, что у Макэвой едва достало сил довести его до конца.

— Это все? — с нескрываемым интересом спросила Фарао.

— Да.

— Любопытно, — задумчиво произнесла Фарао. Лицо у нее уже сделалось нормального оттенка.

— Вы так считаете?

— Пошли.

Фарао развернулась и быстро двинулась по коридору. Толкнула какую-то дверь и придержала, поджидая Макэвой.

За столом, освещенным лампой для чтения, закинув на него ноги, сидел мужчина лет шестидесяти; в одной руке — хрустальный стакан с виски, в другой — потертая записная книжка.

— Привет, — сказал Макэвой, и слово это прозвучало озадаченно и вяло — в точности как он себя и чувствовал.

— Том разрешил мне пользоваться своим так называемым кабинетом, пока мы не переедем назад на Прайори, — пояснила Фарао, закрывая дверь. И боком протиснулась в свободный угол.

Макэвой стоял в полной растерянности посреди крошечной комнатки немногим больше шкафчика для швабр. На столе у стены помещались монитор, клавиатура, системный блок и груда бумаг, отпечатанных и рукописных; все омывал призрачный свет из-под зеленого абажура, в котором Том Спинк, в белой рубашке без воротника и с совершенно седой головой, походил на инопланетянина.

— Что ж, сынок, — сказал Том, явно обрадовавшийся компании, — добро пожаловать в мою скромную обитель.

— Расскажи Тому то, что сейчас рассказал мне, — велела Фарао.

И Макэвой принялся описывать этому человеку в дедовой рубаше, вязаном жилете и вельветовых брюках все, чем занимался последние дни. Он рассказывал, а в глазах Тома разгорался непонятный огонь. Макэвой никак не мог разгадать смысл взглядов, которые этот старикан метал в Фарао.

— Как это тебе? — спросила Фарао, когда Макэвой замолчал.

— Интересно. — Спинк в задумчивости пососал нижнюю губу. На Макэвой он больше не смотрел. — Интригующе, в любом случае. В конце концов, работа у нас такая. Понимаю, почему парнишка увлекся.

— Сэр, я...

— Лучше уж «Том», сынок, — глянул на него Спинк. — Я и так на пенсии.

— Том был моим боссом, — объяснила Фарао, догадавшись о замешательстве своего сержанта. — В старые добрые времена. Теперь у него много занятий. Заправляет маленьким пансионатом на берегу. А когда чувствует, что вот-вот может двинуть на небеса, вспоминает и о частном сыске. Еще Том владеет отменным слогом и знает все про самые хитроумные рукопожатия, что подтолкнуло наших шефов назначить его официальным историком полиции Хамберсайда. Это значит, Том к моим услугам везде, где я на него натыкаюсь, а он способен часами расписывать славные деньки, когда полицейская дубинка обрела классическую форму, удобную для анального внедрения.

— Хорошие были времена, — усмехнулся Том Спинк. — Нашей Нефертити хоть гвозди заколачивай. Никогда не слушала бредни престарелых ухарей вроде меня.

— Нефертити? — вырвалось у Макэвоя.

— Египетская царица, — вздохнул Спинк. — Ну, фараонша. Дошло? Ей-богу, парень, она-то уверяла, что ты из самых сметливых.

— Я знаю, кто...

— Это пока ты сегодня не свалил, — язвительно оборвала его Фарао. — Я тут по-всякому тебя обзывала, мой мальчик. Думала, не за того приняла. Решила, ты и впрямь похож на сволочного интригана, каким тут тебя кое-кто изображает. Лижешь зад помощнику главного констебля, а всю черную работу оставляешь нам. Но похоже, первое впечатление было верным. Помощник бесится похлеще моего.

— Почему?

— Мне звонил один умник из комитета при Управлении. Похоже, кто-то довел его жену до белого каления. Какой-то здоровый шотландец убедил бедняжку в том, что ее брата, скорее всего, убили.

Макэвой едва не завыл.

— Я ни разу не...

— Такова жизнь, солнышко. Привыкай. Приятно знать, что я не растеряла хватку. Пока еще могу узнать прирожденного копа.

— Прирожденного?

— Того, что следует интуиции. Слышит внутри шепоток и плевать хотел на последствия.

Вопреки холоду, царящему в кабинете, лицо Макэвоя вспыхнуло. Не иначе, за похвалой последует и наказание.

— Спасибо.

Спинк и Фарао загоготали.

— А это вовсе не комплимент, дружок. Это чертово проклятие. Оно означает, что следующие тридцать лет ты будешь бесить окружающих. К тому же у тебя есть шанс выше среднего засадить за решетку уйму безвинных. И поймать множество настоящих злодеев.

Макэвой вдруг ощутил слабость в ногах. С самого утра ни крошки во рту. Внутри какая-то странная пустота. Возможно, на лице его что-то отразилось, потому что взгляд Фарао смягчился.

— Эта история со Стейном. Считаешь, это важно?

— Там что-то не стыкуется, — ответил Макэвой. — Честно, не могу объяснить. Знаю, что с Чандлером я зашел в тупик, но мне не верится, чтобы старик мог все это спланировать. То есть просто наложить на себя руки — ладно, покончить с собой он мог, но продумать до мельчайших деталей?

Спинк и Фарао снова обменялись взглядами. Спинк слегка кивнул, будто отвечая на невысказанный вопрос.

— Тогда рой дальше, — сказала Фарао, сунула руку куда-то себе между ног и извлекла бутылку виски. Плеснув в стакан, поднесла к губам. — Доверюсь тебе. Как ты сам говоришь, может, ничего там и нет, а дело Дафны сейчас важнее. Я не стану запрещать тебе следовать интуиции в деле, которое меня просто-напросто не колышет. Хватит с меня и разборок с долбаным Колином Рэем.

Макэвой облегченно вздохнул. Вообще-то, он не просил разрешения и дальше заниматься делом Стейна, но был доволен, что мешать ему не станут.

— Что там вообще произошло, мэм?

Фарао прыснула, но смешку ее не доставало радости.

— Невилл-чертов-расист. — Она сделала второй глоток, скривилась. — Колин как раз воображает себя прирожденным полицейским. Думает, его ведет интуиция. А это не так. Его толкают предрассудки и гонор, упакованные в непрошибаемое самомнение. Если верить Колину и этой его пародии на меня, старый болван Невилл решил разделаться с первым же черным, который попадется под руку, и повесить убийство на какую-то племенную вражду. Самое хреновое, что в этой ахинее есть логика. Невилл не помнит, где находился в момент нападения. На нем длинный список насильственных преступлений. И в армии он отслужил, так что в смысле физподготовки тоже не слабак. Чуть что — лезет в драку, в этом мы уже убедились. Они с Колином устроили кулачный бой прямо в комнате для допросов. Едва не дошло до нового, блин,

убийства. В общем, Невилла мы закрыли, пока я не решу, что с ним делать. Уже предъявили обвинение в нападении на полицейского при исполнении, так что официально он убийцей не считается, и то ладно. Вот только когда мне пришлось идти на ковер с докладом о ходе следствия, у меня возникло явственное впечатление, что никто не огорчится, если мы все повесим на Невилла.

Лицо Макэвой было достаточно красноречиво.

— Знаю, сынок, — сказал Том Спинк. — Все знаю.

Макэвой сглотнул застрявший в горле комок, и тут раздался робкий стук в дверь. С физической точки зрения у двери не было ни единого шанса открыться внутрь, настолько тут было тенсо.

— Действуй, Гектор, — мотнула стаканом Фарао.

Макэвой повернул ручку двери, отодвинулся к стене, постаравшись не замечать, что в зад ему уткнулось затянутое чулком коленом Фарао.

За дверью стояла Хелен Тремберг, явно удивленная этой встречей.

— Сержант?

— Он у нас за вышибалу, — донесся сзади голос Фарао, и Макэвой услышал, как она спрыгнула со стола. Возникла рядом, прижалась теплым телом. От запахов духов и пропитанного парами виски дыхания босса волосы на шее Макэвой шевельнулись.

— Босс! — сказала Тремберг. — Мы узнали, кем был сгоревший труп из больницы.

— Ну и проворство, — похвалила Фарао.

— Услуга за услугу, босс. Парнишка в лаборатории охотно согласился поторопиться с обработкой пальчиков и ДНК. Еще ожидаем результаты по зубам, но предварительные выводы имеют смысл.

— Итак?

— Тревор Джефферсон, — доложила Тремберг. — Тридцать пять лет. Последний известный адрес на Холдернесс-роуд. Что-то вроде общаги над букмекерскими конторами.

— И как его занесло в тот дом в Орчард-парке?

— Тут странная история, — сказала Тремберг. — Он раньше жил в Орчард-парке. Жена, двое собственных детишек и приемный сын. Совсем рядом с домом, где его нашли.

У Макэвой стало тесно в груди. Будто он знал уже, о чем собирается рассказать Тремберг.

— Выходит, он напился вдрызг и позабыл, где живет? Решил, что на дворе до сих пор две тыщи третий? Забрел в первый попавшийся дом, который выглядел обжитым, уснул на диване с бычком во рту и запекся до

углей? А потом кто-то прослышал про это, решил поквитаться за старые обиды и довел дело до конца уже в больнице? — Оптимизм Фарао звучал ненатурально.

— Самое странное еще впереди, — сморщила нос Тремберг.

— Продолжай.

— Джефферсон выехал из Орчард-парка, когда его дом сгорел дотла. А с домом — жена и дети. Он единственный выбрался живым. Поджог, видимо. Никого так и не поймали.

Макэвой смотрел в пол, чувствуя на себе взгляд Триш Фарао. Уж не считает ли она, что это он во всем виноват?

— Макэвой? — требовательно спросила она.

— Не знаю, мэ.

Она обернулась к Спинку. Тот вскинул руки в показном недоумении, явно радуясь, что так легко может отделаться. Сам он в Гулле только затем, чтобы написать книгу, и вскоре уберется восвояси.

— Стейну придется подождать, — помолчав, сказала Фарао. — Макэвой, поручаю это дело вам с Тремберг. Хочу досконально разобраться в этих пожарах. Мне нужна вся подноготная. Нашей жертвы. Домовладельцев. Хелен, введи Макэвою в курс дела и отправляйтесь в Орчард-парк.

Тремберг явно не обрадовалась. Решила, наверное, что ее снимают с дела Дафны. Может, так и есть.

— Босс, я и без того по горло в деле Коттон...

— Знаю, Хелен. — Фарао, оттеснив Макэвою, сжала ее плечо. — Но мне нужен кто-то, кому я могу доверять. Приглядывай за этим тюфяком, ладно?

Тремберг кивнула. Растянула губы в фальшивой улыбке, адресованной исключительно Фарао. На Макэвою даже не взглянула. Интересно, всерьез злится на него или просто очень расстроилась?

— Короче, — Фарао глянула на свои элегантные часики, — уже одиннадцатый час. Мои деточки либо лежат по кроватям, либо захватили власть в квартале, а юная Руби провозгласила себя королевой. Делайте ваши ставки.

Второго намека Макэвою не потребовалось. Едва заметно кивнув, он шагнул в коридор, тут же погрузившись в тропическую духоту. Дверь захлопнулась, и из-за нее донесся голос Фарао: «Вот же срань!»

— Кофейня на углу Годдард, — бросила Тремберг через плечо. — Встречаемся в семь тридцать. Отправимся по домам, пока хозяева сладко спят.

И она ушла.

Макэвой все стоял у двери. В голове так и бурлило. Интересно, спросил он себя, это бурление — помеха или наоборот?

И тут же все перечеркнула восхитительная мысль, что сегодня у него будет время, чтобы заняться с женой любовью. А потом он расскажет Ройзин, что этим днем ему каким-то чудом удалось добиться чего-то важного. Что он, оказывается, прирожденный полицейский. Что внутренний голос нашептывает: все случившееся как-то связано. И что ее муж — единственный, кто способен нащупать эту связь.

Глава 4

— Пока не выпустили, — объявила Тремберг вместо приветствия. И добавила сонным голосом: — Невилла-расиста. Дежурный адвокат рвет и мечет.

Влажные волосы, бледное лицо, темные круги под глазами. Начала было стаскивать с себя плащ, но передумала. Натянула обратно, села за массивный пластиковый стол.

— Не возражаешь? Я вылезла из душа двадцать минут назад — и сразу сюда.

Потянувшись, Хелен Тремберг обхватила ладонями большую щербатую кружку с крепким «чаем строителей», которая стояла перед Макэвом. Трубно отхлебнула. Сморщилась.

— Сахарку не слишком? — Настроена она была явно дружелюбнее вчерашнего.

Они оказались единственными посетителями кафе «Пиджин-Пай» — беленого здания с застекленным фасадом на углу Годдард-авеню. Классическая забегаловка со всеми атрибутами вроде ламинированных меню и кетчупа в банке-помидорке. «Блюдом дня» тут зачастую именуются сосиски или бекон (или и то и другое разом), так что сюда стекаются паломники, твердо убежденные, будто высшее достижение кулинарии — тушеная фасоль с бурым соусом.

Макэвой пришел уже десять минут назад, и ему до смерти хотелось сэндвича с сосиской и жареным яйцом, но Ройзин накормила его завтраком — яичница-болтуня и ломтик копченого лосося на ржаном хлебе домашней выпечки. Макэвой был уверен, что она обиделась бы, узнав, что это лишь раздражило его аппетит, и потому в кафе заказал лишь чай.

— Поешь? — спросил он.

— Заманчиво, — в раздумье протянула Хелен. — Слыхала, что тут подают такое спецблюдо, только пояс расстегивай. Если съешь все до последней крошки, денег не возьмут. Еще никому не удавалось справиться.

— Ты тоже пыталась?

— О чем это вы, сержант? — Тремберг выглядела оскорбленной, но тут же расплылась в улыбке. — Прости за вчерашнее, — она снова хлебнула чаю, — я повела себя как настоящая стерва. Только-только успела вгрызться в убийство Дафны Коттон — и на тебе, уже расследую смерть какого-то алкаша в Орчард-парке.

— Понимаю.

Макэвою было не по себе от того, что Тремберг втянута в эту историю, но гораздо больше его тревожило другое: весь предстоящий день ему придется поддерживать беседу с коллегой женского пола. А это будет пострашнее прочего, хотя поводов для беспокойства и так хватало.

— Два тоста, пожалуйста! — крикнула Хелен дородной женщине в синем халате, сидевшей за кассой. — Только с настоящим маслом, не с обезжиренной пакостью.

— Женщина моей мечты, — хмыкнул Макэвой. — Отец говаривал, химический состав у маргарина почти такой же, как у куска пластмассы. Не знаю, правда ли, но желание отведать он у меня отбил. Как вся та чушь насчет арахиса на стойке, в котором полно чьих-то пи-пи. Мерзость.

Тремберг сморщила нос:

— Пи-пи?

У Макэвой кровь прилила к щекам, и он искренне обрадовался появлению заказанных Хелен тостов.

— Прости. Когда в доме маленький ребенок...

— Симпатичный парнишка твой Фин, — с набитым ртом болтала Тремберг. — Так тобою гордится. Не испугался совсем. Понял, что в церкви случилось что-то плохое, видел, как ты упал, но не засомневался, что ты поднимешься. И заявил, что ты обязательно арестуешь всех-всех преступников.

Макэвой отвернулся, пряча улыбку.

— Мамино воспитание. Это Ройзин внушила ему, что я несокрушимый. Прямо супергерой какой-то.

— Лучше пусть так, чем считает тебя козлом, — заметила Тремберг. — Обычно детки невысокого мнения о предках.

— Только не я.

— Ты не как все, сержант. Каждому известно.

Какое-то время они сидели молча. Макэвой допивал чай, наблюдая, как Тремберг слизывает масло с кончиков пальцев. Никаких колец, никакого маникюра. В сравнении с элегантными, ухоженными пальцами его жены ее пальцы кажутся голыми.

— Так или иначе, Фин прав, — объявила вдруг Хелен.

— В чем?

— Ты и вправду несокрушим. Каждому известно.

— То есть?

— Прошлогодний треп. — Она подалась к нему, оживая прямо на глазах. Сладкий чай с тостами зарядили ее дозой глюкозы, и теперь она

была полна энергии. — Когда тебя, ну, ты понимаешь...

— Что?

— Тебя ведь порезали, разве нет? Так говорят. Пырнули ножом. — Если Тремберг и считала себя воплощением деликатности, на этот раз она тщательно скрыла эту свою черту.

— Ударил наотмашь, скорее, — тихо поправил ее Макэвой. — Такой рубящий удар, справа и сверху.

Тремберг резко выдохнула. Подавила желание выругаться. Наморщила лоб.

— Как Дафну?

Макэвой кивнул. Эта мысль возникала и у него самого. Он-то знал, что прежде, чем сердце девушки перестало биться, она испытала боль. Странную ледяную боль. Что сперва ее охватила тупая агония, а затем все потонуло в мареве. Что этот кошмар она пережила наяву.

Тремберг ждала продолжения. Напрасно.

— Сержант? — подтолкнула она.

— Что?

Хелен выразительно воздела руки.

— Признай, собеседник из тебя никчемный.

Макэвой посмотрел на часы. Всего восемь минут прошло, а она уже разочаровалась в его компании.

— А ты не подумала, что мне не нравится эта тема?

— Не-а, — улыбнулась она. — Хотела первой тебя расколоть.

Макэвой от недоумения приподнял брови.

— Да не парься ты, ставок никто не делал. Просто профессиональная гордость. Следовательно ведь должен уметь выбить признание, а с тобой никто справиться не может.

— Ты что, хочешь сказать, что народу любопытно?

— А то. Ты у нас личность загадочная, а любая загадка требует разгадки.

— Загадочная личность?

— Посуди сам, сержант. Здоровый как шкаф, красотка-жена, которая пакует на ланч деликатесы, сын, который считает отца суперменом. Ну и еще малость — история с Дугом Роупером и всей прошлогодней кутерьмой. Уголовку разгоняют на все четыре стороны, а тебя с пустячным ножевым ранением отправляют в дорогую частную клинику где-то в Шотландии. И ты считаешь, никого не интересуют подробности?

— Никто не спрашивал, — выдал Макэвой. — К тому же загадочность мне к лицу.

— Ага, ты возвел ее до высокого искусства, — рассмеялась Тремберг.

— Жена будет рада услышать такое обо мне. Думаю, она видит во мне эдакого бунтаря, который в темных переулках сражается со злом. Пусть и прекрасно знает, что последние десять месяцев я ковырялся с базами данных и был на подхвате. И к твоему сведению, я вовсе не претендую на роль одинокого воина добра.

— Хочешь сказать, она это сама придумала?

Макэвой посмотрел в глаза напарницы, пытаясь понять, потешается она или, наоборот, восхищается тем, что жена его так любит. Погадал, а есть ли кто у самой Тремберг? Может, у нее сердце разбито? Где она живет, чем дышит и почему пошла работать в полицию? И понял, что ровным счетом ничего о ней не знает. Ни о ком из них.

— Когда мы стали встречаться, Ройзин была совсем девчонкой. А я помог ей разрешить кое-какие проблемы. Так что убеждать ее даже не пришлось.

Они еще немного посидели в молчании. Макэвой был рад, что вовремя прикусил язык. Что не выложил правду о своих сомнениях — не вышла ли Ройзин за него из одной лишь благодарности и что когда-нибудь чувство это в ней притупится.

— Кое-какие проблемы? — переспросила вдруг Тремберг.

— Ее семья была из перекасти-поле. — Макэвой отвел взгляд. Нет, он не стыдился этого признания, он знал, что Ройзин несколько бы не обиделась, но ему было неловко обсуждать столь личные темы. А потому проще было не встречаться с Хелен взглядом.

— Цыгане? — Тремберг была явно заинтригована.

— Если угодно, — согласился Макэвой. — Лучше уж так, чем «бродяги».

— И что же случилось?

— Это давно было. Я только закончил стажировку...

— Где? — спросила Хелен, подталкивая его, как профессиональный дознаватель.

— Полиция Камбрии. На самой границе^[17].

— И что?

— Приезжие разбили лагерь на фермерском поле по дороге в Брэмpton. — Макэвой уже примирился с тем, что рассказать все же придется.

— Что за место?

— Милый такой городок. Сплошь тори и пожилые дамы с синими волосами, которым нашествие чужаков пришлось не по нутру. Мы с

сержантом отправились туда поболтать с прибывшими. Рассказать им о какой-то сверхважной охраняемой зоне на задворках Карлайла. В общем, нам ответили, что солнце не успеет зайти, а их и след простынет. Довольно приятные люди. Может, с полтора десятка фургонов и ребятня повсюду. Ройзин, наверное, тоже там была, я не видел.

Тремберг внимательно слушала.

— Значит, любовь с первого взгляда?

— Она еще ребенком была!

— Шучу, сержант. Боже ты мой.

Макэвою почудилось, что интерес Хелен вдруг пошел на убыль, но он только-только разогнался. Более того, теперь ему хотелось выложить всю свою историю.

— Они никуда не уехали. Напротив, к ним подтянулись еще бродяги. Скверная компания. Хозяин фермы двинул туда спросить, что им тут понадобилось. Его избили. Достаточно сильно, чтобы разозлить фермерских работников. Они решили поквитаться, и наткнулись на Ройзин с сестрой, когда те возвращались с покупками.

Макэвой умолк. Тремберг следила, как он сжимает солонку. Как белеют костяшки его пальцев.

— Даже не знаю, чем бы все кончилось, не окажись я таким тупицей.

— Как это?

— Я обронил в цыганском лагере свой учебный блокнот. Сержант отправил меня за ним, одного. И конечно, я заблудился. Вырулил на проселочную дорогу в паре миль от лагеря, сдал задом в просвет между кустами, чтобы развернуться, и уткнулся взглядом в покосившийся сарай. Дыры в крыше. Следы давнего пожара. И пара машин у входа. Что-то зацепило меня. К чему оставлять тачку в таком месте? Не знаю, что я там думал. Просто почувствовал, творится неладное. Поэтому вырубил мотор и только тогда услышал крики.

— Господи!

— Полагалось вызвать подкрепление, — сказал Макэвой, катая солонку между ладонями, — но было ясно, что времени нет. Мозги я не включал, выскочил из машины и кинулся в сарай. Накрыл с поличным. Парней с фермы. Они улюлюкали, хохотали, развлекались по полной.

— Господи, — повторила Тремберг.

— Тут я и дал себе волю.

Тремберг ждала продолжения, но рассказ был окончен. Макэвой сидел без движения, обычно румяное лицо сделалось мертвенно-серым. Хелен спросила себя, рассказывал ли он об этом хоть кому-то прежде. Погадала,

что этот громила сотворил с разгулявшейся деревенщиной. Здоровенный, а голос тихий, лицо в шрамах, и волосы по-детски непослушные, жену любит больше жизни... Хелен почти устыдилась своих смешков, с какими встречала шуточки коллег в его адрес.

Она оглядела тарелку и убедилась, что ничего съестного на ней не осталось. И подумала: что бы ни сотворил Макэвой в том сарае, она не будет судить его с той строгостью, с какой он явно судит себя сам.

Выбив короткую дробь по крышке стола, настраиваясь на рабочий лад, Хелен вздохнула:

— Двинем, пожалуй?

Макэвой встал. Их взгляды на миг встретились. И Хеллен вдруг померещилось в глазах напарника пламя — горящий дом, охваченные огнем машины.

Стоило Макэвою и Тремберг свернуть на ведущую к дому 58 ухоженную дорожку, как парадная дверь приотворилась. Уже почти час они выслушивали рефрен «валите отсюда» во всех его непечатных вариациях, а когда из верхнего окна дома, откуда вызвали пожарных той ночью, выглянула голая толстуха и призывно заорала «Жеребчик!», Макэвой проклял все. Так что они с Тремберг не знали, что последует, когда дверь откроется, — радушное приветствие или залп из дробовика.

— Вы насчет дома напротив, верно?

Мужчине, вышедшему на крыльцо, было далеко за шестьдесят. Лысый, как шар для боулинга, невысокий, но мускулистый, под воротом клетчатой рубахи безупречным узлом затянут форменный галстук моряка торгового флота, брюки из синтетики выглажены так, что о стрелки порезаться можно. Он стоял совершенно прямо, и пускай костюм его довершали стариковские жилетка и тапочки, уже одна манера держаться вызывала невольное почтение. Это был крошечный домик на две спальни с террасой на богом забытой улочке в худшем районе города, но его хозяин напомнил Макэвою владельца поместья, радушно распахивающего перед гостями громадные двери родовой усадьбы.

— Джек Рэйкрофт, — представляется он, протягивая Макэвою руку в старческих пятнах, но твердую. С той же учтивостью он пожал руку Хелен Тремберг и сказал, когда гости покончили с представлением: — Гнусная история.

— Точно, — согласился Макэвой.

— В уме не укладывается, отчего именно этот дом. Полно же пустующих вокруг. Зачем сжигать дом, где люди живут? Можно подумать,

кому-то поперек горла встало, что он так прилично выглядел.

Все трое посмотрели через узкую улицу. Даже сейчас было понятно, что до недавнего времени за домом ухаживали, что им гордились. Но теперь все в прошлом, строение присоединилось к своим неухоженным собратьям вокруг. Фасад почернел от сажи, фанера, которой заколотили разбитое окно, уже размалевана граффити — похабные рисунки и размашистые надписи, сделанные распылителем.

— Как я понимаю, вы уже говорили с полицией?

— Да-да. Хотя рассказывать особо не о чем. Мой приятель Уоррен загремел в больницу с ангиной. Джойс, его женушка, уехала на это время к дочери. Мы были дома, смотрели что-то историческое по Би-би-си. Услышали сирены примерно тогда же, как увидели пламя. Хотя тут у нас на сирены — ноль внимания. Воют круглыми сутками. Но эти явно направлялись в нашу сторону. Я подошел к окну и увидел, что из соседского дома валит дым. Но знаете что, меня по первости даже не дым напряг, а открытая настежь дверь. Забавно, как устроены наши мозги, верно? Просто никто здесь не оставляет дверь нараспашку. И уж точно не наши соседи. Живут тут не меньше нашего. Осмотрительность превыше всего.

Тремберг вытащила из кармана плаща несколько листов — распечатка известных фактов. Список которых был удручающе короток.

— Замок был взломан, — сказала она с некоторой торжественностью, будто поздравляя себя с дотошностью. — Работал профессионал.

— Ну еще бы! — хмыкнул Рэйкрофт. — Поди взломай такую. Поставили из соображений безопасности.

Из дома донесся женский голос:

— Снова полиция, Джек?

Рэйкрофт закатил глаза, и полицейские вежливо улыгнулись в ответ.

— Жена. Ее это подкосило.

— Естественно, — понимающе кивнул Макэвой.

— Я бы пригласил вас войти, но не хочу ее расстраивать.

— Ничего страшного.

Макэвой не имел ничего против того, чтобы побеседовать на крыльце. По цветочному орнаменту обоев, видных в приоткрытую дверь, он уже нарисовал себе картину: гостиная с хаотичной экспозицией ископаемых жестянок из-под чая и кружевных салфеток, на стенах фото внучат и чучело утки. Зрелище наверняка печальное. Он восхищался этими людьми, не желавшими сдаваться и покидать насиженное место, пусть здравый смысл и диктовал продать дом и бежать отсюда, но в душе понимал, что

борьба их тщетна. Что, когда они умрут, дом тут же отойдет строительной компании, которая нагонит бульдозеры, сровняет тут все с землей да налепит новых домишек — для иммигрантов, надеющихся разжиться статусом политических беженцев.

— Странное дело, не так ли? Оставить фотографии и все такое?

Макэвой снова кивнул, но тут же спохватился, что не имеет понятия, о чем говорит Рэйкрофт.

— Простите, сэр?

— Я же рассказывал парню в форме, который вчера приходил. На лужайке перед домом стояла здоровенная сумка, набитая семейными фото Уоррена и Джойс. Соседи держали их на каминной полке. Уж не знаю, как там было дело — тот сгоревший ворюга сгреб их и потом пошел вздремнуть или как? — но, по крайней мере, для Уоррена это хорошие вести: семейный архив уцелел.

Макэвой оглянулся на Тремберг, та шевельнула бровью. Тоже впервые слышит.

— И где сейчас эти фотографии?

— У меня, где ж еще, — ответил Рэйкрофт. — Я их прямо в сумке и перетащил к себе. Отдам дочери друга, когда она заедет посмотреть на пепелище. Не возражаете?

Макэвой повернулся к сгоревшему дому. Интересно, что это значит? Зачем кому-то спасать семейные снимки, а затем поджигать диван и человека на нем? Ему вспомнилось кое-что из услышанного вчера. Дочь хозяев дома не скрывала радости, что теперь-то родители уедут из этого района. Могло беспокойство за безопасность родителей подтолкнуть ее спалить дом или это лишь совпадение?

— Джек, дорогой? Это полиция?

— Сейчас приду, любимая! — крикнул Рэйкрофт через плечо.

— Мы вас надолго не задержим, — сказала Тремберг, перехватывая инициативу.

Макэвой все рассеянно смотрел на пепелище, задумчиво покусывая губу.

— Вы уже выяснили, кто этот кретин, что там спал? — спросил Рэйкрофт, обращаясь к Тремберг и невольно приосаниваясь. — Почему он выбрал именно этот дом? Мы слыхали в новостях про пожар в Королевской больнице и что этот наш погорелец и там отметился. Вообще-то, когда его отсюда увозили, он выглядел так себе, вряд ли у него сил хватило бы косячок забить.

Макэвой и Тремберг обменялись взглядами: этот милый старик

заслуживал откровенного ответа.

— Пожар в больнице не был случайным, — сказала Тремберг. — Кто-то нашел нужную палату, облил парня горючим для зажигалок и бросил спичку.

— Господи! — задохнулся Рэйкрофт и глянул на Макэвоя, тот кивком подтвердил слова напарницы.

— Именно этого человека вынесли из огня в доме вашего соседа. По отчетам, алкоголь в его крови просто зашкаливал. Почти смертельная доза. Все говорит о том, что по дороге из паба он забрел в чужой дом, закурил и ненароком поджег себя. Но установить личность нам удалось. Имя Тренора Джефферсона не кажется вам знакомым?

— Джефферсон? — вздрогнув, повторил Рэйкрофт. — Уж не тот ли Джефферсон, что потерял всю семью при пожаре несколько лет назад? Буквально в квартале отсюда?

Макэвой ждал. Надеялся, что у Тремберг достанет выдержки разыграть карту не торопясь, не подсказывая свидетелю нужные слова.

— Совершенно верно, сэр. Жена Джефферсона, двое детей и приемный сын скончались от полученных ожогов.

— Ясно. — Рэйкрофт потер ладонью лицо. — Уж несколько лет прошло, так ведь?

— Да, сэр.

— Господи боже. — Он похлопал по карманам вязаного жилета, достал жестянку с табаком и с рассеянной сноровкой быстро свернул тонкую самокрутку. Прикурил от спички. Его манера держать папиросу напомнила Макэвою отца: огонек спрятан в ладони, самокрутка зажата между большим пальцем и остальными. Прикрыта от ветра и чужих глаз. — Значит, поделом ему, — выдохнул Рэйкрофт после очередной затяжки.

— Сэр? — Макэвой постарался не выдать напряжения в голосе.

— Этот мерзавец сам устроил тот пожар. Убил семью своими руками и ни дня не отсидел за это. Сдается мне, кто-то решил отплатить ему тем же. Очень прошу: перед тем как надеть на убийцу наручники, пожмите ему руку.

Глава 5

Через два часа после разговора с Джеком Рэйкрофтом у Макэвоя и Тремберг уже сложился довольно исчерпывающий портрет человека, чью гибель они расследовали. Неопрятный, эгоистичный, раздражительный и жестокий — желтая пресса с готовностью навесила бы на него ярлык «воплощение зла». Впрочем, Тремберг выразилась еще удачнее, заявив, что «грязный ублюдок» куда лучше подойдет для дорогого усопшего, чем любой из психологических терминов, предложенных Макэвоем, который успел занести в свою базу данных скудные заметки по делу.

Тремберг щелкнула мышкой, и монитор заполнили снимки обожженных, обугленных трупов. Оба полицейских с трудом подавили желание отвернуться. Почерневшие, истерзанные пламенем тела явно принадлежали детям.

От дверей донеслась зычная отрывка, и напарники резко обернулись. Мясистые ладони сержанта Лайнуса сжимали исходящую паром кружку. Сержант перекрыл своим массивным телом льющийся из кордиора свет, и в комнате тотчас сгустились тени. Протяжно зевнув, толстяк глотнул пойла, от которого шел манящий мясной дух. Макэвой сообразил, что хозяин кабинета решил порадовать свое объемистое брюхо не кофе, а разогретой мясной подливой.

— Та еще история была, — сказал Лайнус, отирая рот тыльной стороной ладони. — В жизни не видел ничего подобного. Дым рассеялся, а там прямо вылитые Помпеи. На лице младшего пацана даже выражение читалось. Хотел бы я сказать, что оно казалось мирным, вроде как он уснул. Ничего подобного. Такое лицо, точно он умер в страшных муках.

— Хреново тебе пришлось, — посочувствовала Тремберг.

— Не то слово.

Тремберг обвела взглядом кабинет Лайнуса: сырые стены, давно пожелтевшие плакаты и до дыр истертый ковер.

— А я гляжу, ты не скучаешь по уголовному отделу. Такой у тебя здесь уют.

Не замечая сарказма, Лайнус согласился:

— Двадцати лет вполне достаточно, родная моя.

— Найдется время, чтобы ввести нас в курс дела? — спросил Макэвой, старательно изображая, что следствие обречено зайти в тупик, если только Лайнус не уделит им пары минут своего драгоценного

времени. — Краткого обзора хватит.

— Я ж и по телефону сказал, рад буду помочь.

Изучая материалы старого дела, Макэвой не мог избавиться от ощущения, что расследование велось кое-как. Как тут не винить стоящего перед ним ленивого неряху? Макэвою чудилось, будто обугленные детишки укоризненно таращатся ему в затылок.

— Да там с самого начала было ясно, что папаша, так сказать, и надавил на курок. Ни единой отметины на уроде. Прямо руки чесались самому их наставить.

Макэвой ткнул пальцем за спину, на монитор:

— В отчете экспертов сказано, что поджигатель использовал горючее. Бензин для зажигалок. Первые выводы показывают, что то же вещество пустили в ход и на вчерашнем пожаре в Королевской больнице Гулля. И в том доме, накануне. Ты вот считаешь, что Джефферсон виновен, так? А что, если нет? Что, если убийца, на чьей совести гибель его жены и детей, вернулся, чтобы расправиться и с ним?

Лайнус обдумал эту версию.

— Все возможно, дружище. Но лично я не сомневаюсь, что Джефферсон сам устроил тот пожар. И, похоже, кто-то решил, что око за око — подходящая расплата.

В кабинете стало тихо. Макэвой подумал, что настала, черт возьми, пора отбросить учтивость.

— Но ты не предъявил Джефферсону обвинение, верно? И кто-то учинил над ним самосуд только потому, что убийца ушел от наказания. Как я погляжу, никто тут и пальцем не шевельнул, чтобы упечь его за решетку.

Побагровевший Лайнус шагнул вперед:

— А ну, погоди-ка... Мы провели тщательное расследование. Просто не смогли доказать вину!

— «Тщательное»? — презрительно фыркнул Макэвой. — Да репортеры «Дейли мейл» перетряхнули прошлое этого парня куда тщательнее. Восемь пожаров! Восемь пожаров по прежним адресам. И это не показалось странным?

— Мы знали, что у него вечно что-то горело, там и сям, — Лайнус взмахнул толстыми руками, едва не расплескав содержимое кружки. — Он извещал о них городской совет, а не полицию. У нас ничего на него не было, кроме пары приговоров по делам о жульничестве в юности да пьяного нападения на констебля за год до последнего пожара.

— Но ты ведь утверждаешь, что с самого начала не сомневался в его виновности. — Макэвой развернулся к Тремберг: — Не знаю насчет вас,

детектив-констебль, но уверься я в том, что какой-то тип убил троих детей и жену, я бы постарался отыскать способ упрятать подонка за решетку.

Лайнус крутил головой, переводя взгляд с одного следователя на другого, его рыхлые подбородки так и тряслись в пароксизме праведного негодования.

— Слушайте, я ведь не долбанный Шерлок...

Вновь тишина. Макэвой вытер лоб, пощипал переносицу. Он чувствовал, как подкрадывается головная боль. Похоже, большинство фрагментов этого пазла пока разложены картинкой вниз.

— Я понимаю, сержант, — медленно заговорил он. — У каждого бывают подобные дни. Недели и даже месяцы, чего уж там. Все мы сталкивались с делами, когда сразу понятно: все усилия напрасны. Роупер попросту спихнул следствие на тебя. Понял, что привлечь кого-то по этому делу будет непросто, и отошел в сторонку. Едва ли это стало для тебя стимулом рыть землю, так?

Лайнус тяжело дышал, но губы его кривились в неуверенной улыбке. Во взгляде отчетливо читалось облегчение. Явно доволен, что этот лицемерный, уверенный в своем превосходстве шотландский ублюдок понимает, каково это — карабкаться в гору, когда тебе на плечи давит весь сраный мир.

— А что я мог поделаться? В рапорте говорилось, что у нас однозначный поджог с использованием горючего. Прекрасно. Но Джефферсон заявил, будто виноват его старший мальчишка, мол, он и прежде, случалось, заставлял его балующимся с огнем. Он обвинил того, кто ответить уже не мог. Конечно, Джефферсон имел отношение к другим подозрительным пожарам, но ведь и пацан там тоже присутствовал. Быть в чем-то уверенным и суметь это доказать — две разные вещи.

— Ты припер его к стене? Пробовал как следует надавить?

— Еще как давил, черт подери. Мы часами его допрашивали, я и Пит Мэй. По очереди. Пытались заставить его почувствовать вину. А он просто сидел там, мотал башкой и повторял, что пожар устроил его сын, и точка. Мы ничего не могли предъявить. Не протащили бы обвинение через прокуратуру.

— Но газетчики все равно устроили тебе веселую жизнь, да?

— Работа такая! Те же газеты, что поносили нас за круглосуточные допросы бедного скорбящего отца, сразу завопили о некомпетентности, стоило им узнать про восемь долбанных пожаров за пару прошлых лет и что все соседи считали Джефферсона пиро-хреновым-маньяком. Мы не смогли ничего добиться. Как думаете, это было просто — дать ему уйти?

— А что соседи? Люди, говорившие с журналистами? Не вспомнишь, может, кому-то из них не терпелось похватиться с поджигателем?

Лайнус развел руками:

— Сами знаете, как там живется. Да в этой дыре люди по любому поводу бросаются на тебя. Но мне не верится, чтобы кому-то из тамошних хватило пороху зайти в Королевскую больницу, пробраться в ожоговое отделение и спалить человека. Да еще и преспокойно уйти после. Думаю, тут ты забрел в тупик, сынок.

Макэвой подошел к окну, пальцами раздвинул пожеванные металлические жалюзи. Оглядел заоконный пейзаж, серый и тоскливый — как картофельное пюре в школьной столовке. Пара мальчишек лет семи, визжа от восторга, резвились на карусели, каким-то чудом еще не павшей от рук хулиганья. Жизнерадостную картину несколько смазывало то обстоятельство, что оба сопляка вовсю дымили сигаретами.

— Не Тенерифе, верно? — ухмыльнулся Лайнус, когда Макэвой снова повернулся к нему. — Порой уже и не знаешь, может, эти сгоревшие мальцы еще легко отделались.

Макэвой не ответил.

Тишину нарушила трель мобильного в его кармане. Макэвой был не против отвлечься, хотя и опасался услышать голос Фарао, желающей знать, как продвигается расследование. Но номер был незнакомый.

— Макэвой.

— Это Расс Чандлер, сержант. Вы приезжали навестить меня...

— Мистер Чандлер. Да, здравствуйте.

— Полагаю, тот визит был упреждающим ударом. Когда состоится арест?

— Мистер Чандлер, боюсь, я не...

— Я не тупица, сержант. Знаю, как все это работает. Вы пришлете машину или...

— Мистер Чандлер, давайте-ка с начала. Но разговор окончен, если вы не вспомнили еще что-нибудь насчет Фреда Стейна.

— Стейна? — удивился Чандлер. В голосе досада. — Сержант, какую бы игру вы ни затеяли, это вовсе не обязательно. Я готов сотрудничать.

Тремберг беззвучно прошептала: «Что происходит?» Вместо ответа он зажмурился.

— С кем сотрудничать, мистер Чандлер?

На другом конце линии молчали. Должно быть, Чандлер собирался с мыслями.

— Мистер Чандлер?

— Вы же должны были проверить звонки.

— Чьи звонки?

— Господи, парень. Джефферсона. Того мужика, которого сожгли заживо. Я говорил с ним, сознаюсь. И на этом конец. Меня и близко не было в Гулле, когда это случилось. Если вы помните...

— Вы говорили с ним? Зачем?

— Книга, припоминаете? Про чудом спасшихся. Я вам рассказывал. Он был в моем списке возможных героев, с которыми я связывался, пока разрабатывал идею. Прощупывал почву, и только. Но совсем недавно Джефферсон позвонил мне, хотел знать, я все еще заинтересован или как. Сказал, у него денежные проблемы...

— Он связывался с вами? Когда конкретно?

— Точно не могу сказать. Вскоре после того, как я очутился в этой распроклятой клинике. Выпал из жизни на первые дни, но потом взялся прослушать сообщения, и среди прочих было от Джефферсона. Он с чего-то решил, будто я сам ему звонил, но это неправда. Ну, как та женщина из Гримсби. Сами понимаете, я был не в форме...

— Какая еще женщина, мистер Чандлер? Из Гримсби? Еще один объект ваших изысканий?

— Да-да, — раздраженно проговорил Чандлер, словно все важное и интересное уже рассказал. — Энжел... как-то там. Единственная, кого не удалось прикончить Мяснику-из-Бара.

Макэвой ходил по комнате, пытаясь удержать в узде скачущие мысли. Происходило нечто значительное. Он чуял преступление. Кровь.

— Тот маньяк? Много лет назад?

— Точно, и скорее в вашем медвежьем углу, чем в моем. Вы должны помнить.

Макэвой помнил. Более десяти лет назад на границе Шотландии водитель грузовой фуры по имени Иен Джарвис подкарауливал жертву в общественных туалетах, а затем вспарывал ножом и насиловал. И всегда вырезал свои инициалы на их половых органах. Он убил четверых, прежде чем оставил четкий след с ДНК на четвертом месте преступления; его взяли, когда он напал на пятую жертву в уборной блошиного рынка в Дамфрисе, в каких-то пяти минутах ходу от чистенького домика на две семьи, где обитал с женой и тремя маленькими детьми. Последней жертве удалось выжить. Свои показания против него она давала из-за ширмы. Помогла засадить мерзавца за решетку и, вне сомнений, порадовалась, когда его нашли повешенным в камере спустя три недели из первого его пожизненного срока. К тому моменту женщину включили в

муниципальную программу обмена жилья, и она приняла первое же предложение: три комнаты с видом на глухую стену, седьмой этаж многоквартирной бетонной башни на окраине Гримсби.

— С нею вы тоже связывались? Вы разговаривали с ней?

— Да нет же! — взорвался Чандлер. — Она оставила мне сообщение. Сказала, что звонит по моей просьбе. Только я что-то ни хрена не припомню, чтобы я ей звонил.

Макэвой потряс головой. Лицо его стало таким же безжизненно-серым, что и пейзаж за окном.

Он знал, он совершенно точно знал, что Энжел Мартиндейл будет следующей.

Глава 6

Бокал был пуст, но она все равно поднесла его ко рту. Опрокинула. Смочила губы остатками пены и облизнула языком в белесом налете.

Дохнула в бокал невнятной мольбой:

— Что же вы, ребятки?

Со стуком поставила бокал, где совсем недавно была пинта пива, на полированную стойку. Вдруг какая добрая душа заметит, что у Энжел кончилась выпивка, и предложит восполнить пустоту. Возьмет ее под крыло, купит толику ее драгоценного времени.

— Повторить, Энжи?

Иллюминатор Боб на сей раз. Мойщик окон, известный всему городу привычкой не затруднять себя углами стекол, куда не доставала его губка.

— Ты такой отпадный, Боб, — пробормотала она и качнулась в сторону крана с логотипом «Басса». — Пинту, если не сложно.

Приподняв свою кружку, Боб нацелил ее на бармена Дина, который убирал бутылки с дешевыми коктейлями в пустой холодильник у дальнего конца стойки.

— Как освободишься, Дин.

Местечко что надо, настоящий паб. Еще не выкупленный кем-то из вездесущих сетевиков, один из последних на этой оживленной торговой улице городка Гримсби. Посетителей можно по пальцам пересчитать, и все сидят поодиночке. Три мужика в летах, которым Энжи привыкла кивать при встрече, расселись неправильным треугольником за отдельными столами. Обсуждают какого-то неведомого боксера. Рядом с каждым на растрескавшемся лаке столешницы выложен дневной бюджет. Все трое тянут последнюю на сегодня пинту, стараясь не спешить: откладывают унижение, связанное с необходимостью втискиваться в пальто, обматываться шарфом и брести сквозь ветер и снег к автобусной остановке.

Еще один клиент — мускулистый мужчина в черной куртке. Войдя, он постучал пальцем по крану с сидром и молча протянул деньги. Отхлебнул из бокала и уткнулся в «Дейли миррор», так головы и не поднял. Энжи определила его как заядлого игрока. Видать, парень по самую маковку увяз в скаковых лошадях и долгах, нет, такой ее улыбки не заслуживает.

— Черт, да там окочуриться можно. Хватит с меня на сегодня, поработался.

Боб-иллюминатор. Растирает руки, чтобы согреться, только что вошел

— выкрашенная синим дверь со стеклом в морозных узорах, — принесся уличный шум и запах снега. Раньше в открытую дверь хлынули бы автомобильные гудки. Некогда эта улица была в Гримсби самой оживленной, сюда все шли за покупками; сплошь веселая суета и пестрое мельтешение, лавки, магазинчики, выгодно использовавшие близость рыбного рынка и доков. Но все в прошлом. Улица вымерла, окна заколочены фанерой да граффити повсюду, таблички «Сдается», сплошные металлические жалюзи. Будь Энжи родом из Гримсби, непременно расстроилась бы при виде запустения, в которое погружалась некогда франтоватая улица, но этот город она считает своим лишь последние несколько лет, и его проблемы волнуют Энжи не больше ее собственных.

— Шевелись, сынок.

Дин достал два бокала. Еще теплые после мойки, так что он ополоснул их струей холодной воды. Мальчишка совсем, но схватывает на лету.

— Давно пора. Тут леди умирает от жажды.

Убедившись, что бокалы охлаждены, Дин наполнил их из-под крана, поставил на стойку. Сгреб четыре толстенькие фунтовые монеты с раскрытой ладони Боба.

— На здоровье, Боб.

— Брось, друг. Вечернюю игру собираешься показывать?

— Не-а, это же по спутнику. Лицензия заоблачных денег стоит.

— А в «Уэдерспунс» покажут?

— Без понятия. Наверное.

— Трудно тягаться, сынок, да?

— А у нас зато пиво лучше.

— Точно.

Энжи смакует долгий глоток. Рука с бокалом давно перестала подрагивать, еще после второй утренней пинты. По горлу стекает знакомый ручеек, холодное пиво оборачивается в желудке уютно булькающим, сытным теплом. Еще глоток. Энжи расслабляется, зная, что в ближайшие несколько минут беспокоиться не о чем. Она снова сделалась простым, неотличимым от других завсегдатаем тихого старомодного паба, прихлебывает свою пинту «Басса» и слушает чепуху, которую бормочут рядом.

Отпивает еще немного и мысленно велит себе притормозить. Неведомо ведь, откуда приплывет следующая пинта. Как и следующая трапеза, но еда волнует Энжи меньше.

— Стало быть, у тебя все в ажуре, милая Энжи? — спросил Боб, когда Дин вернулся к пивным холодильникам и со звоном начал загружать их

бутылками «Карлсберга».

— Справляюсь, солнышко. Справляюсь.

— Ты сегодня ранняя пташка.

— Ага, хотела пройтись по магазинам. Немножко побаловать себя.

— Ты этого заслуживаешь, милая. Всегда приятно с тобой повидаться.

Энжи косится на него. Хорошо за сорок, ростом чуть выше ее самой. Дешевая копия модных джинсов с дырами на коленях и грязно-белые кроссовки, синяя толстовка под выцветшей замшевой курткой, определенно из секонд-хенда. Совсем не гадкий с виду. Вполне ничего даже. Заклучая мимолетные союзы, Энжи старается мыслить прагматично. Решения о том, придется ли ради еще нескольких пинт немного попотеть и терпеть липкие трусы, принимает импульсивно.

— Ты что, укладку сделала, Энжи?

— Нет, солнышко. Снегом запорошило. Просохли и закурчавились.

— А что, симпатично. Прямо кудряшки, как у ангелочка.

— Я такая, Боб. Ангелочек.

Улыбаясь, они сдвигают бокалы. Энжи делает глоток побольше, вдруг уверившись, что впереди ждет новая порция. Прежде ее передернуло бы от мысли сравнить себя с небесным серафимом, но с той поры Бог оставил ее, и только крестик на шее напоминает: некогда Энжи была прилежной прихожанкой и молила лишь о безопасности и о хлебе насущном, предлагая взамен свою душу.

Еще глоточек.

В этом она прямо артистка. На дневном маршруте Энжи с полдюжины пабов, и в каждом ей обычно удастся раскрутить мужиков на два-три стаканчика. В каждом она всегда покупает первую выпивку сама, но ей редко приходится долго копаться в сумочке ради следующих порций. Согласись Энжи пройти курс психологической помощи при посттравматическом стрессе, ей, возможно, пришлось бы разобраться, откуда берется эта тяга убивать время в пабах, в обстановке, которая чуть не угробила ее саму. Только нет у Энжи времени на самокопание. Она узнала, что прячется у нее внутри, когда тот тип с ножом приступил к работе. И не увидела ничего такого, на что захотелось бы взглянуть снова.

— Ты и сам хоть куда, Боб. — Энжи опустила ладонь ему на руку. — Рада, что ты заглянул. Я битый час сижу тут в компании этих стариканов.

Боб широко улыбнулся ей:

— Мне бы встретиться с Кеном в «Медведе». Присоединяйся, если хочешь. Он нормальный парень, наш Кен.

Энжи награждает Боба усмешкой, подразумевающей «возможно», но

сама вполне уверена: никуда она не пойдет. Шанс, что Боб с Кеном устроят соревнование в любезности, не давая пустовать ее бокалу, не так уж и велик. Куда вероятнее, что завсегдатаи «Медведя», угощающие ее выпивкой, оскорбятся, увидев Энжи в компании типов из «Уил-сонса». А это значит, что в следующий раз, когда она положит ладонь на чье-то колено и похвалит мужественность его владельца, бумажники останутся в карманах.

Очередной стук двери заставил Энжи обернуться. Они с Бобом остались вдвоем. Энжи не припомнит, чтобы старички уходили, не слышала никаких прощаний, но у нее в мыслях и без того достаточно сумбура. Спроси у нее, сколько клиентов сидело в пабе, когда она вошла, и Энжи окажется в тупике. Она с грехом пополам помнит здорового парня с газетой и, пожалуй, старика Артура в спортивных штанах и в очках с толстыми стеклами, но когда это было — сегодня или вчера? Хотя... Разве это имеет какое-то значение? Похоже, никакого.

— Ты уже слыхала про Джона? Вот же дурная башка.

— Нет, солнышко. Расскажи. Обожаю сплетни.

Боб начинает рассказ о том, как начудил Джон субботним вечером в «Красном льве», Энжи не сводит с него глаз; нет нужды устраивать представление с опустевшим бокалом, чтобы заполучить следующий. Где-то на середине повествования Энжи посещает желание покурить, но она решает воздержаться. В следующем же пабе на маршруте она напрямик направится во дворик для курящих и станет копаться в сумочке, отыскивая сигареты, пока кто-нибудь из курильщиков, сжалившись, не угостит. Тогда собственные сигареты Энжи сможет приберечь на вечер. Выкурит их перед телевизором, потягивая купленную в супермаркете водку, а в рекламные паузы будет слать заманчивые сообщения владельцу «Белого оленя». Тот, похоже, не способен отработать вечерней смены, не излив Энжи душу: лишь дети держат их с женою вместе, и местечко в его постели уготовано только для женщины вроде нее, для настоящей женщины.

Энжи без понятия, что он в ней нашел. Что хоть кто-то из них находит. В сорок три года ей поздновато позировать для постеров с ню, но Энжи все равно бросает мужчинам вызов, надевая под джинсовую юбку пурпурные легинсы и облачаясь в просторный джемпер, купленный на распродаже в «Асда». Как ни странно, алая помада, темные волосы и большие брякающие серьги по-прежнему красят ее. К тому же она проста в общении. Кокетлива и дружелюбна. И умеет слушать, хотя редко отвечает что-то кроме «Ты заслуживаешь лучшего» или «Она просто не понимает своего счастья», когда речь заходит о недостатках благоверной

собеседника.

Конечно, так было не всегда. В прежние времена Энжи Мартиндейл всерьез именовали чудом — врачи, полицейские, даже журналисты, хотя ее имя так и не прозвучало ни в одном из репортажей. Она была той, кому удалось улизнуть. Кто выжил. Кого не сумел прикончить убийца. Энжи еще не достигла той стадии, когда пересказывают историю в обмен на выпивку, но все чаще случаются моменты, когда ее бокал стоит пустой, а никто даже не глянет в ее сторону. В такие дни ее так и подмывает достать газетные вырезки, которые она носит в сумочке, и поведать пьянчугам в «Гримсбис», что полтора десятка лет назад, вот в таком же пабе, ее порезал и изнасиловал человек, которого судья объявил «воплощением зла»; мертвенно-синие глаза по-прежнему буравят ее ночами, когда она по недомыслию укладывается спать почти трезвой.

В джинсовом кармашке оживает мобильный телефон. Извинившись перед Бобом, Энжи сбросила вызов.

— Могла бы и ответить, — глупо ухмыльнулся Боб, вообразив, будто она не захотела прерывать его рассказ.

— Я ведь с тобой разговариваю, Боб, — возразила Энжи.

Фокус со звонком у нее любимый. Мужчины обычно воодушевляются, а всего дел-то — поставить будильник с интервалом в полчаса да сбрасывать «звонки» наглецов, посмеявшихся встрять между Энжи и самым потрясающим мужчиной на свете.

Разумеется, она не блефует. На одних намеках да посулах далеко не уедешь. Время от времени, когда ей кажется, что джентльмен это заслужил, или просто-напросто сама чувствует себя слишком, черт возьми, жалкой, чтобы отправиться домой в одиночестве, Энжи приглашает кого-нибудь к себе. Позволяет этим типам проложить слюнявую дорожку по ней. Терпит несколько минут досадной тяжести и неуклюжих толчков, воображая их одновременно и наказанием за грехи, и расплатой по счетам. В последнее время такое случается нечасто. Энжи все реже хочется делить с кем-то личное пространство, она уже и прибираться в доме бросила. Квартирка на седьмом этаже и в лучшие-то времена на дворец не тянула, а сейчас все сильнее напоминает грязную берлогу.

— Может, все-таки составишь нам компанию?

— В другой раз. Мой номер у тебя есть. Черкни попозже, я посмотрю, не поменялись ли планы.

Еще одна глуповатая ухмылка:

— Так и сделаю.

— Скорее всего, буду торчать дома, одна-одинешенька.

— Ну, этого мы не должны допустить. Верно?

— Конечно, солнышко.

Боб целует ее в щеку перед тем, как уйти. Энжи чувствует прикосновение колючей щетины, усы Боба щекочут ей веки. Интересно, не захочет ли он попробовать на вкус и ее саму — там, внизу, по этой чертовой новой моде. Пощекочет ли усами ее бедра. Оставит ли свет включенным. Заговорит ли про шрамы.

Медленно, осторожно Энжи слезает с табурета. Сложившись вдвое, собирает пакеты с покупками. Дешевые полуфабрикаты из мясной лавки. Немного печенки. Шесть пшеничных булочек. Бутылка водки. Пачка «Ричмонд Суперкингс».

— Уходишь, Энжи? Без тебя станет совсем пусто.

Дин уже разобрался с холодильниками и стоит у пивных кранов, выжидаяще глядя на дверь. Денек выдался тихим, и до вечера уповать на наплыв клиентов не приходится. Дин получает оклад, так что и не мечтает о внезапном ажиотаже в пабе, но смена пролетает быстрее, когда хоть чем-то занят, да и у владельца взгляд делается неприятным, если недельная выручка обманывает его ожидания. Тем паче в Рождество, когда, по выражению Уилсона, у людей нет ровно никакого повода не надраться в стельку.

— Пойду, наверное, отдохну чуток. — Энжи ласково улыбнулась, чувствуя приятную шаткость в ногах. — Прошлой ночью записала детектив про мисс Марпл. Надо давать мозгам хоть какую-то работенку.

— Наслаждайся жизнью, родная. Ты этого заслуживаешь.

Энжи награждает его улыбкой другого рода — той, что придерживает для своих джентльменов. Настоящей улыбкой. Прежде Энжи пускала ее в ход без лишних раздумий. Вот так же мимолетно, счастливо улыбнулась она однажды парню, а тот достал здоровый кухонный нож, вырезал свои инициалы на ее промежности, а потом воткнул лезвие ей между ребер и принялся трахать ее, истекавшую кровью, прямо на полу в туалете какой-то забегаловки.

— Завтра загляну, наверное. Ты ведь здесь будешь?

— Да где же еще.

Энжи направилась было к двери, но тут по телу пробежал озноб да и осел в мочевом пузыре. Оглянувшись на Дина, она хихикнула:

— Сначала откликнусь на зов природы, пожалуй.

— Честно говоря, я диву даюсь, сколько в тебе уместается, — добродушно фыркнул бармен. — У тебя в роду, видать, не без верблюда.

— Так себе шуточка. — Энжи опустила пакеты с покупками на пол и

двинулась к туалету.

— Это ж комплимент! — крикнул Дин, но Энжи уже закрыла дверь, и он поморщился. Ведь не хотел ее обидеть. Вздохнул при мысли, что ляпнул лишнее и теперь придется заглаживать вину стаканчиком, а то и двумя. Ладно, чем быстрее с этим разобраться, тем лучше. Дин наклонился за чистым бокалом.

Удар обрушился точно на его опущенную голову.

Скоротечный миг рассыпающейся искрами боли, и вот Дин уже лежит неопрятной грудой у холодильника с пивом. Рука комично запущена в упавшую коробку с острыми чипсами.

Дин не слышит, как кто-то переступает через него, направляясь к входной двери.

Не слышит щелчка, с которым засов отправляется в паз, не слышит и тихих шагов черных ботинок по дощатому полу.

Не слышит, как скрипит, открываясь, дверь уборной, не слышит и шороха лезвия, медленно выскальзывающего из кожаного чехла.

Не слышит, как кто-то начинает кричать...

Глава 7

— Вы уверены? — орал Макэвой. Второе ухо он заткнул пальцем, чтобы расслышать хоть что-то за ревом мотора и скрежетом покрышек по асфальту. — И что, громко он стучал?

Тремберг переключилась на четвертую скорость, надеясь выжать лишние пять миль в час из литрового мотора. Презрев протесты металла под капотом, она вдавила педаль газа едва ли не сквозь днище.

— Нет... я не уверен, но велика вероятность...

Тремберг глянула на Макэвоя.

И увидела лишь ладонь, прижимавшую к уху телефон. Похоже, костяшки были сломаны, и не однажды. В пальцах Макэвоя словно сосредоточилось все, что она знала об этом человеке. Что он наносил удары и получал их. Что его теплая ладонь, крепкая и надежная, баюкала сына и ласкала красавицу-жену, — но те же пальцы вполне могут сжаться в кулак и стать причиной беды — самоубийственной беды.

— Вышибайте дверь! — кричал Макэвой. — Плевать я хотел. Уж поверьте.

С чего им верить? — подумала Хелен. Они тебя не знают. Я сама едва знала тебя до сегодняшнего утра. Да и теперь едва знаю.

Макэвой отключил телефон.

— В квартире Энжел тихо, к двери никто не подходит, — сказал он, глядя на Хелен из-под взмокших рыжих волос. Глаза в красных прожилках, но так и сверкают. — Стучались к соседям — тоже никого. Не хотят ломать дверь без ордера...

Замолчал, не договорив. Хелен видела, что он сражается с собой. Не желает признать, что и для него самого правила превыше всего. Повиноваться приказам. Делать, что должно.

— Итак, куда? — спросила она.

Макэвой молчал. Сидел и покусывал себя за запястье.

За окнами понемногу смеркалось. В воздухе порхали редкие снежные хлопья.

Хелен повторила вопрос:

— Куда сначала?

Они приближались к промышленной зоне на окраине Гримсби. Воздух отдавал рыбой и гарью, асфальт под колесами баюкал отупляющей, монотонной вибрацией.

Макэвой уронил руку с телефоном на колено. Похоже, принял решение.

— Патрульный говорит, что, по словам соседей, Энжел в это время можно найти на Фримен-стрит. В каком-нибудь пабе. А в каком именно...

— На Фримен?

— Если так она зовется. Здесь твои угодья, не мои.

Тремберг непостижимым чудом удалось выжать из хэтчбека еще 10 миль в час, стрелка спидометра вплотную подобралась к отметке 80, и машина с визгом вписалась в первый поворот кольцевой развязки, с рыком полетела по эстакаде над доками. Недаром Хелен отпахала тут участковым констеблем.

— Что нам известно об этой Энжел? — прокричала она, продолжая вдавливать педаль в пол. Мимо промелькнул рыбокомбинат. — Что именно она пьет?

Макэвой недоуменно посмотрел на напарницу, затем открыл блокнот, лежавший у него на коленях. Уставился на обрывки слов и таинственные закорючки — скоропись, которую он вел, разговаривая с дежурным из центрального полицейского участка Гримсби. Тут же были и подробности, которые сержант Лайнус нарыл в базе данных и продиктовал по телефону уже минут десять после того, как Тремберг и Макэвой сели в машину и рванули в сторону эстакады.

— Живет на пособие, — прочел Макэвой. — Получает его с момента нападения. После пьяного дебоша под дверью «Морской сажени» прошла курс лечения в больнице имени Дианы, принцессы Уэльской...

— «Морская сажень»? Заведение закрылось в прошлом году.

— И все! — зло воскликнул Макэвой. В блокноте не было ни намека, ни единой подсказки, что делать дальше.

Закусив губу, Тремберг резко вывернула руль вправо, они вписались в последнее звено, казалось бы, бесконечной цепи съездов, ведущих в городской центр.

— Звони в «Медведь». Там есть такая Шарон. Если Энжи бухает на Фримо, Шарон должна ее знать.

Кивнув, Макэвой торопливо набрал номер справочной службы. Почти вечность слушал сюсюкающий голосок с азиатским акцентом, изливавший пустые приветствия.

— «Медведь»! — завопил он. — Фримен-стрит. Гримсби.

Тремберг поморщилась.

— Нет! — взревел Макэвой. — Просто переключите меня. Переключите!

Миг спустя дернул головой — соединили.

— Привет! Это «Медведь»? Мисс... Шарон? Я из полиции Хамберсайда. Мне срочно нужно связаться с женщиной, которая может быть вашим завсегдатаем. Энжел Мартиндейл...

Оторвав глаза от дороги, Хелен следила, как гнев на лице Макэвой уступает место разочарованию. Она знала, что ему говорит барменша из «Медведя». Разумеется, Шарон решила защитить Энжи и сейчас вежливо расписывает Макэвою, куда тому следует отправиться.

Не раздумывая, Хелен выхватила телефон у своего сержанта.

— Шарон! Это Хелен Тремберг. Арестовала бейлифа Барри, когда тот вырубил Джоно монтировкой. Помнишь? Так вот, нам позарез нужна Энжи Мартиндейл. Богом клянусь, если ты услышишь, что мы арестовали ее, я оплачу все поставки пива в твою лавочку на год вперед. Именно... Отлично, дорогуша. Отлично.

Хелен вернула телефон Макэвою:

— Кто-то из клиентов болтал с нею в «Уилсонс» где-то с час назад. Верхний конец Фримен-стрит. Там подают «Басс».

— Нет ли у нее способа связаться с...

— Фримен! — объявила Тремберг, сворачивая направо за зданием «Гримсби Телеграф» на выдавшую лучшие времена улицу с витринами в уныло-старомодных рождественских гирляндах. — Место, где рождаются мечты.

В набухающих сумерках пунктиры неоновых вывесок и мигающих цветных огоньков, заколоченные витрины и покрытые граффити ставни показались Макэвою перенесенными сюда из какой-то страны Варшавского договора. К убогости Гулля он уже привык, а этот городишко видел впервые. Новые картины упадка и бедности, апатии и болезненного смирения язвили его в самое сердце.

— В конце улицы, — сказала Тремберг.

Миновали разверстый зев рыбного рынка, качающиеся вывески и облупившиеся фасады трех пабов. Макэвой принюхивался, ожидая уловить запахи трески, пикши, может, палтуса... Ничего. В воздухе не было даже привкуса морской соли. Только тяжелый дух жареной картошки и автомобильных выхлопов. И вокруг лишь снег, тьма да запертые двери магазинов, прячущиеся в черных тенях.

— Вот заведение Шарон. — Тремберг ткнула пальцем в белое здание с черной дверью, у которой толпились куряки, пританцовывая от холода, сплевывая да выпуская струи дыма. — А там «Уилсонс». Свет есть. — Она смотрела на здание чуть впереди, зажатое между магазинчиком

поношенной одежды и булочной. — Добрый знак.

Сбросив скорость, Тремберг свернула в парковочный закуток у паба. На миг прикрыла глаза, прежде чем вырубить зажигание. Затем открыла и медленно повернула голову. Макэвой смотрел на закрытую входную дверь.

— Энжел здесь может и не быть, — пробормотал он.

— Верно.

— Она может быть где угодно. Выпивает. Встретилась с мужчиной. Отправилась за покупками к Рождеству...

— Да.

— Шансы на то, что она здесь...

— Невысокие?

— Почти нулевые.

— Раз уж мы тут, можно и пропустить по стаканчику...

— Пинту «Басса»?

— Пинту «Басса», точно.

Они переглянулись, убеждая себя, что верят в эту ложь.

Макэвой открыл дверцу, и в нее тут же с силой вцепился ветер, обжег лицо холодом. К тому времени, когда Макэвой с трудом выкарабкался из крошечной машины, Тремберг уже дергала за липкую латунную дверную ручку и носком ботинка колотила в дверь паба.

— Закрыто, — процедила Хелен. Нащупала в темноте прорезь для писем, наклонилась к щели, откуда вытекала тонкая полоска желтого света. — Полиция! Мы из полиции!

Приложила к щели ухо.

— Есть что-нибудь? — спросил Макэвой.

Скривившись, Тремберг обернулась к нему:

— Непонятно. — Раздраженно взмахнула рукой, словно призывая ветер стихнуть. — Ничего не слышу. Сам попробуй.

Хелен отодвинулась, и Макэвой прижался к прорези ухом, затем губами и крикнул:

— Энжел Мартиндейл! Вы здесь? Откройте, полиция!

Этот звук ни с чем не спутаешь. Человеческий голос. Полный ужаса. Гортанный, животный стон бескрайнего, безликого ужаса.

Тремберг тоже его услышала, но тут же отвлеклась, оглянувшись на курильщиков, прежде топтавшихся у «Медведя». Теперь они брели в их сторону, привлеченные надвигающимся скандалом.

Хелен хотела предложить Макэвою выбить дверь, но тот уже разбежался для удара. Сорвавшись с петель, дверь упала внутрь, точно выбитая боевым тараном, и Макэвой полетел на пол. Плечо взорвалось

болью, во рту разлился вкус крови — похоже, прикусил щеку, — но Макэвой было сейчас не до своих ощущений.

Он приподнялся, опираясь на рухнувшую дверь, зазубренная щепка вошла в ладонь.

— Сержант!

Тремберг дернула его за локоть вверх. Они стояли на дощатом полу, в лужице снежной слякоти, моргали, привыкая к свету. В пабе было пусто. Какие-то пакеты с логотипами магазинов привалились к барному табурету, на стойке грязные бокалы. Макэвой машинально взял один.

— Есть кто?

И тут снова раздался стон.

Макэвой огляделся. Рванулся вдоль барной стойки, цепляясь за начищенный медный поручень, и замер, увидев на полу за стойкой неподвижное тело.

— Хелен! — Взгляд его наткнулся на нишу с дверями, ведущими в туалеты. — За стойкой!

Сам же, так и не поставив пивной бокал, бросился к нише. Справа — женский, слева — мужской. Макэвой пинком распахнул дверь женского туалета.

Полоса неоновой света под потолком заливала помещение сумеречной синевой. Напротив двери — треснутое зеркало, дверцы обеих кабинок приоткрыты.

В центре на полу лежала Энжи Мартиндейл, судорожно извиваясь. Юбка задрана до пояса, легинсы скатаны вниз по щиколотки. В неестественном освещении кровавое месиво лобка казалось смолисто-черным провалом. Лицо закрыто ладонями, сдавленные всхлипы прорывались сквозь пальцы.

Макэвой окаменел. Картина была абсолютно ирреальной, точно все происходило не с ним, а с кем-то другим. Лицо заливал холодный и липкий пот, будто он внезапно пробудился от ночного кошмара.

— Т-там...

Окровавленным пальцем Энжи Мартиндейл слабо шевельнула в сторону кабинок.

Макэвой наклонился к ней, пытаясь уловить ее призрачный шепот.

И тут с перегородки между кабинками спрыгнул человек, с ног до головы затянутый в черное, на голове — маска с прорезями. Корпус наклонен вперед, одна нога чуть согнута в колене, другая приподнята, будто он изготовился к следующему прыжку. Макэвой заворуженно смотрел на него. Время точно замерло, мир съежился до одного мига. До

подошвы ботинка, медленно и неумолимо надвигавшейся на него.

В последнюю долю секунды Макэвой успел податься назад. Ботинок пролетел мимо его лица, но увернуться совсем не удалось. Человек врезался в Макэвою, припечатал к стене, вышибая воздух из легких.

От удара о кирпичную стену в глазах Макэвою все поплыло, он заскользил в черную патоку забытья. Бокал выскользнул из ослабевшей руки, со звоном упал на каменный пол. Звон эхом отозвался в голове, возвращая сознание. Из носа хлестала кровь. Перед глазами кружилось разноцветье всполохов.

Он не сразу понял, что держит кого-то. Что в его руках отчаянно извивается человек, вновь и вновь вонзает локти в его ребра, со всей мочи молотя тяжелыми ботинками по его ногам. Человек в маске судорожно пытался вырваться из объятий, в которых Макэвой сжал его, теряя сознание.

В миг возвращения в мир реальности Макэвой чуть ослабил хватку и тут же получил сильный удар в лицо, голова дернулась, снова ударяясь о стену. Макэвой разжал руки, боль автоматной очередью прошла позвоночник, финальным фейерверком взорвавшись в голове. Он едва успел перехватить следующий сокрушительный удар.

Для настоящей драки здесь попросту не хватало места. Макэвой не мог даже размахнуться как следует. Не мог броситься вперед, опасаясь наступить на Энжи Мартиндейл.

Он принял еще один удар, в грудь.

Лягнул. Промазал. Ударил правой рукой, но кулак пропорол лишь пустоту там, где миг назад находилась голова нападавшего.

Господи, подумалось Макэвою сквозь туман, парень-то не промах!

И тут его захлестнула ярость. Истинное, на хрен, бешенство. Тело пронзила электрическая судорога ярости, неукротимой, разрушительной.

Оттолкнувшись ногой от стены, он метнул корпус вперед, перехватил стремительно мелькающие руки противника. Перелетев в прыжке тесноту, где уже ничего невозможно было разобрать, заскользил, приземлившись по залитому кровью полу, и с наслаждением услышал глухой удар, с которым враг врезался в туалетную кабинку. С диким ревом Макэвой навалился на него. И ощутил, как тот обмяк. Обеими руками, как тисками, он зажал голову, обтянутую шерстью, и ударил о дверь кабинки. Раз, другой. Затем вцепился в горло, а второй рукой принялся наносить удары в живот. С удовлетворением уловил судорогу, скрутившую тело мерзавца. Замахнулся, собираясь нанести завершающий сокрушительный удар.

Дверь туалета распахнулась.

В проеме стояла Хелен Тремберг, занеся над головой складную полицейскую дубинку. Точно регулировщик на перекрестке.

Хелен открыла рот. Объявить человеку в черном, что он арестован? Сказать Энжи Мартиндейл, что она будет жить? Она не успела сказать ни слова.

Стремительным движением человек в черном выхватил нож. Откуда тот появился, из кармана или рукава, Макэвой не видел, но только что противник, скрючившись, валялся на полу, и вот уже его рука, сжимающая нож, описывает широкую дугу, которая упирается в руку Хелен Тремберг.

Вопль Макэвой раздался раньше крика Тремберг, а уже через мгновение теснота уборной зазвенела от боли и отчаяния.

Человек в черном, непостижимым образом оказавшийся на ногах, схватил Тремберг и в балетном па швырнул ее на Макэвой, который пытался сохранить равновесие на скользком полу. Хелен врезалась в него всем телом, и полицейские рухнули подле распростертой Энжи Мартиндейл.

К тому времени, как Макэвой снова вскочил, дверь туалета уже стукнула, захлопываясь. Он толкнул ее и выскочил в зал, где угодил в настоящую чащу из чьих-то рук и ног; его хватили и дергали со всех сторон. Макэвой с грохотом упал на деревянный пол, перекатился на спину, отбиваясь от нападавших, которые все пытались прижать его конечности к половицам.

Ему все-таки удалось вырваться, вскочить, но тут чья-то рука, вынырнувшая сзади, сдавила ему горло.

Макэвой повалился на спину, прижав человека к металлическому поручню стойки. Человек судорожно выдохнул.

— Полиция... — прохрипел Макэвой. — Полиция.

Давление на шею резко ослабло. Макэвой оглядел людей. С полдюжины выпивох всех мастей, завсегдатаи «Медведя». Два коренастых толстяка, парень средних лет в шортах не по сезону, миниатюрная женщина с коллекцией сережек в ушах, старик с седым чубом под Элвиса и высокий, похожий на оживший скелет мужчина в белой рубаше с пустым, кажется, рукавом.

— Мы думали... — пробормотал кто-то.

Макэвой продрался сквозь толпу. Перепрыгнул через валяющуюся входную дверь и вылетел на улицу.

Лихорадочно закрутил головой, осматриваясь. Налево. Направо. Назад, в утробу бара.

И вверх, в небо, уже понимая, что человеку в черном удалось

скрыться. Что он держал мерзавца в руках и позволил ему уйти.

Макэвой вглядывался в черные, налитые снегом облака и выкрикнул то единственное, что могло передать его чувства:

— *Блядь!*

Глава 8

— Ни слова, — велела Фарао. — Даже, на хрен, не дышите.

Зайдя за стойку, она сняла с полки бокал на полпинты. Внимательно изучив его, налила на два пальца водки и осушила одним глотком.

Следственная группа собралась в пабе «Уилсонс». Колин Рэй развалился на стуле, узел галстука болтался чуть ли не до пупа. С самодовольным видом Рэй перемалывал никотиновую жвачку. Шарон Арчер, разумеется, устроилась рядышком. На столе перед ней — надорванная пачка крекеров, которыми она старалась хрустеть по возможности тише.

Софи Кирклэнд и Бен Нильсен подпирали стойку, наблюдая за Фарао. Они прибыли несколько минут назад, бухтя насчет неудобств парковки и стряхивая снег с волос на пол, заляпанный грязными следами.

Макэвой приходил в себя, облокотившись на игровой автомат у бокового входа в бар. Сквозь заиндевшее стекло он видел ядовито-желтый жилет патрульного. Еще два констебля несли вахту у разбитой двери основного входа. Улицу перед пабом успели перекрыть, но толпа собралась нешуточная. Когда Макэвой в последний раз высовывал голову в дверной проем, кое-кто из зевак уже открыто гоготал. Вряд ли стоит упрекать их в том, что беды Энжи Мартиндейл они приняли равнодушнее, чем коп из другого города. Коп, спасший ей жизнь.

Фарао так и стояла за барной стойкой — глаза закрыты, размеренно дышит. Прошло с полминуты. Затем, не проронив ни слова, достала из кармана куртки пачку сигарет, закурила и с наслаждением затянулась.

— Она не погибла, — наконец заговорила Фарао. — Это хорошая новость. — Снова затянулась. — Хелен Тремберг тоже поправится. Еще одна хорошая новость. — Новая затяжка. Новая струйка дыма. — А вот и новость похуже: со мной связался помощник главного констебля Эверетт и потребовал ввести его в курс дела. Похоже, он был на каких-то похоронах вместе с суперинтендантом центрального участка Гримсби, когда дежурный позвонил тому с вопросом, стоит ли посодействовать отделу борьбы с особо опасными преступлениями и выбить дверь одной из квартир в центре города. Эверетт спросил меня напрямик, как именно Энжел Мартиндейл связана с расследованием убийства Дафны Коттон. Или с делом Тренора Джефферсона, раз уж на то пошло. Вы ведь помните эти фамилии, так? Ну вот, помощник главного констебля просит расписать ему,

чем мы заняты, вплоть до мелочей. И терпеливо ждет, когда его просветят. А я не то чтобы сильно рада звонку. И вовсе порчу себе настроение, сообразив, что отвечать нечего: я в жизни своей не слыхала имени Энжел Мартиндейл. И понятия не имею, с какого перепугу двое моих сотрудников настаивают на том, чтобы несчастный констебль вышиб ее дверь и убедился, что она жива и здорова.

Макэвой поежился. Открыл рот. Закрыл.

— И вот я в Гримсби, — продолжала Фарао. — Одна из моих подчиненных истекает кровью. Второй размахивает куском вязаной шапки. В туалете паба расселась дамочка с порезанной мохнаткой. И у меня по этому поводу масса вопросов. Как считаете, может, сейчас самое время дать мне ответ-другой?

В баре повисла тишина. Колин Рэй развел руками, оглянулся и подмигнул Макэвой, в его подмигивании не было и намека на дружелюбие. Шер Арчер тоже обернулась, за ней — Бен Нильсен и Софи Кирклэнд, хоть взгляды у них и не такие едкие. Все глаза прикованы к нему.

— Похоже, главный приз достается тебе, мой мальчик, — сказала Фарао, и в ее голосе тоже не было дружелюбия.

Макэвой поднял голову. Ребра отчаянно ныли, пара зубов явно шатались. Но хуже всего была вот эта необходимость объясниться — его всего передергивало от одной мысли, что упустил убийцу.

— Имеется связь, — заговорил Макэвой, и голос его звучал в точности как у провинившегося школяра.

Он зажмурился. Постарался убедить себя, что чем быстрее покончит с этим, тем лучше. Надо выложить все карты на стол и надеяться, что тогда картина обретет целостность и четкость. Как совсем недавно, когда его пальцы сжимали сильные жилистые руки того типа. Когда у него не было никаких сомнений в своей правоте. Да, черт возьми, он был прав, доверившись интуиции и выбив дверь паба. Единственный промах — он не сообщил о своих намерениях начальству. Так о чем говорит его промашка? О глупой самонадеянности? Он ведь даже не вспомнил, что нужно позвонить боссу. Да, в те минуты, захлестываемый адреналином, он забыл обо всем на свете, буквально спятил от близости к убийце.

— В день убийства Дафны Коттон помощник главного констебля Эверетт попросил меня нанести визит некоей Барбаре Стейн-Коллинсон, чей брат был найден мертвым в открытом море. Его звали Фред Стейн. Он единственный выжил в одной из давних трагедий с траулерами у берегов Исландии, в 1968 году. Спасся в шлюпке с двумя другими моряками. Те погибли, он — нет. Неделию назад Фред отплыл к месту крушения с

группой телевизионщиков-документалистов, чтобы поведать свою историю и опустить на месте трагедии памятный венок. Однако исчез, так и не достигнув цели. Распереживался в ходе съемок, вышел на палубу подышать и бесследно пропал. Несколько дней спустя тело Фреда обнаружили в дрейфующей спасательной шлюпке. В другой шлюпке — не из тех, что были на борту. Значит, припасена она была заранее. Хорошо спланированное самоубийство? Чувство вины перед товарищами за свое спасение? Возможно. Только меня это насторожило. Короче говоря, я связался с писателем по имени Расс Чандлер. Он временно проживает в Линвудской усадьбе...

— В том дурдоме? — ахнула Шарон Арчер. Можно подумать, Макэвой признался, что его осведомителем был сексуальный маньяк.

— Чандлер там на просушке. Проблемы с выпивкой. Так или иначе, сегодня он позвонил мне и спросил, когда же мы за ним явимся. Упомянул про список телефонных переговоров Тревору Джефферсона...

Коллеги Макэвой недоуменно зашевелились, озадаченно переглядываясь.

— Джефферсон? Барбекю из больницы?

— Да. Обнаружилось, что Чандлер мало того что свел за комиссиями Фреда Стейна с телекомпанией, так какое-то время назад он подкатывал и к Тревору Джефферсону. Ему пришлось на ум написать книгу о единственных выживших. О людях, которые спаслись, когда остальные погибли.

Глаза Макэвой нашли Триш Фарао. Руки сложены на груди, губа прикушена, но слушает внимательно — легким кивком она дала понять, что уразумела, к чему он клонит.

— Джефферсон выжил при пожаре, в котором сгорели его жена и дети, — продолжил Макэвой. — У самого даже крошечного ожога не было.

Он снова помолчал, выжидая, не задаст ли кто вопрос.

— И при чем тут Энжел Мартиндейл? — спросила Киркленд. Она все еще не пришла в себя после того, как увидела Хелен Тремберг в «Скорой помощи» с забинтованной рукой.

— Чандлер и с ней разговаривал. Она — единственная выжившая жертва убийцы, которого пресса окрестила Мясником-из-Бара. Он насиловал женщин в общественных туалетах. Вырезал свои инициалы на их причинных местах. А потом вспарывал. Энжел Мартиндейл выжила. Дала показания.

Макэвой снова посмотрел на Фарао. Начальница подбодрила его очередным кивком.

— Дафна Коттон в детстве пережила страшную трагедию. Всех ее родных боевики зарубили мачете. Покрошили на куски. В церкви. А она выжила. Единственная из всех.

Колин Рэй сел ровнее, выпрямился, демонстрируя внимание.

— Самосуд?

Макэвой покачал головой:

— Не укладывается. Насчет Джефферсона еще можно понять. Особенно если это он совершил поджог. Но Стейн? Дафна Коттон? Энжел Мартиндейл? Чем они-то провинились?

Макэвой прервал скрип отворяющейся двери уборной. В зал паба вышел криминалист в белом комбинезоне и с голубой защитной маской на лице, в руках — поднос с пакетиками собранных улик. Он оглядел полицейских, сообразил, что выбрал крайне неудачный момент. Поставил поднос на ближайший стол. Глядя на Фарао, глуховато сказал сквозь маску:

— Отпечаток того же ботинка. — И, пятясь, вышел через боковую дверь, впуская ледяной воздух и уличный шум.

— Отпечаток? — Макэвой удивленно смотрел на Фарао.

— Простите, сержант. — Голос Триш так и сочился сарказмом. — Виновата. Не поделилась с вами этим фрагментом. Надеюсь, вы сможете меня извинить, я не нарочно. Просто как руководитель следствия я предпочла оставить эти сведения при себе. Обидно, правда?

— Значит, это был он, так? Парень, что расправился с Дафной?

Фарао кивнула:

— Похоже на то.

— Получается, ты дважды его видел, — подал голос Нильсен.

— Да, — смиренно согласился Макэвой.

— Это был тот же мужик? Ну, то есть та же комплекция? Телосложение? Глаза голубые? — Нильсен вдруг ухмыльнулся: — Он снова плакал?

Макэвой даже порадовался, что Нильсен запомнил его описание. Хоть кто-то слушал его.

— Вне всякого сомнения. Глаза я видел лишь мельком, но они те же. Голубые. Покрасневшие. И влажные, словно он плакал.

— И жертва готова это подтвердить?

— Да. Было сложно добиться от нее чего-то вразумительного, но описание совпадает. Он действительно плакал. Сидел над нею целую вечность, спустив штаны и занеся нож, и всю хлюпал носом.

— В бюджете хватит денег на составление профиля? — спросил Колин Рэй у Фарао.

Та без раздумий кивнула.

Вопреки случившемуся Макэвой чувствовал себя приподнято. Прямо на глазах они превращались в команду профессионалов. Со всех сторон уже сыпались вопросы. Догадки. Фарао наконец вышла из-за стойки и мягким движением подтолкнула Кирклэнд и Нильсена поближе к старшим по званию.

— Кем бы ни был этот выродок, спонтанно он не действует, — принялась она рассуждать. — Ясно как божий день, что у него все хорошо продумано. Взвешено. Кто-то сильно одержим чудесными спасениями, и нам предстоит выяснить, какого рожна этот «кто-то» возомнил, будто имеет право перечеркнуть их.

Макэвой оторвался от игрового автомата и взял стул. Полицейские расселись неровным кружком, и с каждым прозвучавшим словом Макэвой чувствовал себя все более вовлеченным в этот круг. Именно так он и представлял себе будущее, хлопоча о переводе в уголовный отдел.

— Но как узнать, где он совершит новое нападение? — спросила Софи. — Как, черт возьми, найти единственного выжившего?

Колин Рэй, что-то шептавший на ухо Шер Арчер, внезапно откинулся на стуле, словно получив толчок в грудь:

— Этот Чандлер. Что там у него по сценарию?

Макэвой обдумал, как лучше представить промаринованного в алкоголе писателя.

— Типичный журналюга. Блюдет свой интерес. Всего не говорит. Недоволен жизнью, алкоголик одноногий.

— По всему выходит, что он — звено в цепи, — сказал Рэй.

— Вы же не предполагаете, что Чандлер и вправду способен...

— Возьми с полки пирожок, — ухмыльнулся Рэй.

— Нет, я тоже вижу связь, но если вы считаете, что он физически способен совершить что-то подобное... Исключено! — Подобная мысль была до того нелепа, что Макэвой сорвался на крик.

— Послушай, дружок. Я знал ребят чуть повыше долбаной табуретки, которые могли завалить здорового качка, когда у них кровь вскипала. Нечего стыдиться, если хилак намял тебе бока...

Макэвой невольно приподнялся на стуле:

— По-твоему, только это меня и заботит?

— Полегче, сержант, — холодно посоветовал Рэй.

— Я видел Чандлера. Долго с ним говорил. И уже дважды сталкивался с подозреваемым. Это разные люди!

— Хватит! — Взмахом руки Фарао усадила Макэвоя на место,

перевела взгляд с его горящего лица на раздраженного Колина Рэя и, похоже, приняла решение. — Вообще, что у тебя за бзик с инвалидами? Приехав, я сразу наткнулась на однорукого русского, который тут размахивал своей единственной клешней. — И она сладко улыбнулась. — Видишь ли, прямо сейчас мне не до одноногих алкашей.

Макэвой, который только что едва не взорвался, сдавленно хохотнул. Остальные тоже расслабились после грубоватой шутки босса.

— Итак, что мы имеем? — подытожила Фарао. — Для начала, мы здорово продвинулись. Еще утром у нас было два отдельных дела. Вечером их уже четыре, и они, вполне вероятно, связаны. Тут Макэвой неплохо потрудился, даже если тщательно скрывал свой талантище...

Сдержанные смешки; на этот раз Макэвою не пришлось выдавливать улыбку — сама возникла.

— А от тебя, Макэвой, я потребую письменный отчет, который ты сочинишь в первую же свободную минутку. Мне нужно знать, на каком мы свете. Выкладывай все, что тебе известно. Пригодятся и твои показания насчет сегодняшнего. Хочу позвонить наверх и объяснить, что мы работали тише воды ниже травы, старались не загружать эфир. Или типа того. Лишь бы дать им понять, будто я в курсе, чем, на хрен, заняты мои подчиненные. День еще не кончился, так что, боюсь, улизнуть домой никому не удастся. Ты, Бен, прямиком дуй в больницу, сними показания с Энжи Мартиндейл. И с бармена заодно, если он пришел в себя. Помягче там, слышишь? На тебе, Софи, связи между нашими жертвами. Все, что могло объединять Стейна, Дафну Коттон, Тревора Джефферсона, а теперь еще и Энжел. Спору нет, этот персонаж Чандлер — важное звено цепи. Раз уж Макэвой успел наладить с ним связь, завтра мы вместе отправимся в Линкольншир, поболтаем с Чандлером по душам. Может, вспомнит еще что-нибудь... Колин, Шер, пообщайтесь с местными. Походите по здешним пабам. Выясните все, что можно, об Энжел Мартиндейл. Есть ли у нее парень. Трепалась ли Энжел о том, что ей довелось пережить, или держала при себе. Тут полно рыбаков, так что не забудьте поспрашивать и про Фреда Стейна...

Макэвой смотрел на нее, как щенок в ожидании ломтика ветчины.

— Твоя задача поинтереснее. — В глазах Фарао знакомая теплая искра. — Воспользуйся своей большой башкой, разузнай, кому потребуется наша защита. Кто еще выжил чудом? Есть еще такие поблизости? В общем... Рабочий день затянулся, но хуже всего, что мы застряли в Гримсби. Я хоть и живу неподалеку, но не смогу заскочить домой и прикончить бутылку «Зинфенделя», которая стоит в холодильнике. Это

меня раздражает. Имейте в виду, других причин для раздражения мне не нужно.

Полицейские обменялись взглядами. Повздыхали, словно готовясь к марафонскому забегу. Скребя ножками стульев по полу, встали, принялись приводить себя в порядок.

Макэвой поднялся последним и обнаружил подле себя Триш Фарао. Рядом с ней он просто исполин, но Фарао улыбалась ему снизу вверх, точно несмышленому младенцу.

— Ума не приложу, хорошо ты потрудился или не очень, — негромко сказала она. — Но не сомневаюсь, что Хелен Тремберг предпочла бы заполучить шрам на руке, чем перерезанное горло. И Энжи Мартиндейл до сих пор жива. Кто бы что ни говорил, помни об этом.

Нужных слов Макэвой не нашел, потому лишь кивнул.

— Рапорт можешь написать дома.

Фарао все так же не сводила с него взгляда. И в глазах ее была не только материнская нежность.

Глава 9

Воздух в легких точно застывшее желе. Хочется чихнуть, но он боится, что ребра разлетятся вдребезги, как шваркнутая о стену лампочка; он подносит к губам чашку с горячим шоколадом, щедро сдобренным бренди, но руки так дрожат, что в чашке поднимается настоящий темно-коричневый прилив и, плеснув, ошпаривает нос.

Он рассматривает свое отражение в бликующей поверхности монитора — лицо на фоне картинок и текста.

— Это адреналин выветривается, — сказала Ройзин, гирляндой обвивая тонкие руки вокруг его шеи. — Просто нужно опять тебя растормошить.

Макэвой кивнул. Растянул губы в улыбке. Ему хочется поцеловать жену, но он сердито борется с искушением. Сначала покончить с делом. Убийца не найден, преступления не раскрыты. Хотя сегодня он держал убийцу за горло, а затем позволил ему ускользнуть.

Ройзин сидит на столе — примостилась на краешке крепко сколоченного верстака красного дерева, который Макэвой задешево приобрел в благотворительной лавке на Фритаун-Уэй и который не подходит ни к какой другой мебели в их лилово-желтой спальне с белыми встроенными шкафами и шаткой с виду кроватью на четырех столбиках. Ройзин обнажена. Изящные ноги с темными от пыли подошвами покоятся на его голом бедре; пальцы массируют кожу зарываясь в нее как в песок. Он обхватывает одну лодыжку ладонью, под пальцами ерошатся волоски, отросшие с той поры, как живот стал мешать Ройзин брить ноги ниже коленей.

— Эктор, тебе получше? — Она поворачивает его голову к себе. Встречает взгляд мужа широкой улыбкой. — Нашел что-нибудь?

Макэвой, облаченный в старую университетскую майку игрока в регби и потертые джинсовые шорты, отстранился от монитора, устало ткнул в текст и вздохнул:

— То ли слишком много, то ли наоборот.

Соскользнув к нему на колени, Ройзин принялась читать. Макэвой с легкой улыбкой искоса наблюдал за ней: читая, жена едва заметно шевелила губами. Он обожал эту ее привычку.

— И кто из них следующий? — спросила Ройзин, дочитав страницу.

Макэвой соорудил гримасу:

— Ума не приложу. — Пристроив голову на плече жены, он вдохнул чистый, фруктовый запах ее кожи. — Я бы даже не вспомнил про Энжи Мартиндейл, не упомяни о ней Чандлер. Или про Фреда Стейна.

Голова Макэвой забита именами счастливых, избежавших смерти. Он убрал иконку часов из правой нижней части экрана — специально, чтобы не следить за временем. За розыском этих имен он провел уже не один час, но так и не продвинулся в догадках, кто из этих людей может стать новой мишенью. Этот этап расследования поставил под сомнение его профессионализм. Макэвой ощущал себя полным идиотом, когда, вбив в поисковую строку Гугла «единственные выжившие», обнаружил перед глазами ссылки на телефильм 1970 года с Уильямом Шетнером в главной роли^[18]. Он попытался мыслить стратегически. Вводя новый запрос, постарался припомнить все, что знает о тонкостях работы поисковых машин. Ограничил поиск сайтами газет. И вот перед ним перечень статей о трагедиях.

Мысленно он наложил результаты поисков на карту страны. Поразмывлял, какую подсказку можно извлечь из расположения мест предыдущих преступлений. Конечно, убийство Фреда Стейна случилось далеко в море, но корни старого рыбака тянулись к Восточному побережью — он родился в Гулле. Дафна Коттон убита в центре Гулля. Тревора Джефферсона сожгли в Королевской больнице Гулля. Положим, нападение на Энжи Мартиндейл произошло в Гримсби, но это ближайший городишко к Гуллю. Означает ли это, что убийца — из местных? Не затаил ли он какую-то обиду на все Восточное побережье? Может, и сам в прошлом оказался единственным выжившим? Вышел невредимым из бойни? И не в силах жить с чувством вины? Решил, что и прочим тоже...

— Верни тот сайт, про женщину, — попросила Ройзин, имея в виду статью, которую он читал, когда она принесла ему первую чашку горячего шоколада в его сегодняшнем компьютерном марафоне.

Макэвой листает историю поиска. Находит нужное в самом низу списка. Это статья из «Индепендент», вышедшая чуть более четырех лет назад, под шапкой «МУЖЕСТВО БРИТАНКИ ДОРОГО ЕЙ ОБОШЛОСЬ».

Активистка британской благотворительной организации оказалась единственной, кто выжил вчера при взрыве школьного автобуса.

Как сообщают, 27-летняя Энн Монтроуз в критическом состоянии помещена в британский военный госпиталь вскоре после нового теракта в одной из охваченных беспорядками

провинций Северного Ирака.

Мисс Монтроуз, уроженка Стирлинга, отказалась эвакуироваться из страны, когда шесть месяцев назад региону присвоили официальный статус «горячей точки».

С тех пор здесь развернулись яростные боевые действия между силами союзников и боевиками, сохраняющими преданность низвергнутому диктатору Саддаму Хусейну.

Изначально она отправилась в Ирак в рамках британской благотворительной миссии помощи детям «Перерождение», которая помогает местному населению строить приюты для детей, осиротевших в ходе войн и природных катастроф.

В то время как многие ее коллеги поспешили покинуть регион, мисс Монтроуз, по-видимому, осталась помочь в восстановительных работах.

Из отчетов следует, что в момент взрыва она вместе с детьми направлялась в недавно отстроенный заново игровой парк. При террористическом акте, как полагают, погибло до 20 школьников.

Пресс-секретарь миссии «Перерождение» заявил: «Нам еще не известны все детали произошедшего, но такая трагедия попросту не укладывается в голове. Энн была готова на все ради других. Она не задумываясь рискнула бы жизнью, чтобы помочь людям. Даже подвергая себя ежедневной опасности, она неизменно оставалась самым чутким и заботливым человеком из всех, кого мы знали...»

— Бедняжка, — вздохнула Ройзин. — Больше ничего о ней нет?

— Ничего. Я пропустил ее имя через несколько поисковых систем, и нигде ни слова о том, чем все закончилось. Не говорится даже, удалось ли ей поправиться. Я отправил мейл репортеру, писавшему о ней, спросил, не осталось ли у него телефона ее родственников. Сейчас она могла уже полностью выздороветь. Или умереть от ран. Порой газеты попросту теряют интерес к героям своих репортажей.

— С тобой так и было, — заметила Ройзин.

— Ну, мною никто особо и не интересовался...

— Ты сам в это не веришь.

— Это зависит от того, с какого угла смотреть, — сказал Макэвой, совершенно не кривя душой. Он так и не определился, считать ли себя лучшим детективом в мире или же безнадежным тупицей.

Ройзин встала, зевнула и потянулась, груди ее приподнялись, и показались две придавленные грузом феи, которых она вытатуировала, чтобы сделать ему сюрприз. С тех пор он всякий раз веселился, когда жена кокетливо приподнимала грудь, зазывая его. Ройзин легла на кровать поверх покрывала.

— Тебе еще долго работать?

— Ума не приложу, — признался он. — Интернет большой и полон мусора. А я пока и копнуть-то толком не успел.

— А твоя Фарао советовала уделять побольше времени семье, — напомнила Ройзин, подавляя новый зев. — Думаю, она имела в виду, что тебе следует прилечь рядом со мной и внушить мне, что я ужасно хорошенькая.

Макэвой отвернулся от монитора. Жена лежала на покрывале, разведя ноги, одна рука массировала темный треугольник между бедрами, а большой палец другой мягко сжимал налитой сосок.

— Ройзин, я...

— Делай что делаешь, — с придыханием прошептала она. — Мне и так хорошо.

Она остановилась. Потянувшись к ночному столику, достала из ящика баночку с мутно-зеленой мазью. Окунула в нее палец и принялась втирать мазь в дельту своих ног.

— Что это? — дрогнувшим голосом спросил Макэвой.

— Секрет, — поддразнила она. — Но приятный.

— А что там?

— Много всего. Ты, в основном.

Макэвой почувствовал, как лицо наливается краской.

— Удивительно, как ты еще можешь краснеть, когда вся кровь спешит на юг, — прерывисто пробормотала Ройзин.

Он привстал, но жена мотнула головой:

— Отставить, солдат.

Прикрыла глаза, перевернулась на бок, прикусила уголок покрывала. Тело Ройзин покрылось гусиной кожей, она чуть дрожала.

Вскоре движения ее замедлились и она перекатилась на спину; на блестящем от пота, порозовевшем лице мечтательная улыбка.

— Теперь спать, — прошептала Ройзин, и глаза ее закрылись.

Успевший возбудиться Макэвой стиснул кулаки. Не без труда заставил себя перевести взгляд с обнаженного тела жены на монитор. К файлу, в котором собрал все свои заметки. Спросил себя, что же ему удалось выяснить.

Все в полном тумане.

Надо все-таки поспать. Мысли уже путаются, расплываются. Пожалуй, он успеет урвать до начала рабочего дня четыре, а то и пять часов сна. Прежде чем посыплются ответы от людей, как-то связанных с выжившими, из которых он попробует соорудить подобие доклада о том, кого же, черт побери, им следует защищать.

Чертовы бумаги. Макэвой по горло насытился ими за последний год, начавшийся на больничной койке, где он лежал в ожидании поощрения за хорошую службу. Всего сутки потребовались начальству, чтобы замять участие Макэвоя в поимке серийного убийцы и нарушить данные ему обещания. За этот год полицейские шишки придумали причину для спешного перевода Макэвоя на должность, которая подразумевала анализ добытых сведений, их систематизацию и занесение в базу. Его усадили наблюдать за настоящей полицейской работой со стороны, и у Макэвоя сердце начинало тоскливо ныть всякий раз, когда отдел борьбы с особо опасными преступлениями брался за новое дело, а ему поручали «работу на телефоне».

Макэвой уже распечатал отчет для Фарао. Постарался сделать его емким и кратким. Догадки и гипотезы оставил при себе.

Он задумался, а не стоило ли включить и их. Упаковать все, что копошится в голове, в конверт из крафта — и протянуть боссу, пусть выберет самые лакомые кусочки.

Тело отяжелело от сонного тепла. Ноги словно гири. Пальцами не шевельнуть. Макэвой сползал в сон. Он взял конверт, вытряхнул содержимое, чтобы еще раз проглядеть. Какой-то листок со стола спорхнул на пол, и он потянулся, чтобы подобрать. Картинка, которую Фин нарисовал перед сном, — человечек без руки и без ноги.

Рассматривая рисунок, Макэвой вяло улыбнулся. Стоило ли обсуждать вчерашние события при сыне? Не травмируют ли его все эти разговоры о смерти, о насилии, об одноруких пьяницах и одноногих писаках?

Взгляд Макэвоя снова уцепился за рисунок. К чему вообще было упоминать того безрукого? И ведь именно о нем он рассказал в первую очередь.

— Ты сказать — Чандлер?

Вопрос мужчины прозвучал с явственным восточноевропейским акцентом. Человек возник перед Макэвоем мрачным призраком, когда тот вышел на улицу из боковой двери паба. Макэвой прятал мобильник в карман, он только что наговорил сообщение для Чандлера, попросил не отлучаться из клиники до полудня следующего дня. Он и не знал, что его

кто-то слышал.

— Да, я сказал «Чандлер», — ответил Макэвой, стараясь не выдать удивления. Не меньше усилий потребовалось ему, чтобы перестать пялиться на пустой рукав рубашки, пришпиленный к груди мужчины. — Расс Чандлер.

— Зачем хотеть Чандлер? Он не знает Энжи.

— Сегодня мисс Мартиндейл подверглась жестокому нападению...

Мужчина взмахнул здоровой рукой. Он был высокий. Худой, но крепкий, в глазах на круглом лице напряжение. И хотя одет был только в белую рубашку и линялые джинсы, холода будто не замечал. Макэвой узнал одного из завсегдатаев соседнего бара — он был среди тех, кто напал на него в пабе. Истерзанный, замерзший и до смерти уставший Макэвой зло смотрел на однорукого.

— Так я герой. Я остановить плохой парень, да?

— Ты не остановить плохой парень, нет. Ты остановить полицейский, который гоняться за плохим парнем.

— Брехня!

— Не брехня.

Они смотрели друг на друга в упор — двое высоких мужчин, глаза в глаза, на ледяном ветру.

— Ошибаться. Не Чандлер. Неважно.

Однорукий повернулся, чтобы уйти. Макэвой инстинктивно дернулся остановить его, но ухватился за воздух. Голос за спиной заставил его обернуться: молодой патрульный уже открыл для него дверцу машины. Пора домой, к Ройзин и Фину. Когда Макэвой снова повернулся, русский уже растворился в толпе, собравшейся за желтой лентой, среди сигаретного марева, пивных банок, пакетов с чипсами и мокрых курток.

Кто-нибудь возьмет у него показания. Кто-нибудь другой...

Макэвой положил рисунок сына на рапорт, еще раз рассмотрел человечка. Обрубок там, где должна быть нога.

Чандлер. О чем вообще говорил этот русский? Имело ли это значение? Был ли хоть в чем-то из вчерашних событий какой-то смысл?

Голова Макэвоя начала клониться вперед, вязкая патока сна вплотную подобралась к сознанию. Он доковылял до кровати, стащил с себя майку и шорты, разрешив уже себе думать о теплой коже Ройзин; лег рядом с женой, накрыл массивной ладонью идеальную сферу ее живота и представил, как ребенок тянется оттуда, чтобы коснуться пальчиками его ладони, — точно по другую сторону тюремного стекла.

Тихо замычал мобильник.

Чертыхнувшись, Макэвой скатился с кровати и зашарил по карманам пиджака, брошенного под дверцей платяного шкафа. Нашел телефон, сощурился на дисплей. Оказывается, еще и часа ночи нет.

Открыл сообщение.

Отправлено с незнакомого номера.

Колин Рэй арестовал Чандлера. Думаю, тебе стоит об этом знать.
Том Спинк.

Сердце ухнуло в какую-то дыру, на языке возник горький вкус желчи.

Сон точно рукой смахнуло.

Часть третья

Глава 1

Снег. Миллионы крупных, белых, идеальной формы снежинок кувыркалились в небе всех оттенков черного, ложились на обочины, мостовые и тротуары, крыши домов, козырьки и навесы, добавляя промозглому городу несколько дюймов роста.

Макэвой смотрел, но не видел. Лобовое стекло затуманилось от дыхания, которое вырывалось из легких низким злым свистом. Два огромных спинных плавника вырезаны в налипшем снеге «дворниками», которые он включил, сам того не заметив. Холода он не чувствовал. Поскрипывая зубами, щурился и на опасной скорости гнал минивэн по скользкой дороге.

Колин Рэй. Чертов Колин Рэй!

Челюсти стиснуты столь сильно, что начало ломить в висках, ребра отзывались ноющей болью. Постепенно вернулись ощущения, прояснилась картина ненастья.

— Долбаный дурак, — повторил он вслух, должно быть, уже в сотый раз. — Ну зачем ты уехал домой? Зачем?

Когда гнев уляжется, он найдет время заняться самоедством: признать, что испугался, будто у него отберут заслуженный момент славы. Забудут о нем, совершая арест по делу, в которое он нырнул с головой. Что ж, он найдет как выказать отвращение к себе, пообещает никогда больше не позволять гордыне испортить чистую радость от ареста убийцы. Но сейчас обида саднила. Пусть он не ведет следствие, но ощущение такое, будто это его дело. Ведь это он собрал вместе обрывки мозаики. И это он дважды заглядывал в голубые глаза преступника.

Хуже всего было то, что ему чудилось, будто он где-то промахнулся. Что-то пропустил. Ведь Рэй не мог получить ордер на арест, ничего не имея на руках. Одних подозрений мало.

Господи! Что, если это действительно Расс Чандлер?

Осторожно, оберегая постанывающие ребра, Макэвой свернул на служебную парковку при участке на Куинс-Гарденс. Затормозил в зоне, предназначенной для визитов высшего начальства, и с удовольствием решил, что наплевать на проблемы, которые могут из-за этого возникнуть. Распахнул дверцу, и ветер со снегом приняли его в студеные объятия.

— Макэвой! Сержант! Сюда.

Сражаясь с дверцей, ежась из-за снега, летящего за шиворот мятой

спортивной рубашки, Макэвой всмотрелся через парковку туда, где слабо мерцала лампа над крыльцом служебного входа.

Двигаясь на голос, он прокладывал в свежем снегу цепочку глубоких, идеальных отпечатков ботинок. Снега нанесло уже по лодыжку.

— Так и знал, что приедешь. — Макэвой наконец разглядел Тома Спинка, стоявшего на крыльце с кружкой в руке. Как и вчера, на нем были темные брюки, вязаный джемпер и рубаха без воротника.

— Получил ваше сообщение, — зачем-то объяснил Макэвой, поднимаясь по ступеням.

Испустив тяжелый вздох, Спинк протянул ему кружку:

— Глотнешь?

Макэвою было все равно, что там в кружке. Он влил в себя жидкость, одновременно и огненную, и ледяную.

— Кальвадос, — сказал Спинк, принимая пустую посудину. — Они в третьей комнате для допросов. Поговорим по дороге.

Они шагнули через порог в уже знакомые Макэвою тропики. Реагируя на их движения, под потолком вспыхнула энергосберегающая лампочка, и коридор омылся зловеще-зеленым светом. В этот неурочный час участок был пуст. Штатские служащие давно похрапывают в своих постелях, и лишь несколько полицейских в форме присматривают за камерами предварительного заключения. Патрульные машины и автоинспекторы рассеяны по городу и наверняка забились сейчас в теплое местечко да наслаждаются купленными на автозаправке сэндвичами и чаем из термоса.

Макэвой уже собирался спросить, что же, черт подери, могло измениться за несколько часов, пролетевших после совещания в пабе, но Спинк не дал такого шанса. Он заговорил, тихо и быстро, шагая мимо закрытых дверей и досок, пестрящих плакатами о поддержании порядка, расписаниями дежурств, списками личного состава и прочими объявлениями. Макэвой ни разу в жизни не видел, чтобы хоть кто-то остановился прочесть эту писанину.

— Фарао здесь нет, — шептал Спинк. — Впрочем, она уже знает. Плюется зубами и пулями.

— Приедет?

— Если бы. У нее больной муж. Прикован к инвалидному креслу если ты не в курсе. Обычно он в порядке, но не сегодня. Сейчас Фарао пытается найти кого-то, кто присмотрит за ним и детьми, но по такой погоде я сомневаюсь, что мы скоро ее увидим.

— Значит, это не ее распоряжение?

— Шутишь? Господи, да она рвет и мечет.

— Фарао не отправляла Рэя в клинику?

— Еще чего. Это наглец метнулся туда, стоило ей отвернуться. Но проблема в том, что арест Чандлера выглядит вполне разумным. Для начальства, по крайней мере.

— Что? — От неожиданности Макэвой остановился, но тут же бросился нагонять Спинка.

— Знай, сынок, я тут не при делах. — Спинк на миг притормозил, добравшись до разветвления коридора, затем уверенно свернул. — Триш отлично справляется, но у нее и врагов хватает. Ей и работа-то досталась случайно. На каждую женщину или темнокожего, которых двигают по системе ради того, чтобы все мы казались терпимыми и передовыми, приходится два десятка ребят старой закваски, пробившихся в суперинтенданты. Если Колин Рэй ухитрился схватить кого-то, на кого и впрямь можно повесить серию убийств, его не станут щелкать по носу. Даже если он полез через голову Триш.

— Но это же ерунда, — с отчаянием сказал Макэвой. — Чандлер при всем желании не мог бы...

— А вот тут от меня тебе толку мало, сынок. — Спинк впервые оглянулся на Макэвой. — Теперь я просто писатель-историк. Но держку ушки торчком, вот порой и услышу лишнего. Сегодня решил попить чайку с дежурным, и на тебе — Колин Рэй и Шер Арчер волокут одноногого доходягу с протезом в руках. Так уж совпало. Доходяга все спрашивал про тебя, и я звякнул Триш. Пообещала примчаться как можно скорее, попросила дать тебе знать. Что я и сделал.

— Фарао просила связаться со мной? Почему?

— Не знаю, сынок. Может, хочет, чтобы ты намазывал им бутерброды. Макэвой ускорил шаг, преградил старику дорогу:

— Что они узнали? Что есть у Рэя?

Спинк помолчал, глядя вдоль коридора, словно желая оказаться подальше отсюда.

— Я не знаю, что из этого дерьмо собачье и что они способны доказать, но Колин уверял кое-кого, что вы с Триш все сделали неправильно. Напортачили. Забыли навести справки о ключевом подозреваемом по делу. Выяснилось, что фамилия Чандлера вовсе не Чандлер, а зовут его Альберт Йонссон. Он и в клинике числится под этим именем. Просит, чтобы его называли Рассом, и люди идут навстречу, но никакого Расса не существует в природе. А вот Альберт Йонссон очень даже существует. И послужной список у него солидный. Нанесение ножевых ранений, две кражи со взломом, мошенничество...

— Но мы собирались допросить его завтра! — простонал Макэвой.

— И это еще не все. Получить ордер им не светило, только не посреди ночи. В общем, Шер Арчер пустила в ход обаяние. Убедила ночных сиделок обыскать палату Чандлера. Они нашли его записную книжку.

Что-то в тоне Спинка подсказывало, что продолжение Макэвою не понравится.

— И что?

— И обнаружили там имя Дафны Коттон, сынок. Победа нокаутом.

Плечи Макэвой обмякли. Попятившись, он привалился спиной к стене, в голове пульсировало. Неужели он мог так ошибиться? По-дружески болтать с убийцей?

— Улика, конечно, сомнительная, — попытался утешить его Спинк. — Видал я совпадения и позанятнее.

Макэвой будто под дых пнули.

— Чандлер ведь ни в чем не сознался? — устало спросил он, голос прозвучал по-стариковски надтреснуто.

— Допрос еще не закончен. Пока что Чандлер твердит как заведенный: «Никаких комментариев». Во всяком случае, еще недавно твердил. Но Колин умеет убеждать, так просто он не отстанет.

— Йонссон? Это же...

— Исландская фамилия, верно. Опять же не улика.

— Хотя может что-то и значить.

— Верно.

Макэвой постарался собраться. Мимолетно пожалел, что не курит, было бы чем отвлечься.

— Если это Чандлер...

— Ну?

— По крайней мере, преступник получит свое, — закончил он твердо. — В этом мы точно не облажались.

— Именно. — Улыбка у Спинка вышла кривая.

Пауза затягивалась.

— Чандлер даже близко не похож, — прошептал Макэвой — скорее себе, чем Спинку. — Другие глаза.

— Знаю.

— И Чандлер звонил мне! — вдруг сорвался он. — Это же он рассказал про Энжи Мартиндейл. Зачем ему это делать? Да и времени бы не хватило. Он ведь звонил мне, помните? Мы упускаем что-то важное...

— В его палате нашли мобильный телефон и уже связались с компанией-оператором. Официальный ответ будет утром. Они точно

определят, откуда шел сигнал. И мы поймем, не тянул ли время Чандлер, вырезая свои инициалы на плоти Энжи Мартиндейл, чтобы дать тебе шанс остановить его. Победить в драке.

— Рэй считает, что Чандлер затеял со мной игру?

Спинк кивнул.

— Кошки-мышки с дурковатым шотландским тюфяком?

Спинк стер с лица улыбку, проведя рукой по губам.

— Мы еще ничего не знаем наверняка.

Неподалеку зазвучали голоса. Шаги. Взволнованные интонации. Макэвой и Спинк молча двинулись на звуки. Свернули в очередной рукав, миновали четыре двери, на которых изолентой были приклеены бумажки «комната для ДОПРОСОВ».

Колин Рэй и Шер Арчер стояли у двери с узким, высоким оконцем по центру. Энергично кивая, Рэй смотрел в раскрытую папку, Арчер щелкала по ней изжеванной авторучкой.

— ...Кто угодно бы расстроился, — говорила она. — Мозгов много, а член маловат, проблем выше крыши, верно, Кол? Сколько раз мы это видели? Он не может просто ввязаться в драку, потому что считает себя выше остальных. Зато ему никто не мешает мечтать о чем-то подобном, да? О чем-то, что сделает его по-настоящему особенным. Все это прямо здесь.

Макэвой был бы рад просто развернуться и уйти, пока никто не заметил. Удалился бы коридорами, что привели их сюда. Но Спинк уже вежливо кашлянул и поприветствовал полицейских улыбкой:

— Как успехи?

Колин Рэй зло сощурился. Он с такой силой захлопнул папку будто муху хотел прибить. Раздул ноздри, готовясь к атаке.

— Мальчик на побегушках тут как тут?

Вопрос был адресован Спинку, но Макэвой понимал, что сказано это для него. Позже он убедит себя, что так даже лучше: теперь у него репутация подручного Фарао, хотя всего неделю назад начальница и имени-то его не могла произнести верно. Но сейчас он неудержимо покраснел.

— Я тоже участвую в расследовании, — сказал Макэвой и сам поразился своей дерзости.

Двое старших по званию обменялись взглядами.

— Значит, ты как раз вовремя, чтобы увидеть финал, — усмехнулся Рэй и указал на комнату для допросов: — Тайное уже стало явным.

— Он подписал признание? — недоверчиво спросил Спинк.

— Нет, пока твердит как заведенный «без комментариев», — подала

голос Арчер. — Но скоро устанет.

Макэвой пригляделся к парочке. Вид у Колина усталый, даже больной, но дорожная карта извилистых капилляров на щеках и жилка, пульсировавшая на виске, подсказывали, что в нем хватит огня довести дело до конца.

— Ты ведь не можешь всерьез обвинить...

— Еще как могу, — фыркнул Рэй и снова уставился в папку, словно в ней был ключ ко всему.

Удержаться Макэвой не смог:

— Что вы узнали?

В манерах Шер Арчер внезапно проступила вальяжность сытой кошки. Она довольно ухмыльнулась.

— Разбудили парня, который был литагентом Чандлера. Преинтересный субъект.

— И? — Голос Тома Спинка обрел властность. Полицейский босс внутри него на миг забыл, что он давно на пенсии.

— И тот уверяет, что по нашему Рассу Чандлеру, или кем он там себя мнит, давно, блин, психушка плачет.

Она вынула папку из рук Рэя и протянула Макэвою — точно собачонку сосиской поманила. Тот взял бумаги.

— Ты почитай, — чуть слышно посоветовала Арчер.

Уже открывая папку, Макэвой услышал, как захлопнулась дверь комнаты для допросов. Он покосился на Шер Арчер. Рэй явно ушел довершить начатое.

— Несложно сообразить, когда все признаки налицо. — Арчер покрутила пальцами в воздухе. — Наш парень провел свою никчемную жизнь, пытаясь стать писателем. Мечтал об этом еще с коротких штанишек. Но хорошо писать не получалось. Его ранние творения отвергали, не пролистывая. Вызвал слабый интерес, занявшись журналистскими расследованиями, но карьера не задалась. В итоге был вынужден сам оплачивать печать своих сочинений. Одна книжка оказалась почти читабельна, умудрился найти агента — все равно без толку. В итоге оказался не у дел, но принимать отказы так и не научился. Терпеть не мог писать о людях, которых ни в грош не ставил: сам-то не был знаменитостью. И тогда выдумал хитроумный способ отплатить им всем. Все четко по учебнику, не хватает только подписи психиатра. Кол знает одного подходящего...

Макэвой отчаянно боролся с собой, чтобы не выпалить: «Полная хрень!»

— Сплошные догадки? Так ведь, детектив-инспектор Арчер? — спросил Спинк.

— Все фантазии Чандлера собраны здесь, — она ткнула в папку — В записной книжке всплывает имя Дафны Коттон. Не забудем про Энжи Мартиндейл. Про его знакомство с Фредом Стейном. Разговоры с Тревором Джефферсоном. Чандлер — общее для всех звено.

— Но это вовсе не значит...

— Прочти письмо, которое Чандлер отправил издателю, отказавшемуся его печатать.

Что-то в тоне Арчер заставило Макэвоя умолкнуть. Он листал фотокопии в папке. Отметил обведенное красным фломастером на странице с рукописными заметками. Увидел имя «Дафна К.». Телефонный номер. Убористая скоропись. Перевернул несколько страниц.

— Здесь, — сказала Арчер.

Дражайший мистер Холл,

Мой агент, Ричард Сейдж, только что сообщил мне о Вашем решении отменить публикацию романа «Все наверх!». Как Вы, вероятно, можете вообразить, эта новость оказалась для меня крайне огорчительной. Между тем в эту свою работу я вложил и сердце, и душу; и, как могут продемонстрировать мои прежние, пускай и самостоятельно опубликованные, литературные опусы, на мои книги имеется определенный спрос. Боюсь, я вынужден просить Вас пересмотреть принятое решение. Ранее в нашей с Вами переписке я оценивал руководимое Вами издательство в самых возвышенных эпитетах, будучи лично весьма заинтересован как в самой организации, так и в ее персонале. К примеру, мне достоверно известно, что Вы проживаете в доме на Лоундс-сквер, в городе Найтсбридже. Вашу супругу зовут Лорен. Ваш сын, Уильям, учится в приготовительной школе Роуан в Эшере. Я сообщаю все это отнюдь не для того, чтобы запугать Вас и угрозами вынудить к подписанию контракта, — нет, я лишь хочу продемонстрировать скрупулезный характер моих усердных изысканий. Поверьте, я на многое готов ради достижения мечты. Как мне уже доводилось упоминать, мое понимание механизмов возникновения преступного умысла остается непревзойденным, тогда как многочисленные беседы с осужденными убийцами позволили мне проникнуть в самые

потаянные уголки криминального сознания. С большим интересом ожидаю Вашего ответа...

Несколько секунд Макэвой стоял с закрытыми глазами. Представлял, какое впечатление такая цитата произведет в суде. Представлял, как адвокат порекомендует Чандлеру признать себя виновным и принять предложение обвинения о смягчении приговора. Представлял, как скалится Рэй, принимая поздравления.

— Дважды два, — победно произнесла Арчер, и слова эти не прозвучали шпилькой в его адрес. Простая констатация очевидного.

— Чем все кончилось? — сипло спросил Макэвой.

— Издатель пригрозил судом, и агент отказался от такого клиента. — Арчер забрала у него папку, сунула под мышку. — Он и сам получил от Чандлера немало интересных электронных посланий. Все в подобном ключе. Письма одержимого маньяка. Сейдж уверяет, что еще не встречал настолько зацикленного, отчаявшегося типа. Готового на убийство, лишь бы увидеть свое имя на книжной полке.

Макэвой нахмурился. Бессмыслица какая-то. В глазах Чандлера он не заметил ничего, что делало бы эту историю правдоподобной.

— Глаза! — спохватился он. — У человека, с которым я дрался, были голубые глаза. У Чандлера — нет.

— Да чтоб тебя, Макэвой! — зло прошипела Арчер. — Может, он контактные линзы надевал. У нас тут целая гора убийств и арестованный, на котором клеймо «убийца» просто негде ставить. Это тебе что, дерьма кусок?

— Но если окажется...

— Тогда он не подпишет признание.

Макэвой достал из кармана пальто листки, распечатанные после того, как получил от Спинка сообщение.

— Просмотри список, — попросил он почти умоляюще. — Есть и другие, кому грозит опасность. Взгляни на эту женщину. Активистка благотворительного движения, ранена в Ираке. Единственная уцелевшая в теракте. Нам нельзя ошибиться. Среди них может быть следующая жертва...

Макэвой оглянулся на Спинка, но тот демонстративно смотрел в сторону.

Из приоткрывшейся двери высунулся Колин Рэй. Лицо его было в испарине, джемпер смят и перекручен. Смерив Макэвою коротким, как удар сердца, взглядом, он подмигнул Арчер:

— Заходи, Шер! Наш калека желает сознаться.

Выхватив распечатки из обмякшей руки Макэвоя, Арчер скрылась в допросной.

Глава 2

08.43. Куинс-Гарденс. Десять дней до Рождества.

Низинный уголок парка укрывало лоскутное одеяло снега, простеганное тропинками, голыми ветками шиповника, торчащим из клумб мусором.

Одна цепочка следов была особенно глубокой.

Вела к скамейке с отломанной спинкой.

Эктор Макэвой. Локти уперты в колени. Шляпа низко опущена на лицо. Глаза закрыты.

Он вытянул из кармана телефон: восемнадцать пропущенных звонков.

Макэвой прятался. Скрылся в снегах, не в силах наблюдать, как кто-то другой жмет руку главному констеблю и распивает виски в окружении хохочущих коллег.

Расс Чандлер.

В 06.51 ему предъявили обвинение в двух убийствах.

Расс Чандлер.

Безжалостно зарезал Дафну Коттон на виду у прихожан церкви Святой Троицы. Поджег Тревора Джефферсона, а затем еще раз — прямо в больничной палате.

Расс Чандлер. Человек, отвечавший «никаких комментариев» битых четыре часа, а затем нагромоздивший достаточно лжи, чтобы услышать обвинение в убийствах.

Три ближайших часа он проведет в камере в ожидании решения суда о своем аресте. Утекут месяцы, прежде чем обвинители наткнутся на нестыковки в его деле.

К тому времени следственный отдел сократят или отдадут под начальство Рэю, и Макэвой, по всей вероятности, уже будет перекладывать бумаги в глухомани, где его умение управляться с базами данных едва ли кого восхитит.

Он убрал мобильник. Поднял литровую бутылку с шипучкой, стоявшую между ног. Открутил пробку и жадно глотнул. Он пьет оранжад, как бездомные хлещут сидр. Уже сжевал три шоколадных батончика и пакетик жележных конфет. Сахар не давал успокоиться, и в прорехах между тоскливыми мыслями Макэвой уже пару раз помечтал о плотной мясной трапезе.

Он вытянул ноги. Расправил спину, потер окоченевшие бедра. Поерзал

на скамейке и снова приложился к бутылке. Может, остаться здесь навсегда? Объявить этот укромный уголок Куинс-парка своим убежищем? Прямо здесь, в присыпанном снегом уединении. Пальто не спасало от ветра, шоколад таял на языке, озябшие кости ныли, а мозг свербил боль, сродни орудию дантиста, — проделывала пустоты в мыслях, лишая их цельности.

В парке тихо. В этот час, в это время года он пуст. Гулль и сам опустел. После череды морозных дней внезапно выпавший снег обратил городскую сеть ухабистых переулков и извилистых двухполосных улиц в отороченные сугробами ледяные катки, и Макэвой не исключал, что жители пригородов, по утрам стекавшие в городской центр, сегодня позвонят на работу и уведомят, что надумали нынче начать рождественские каникулы чуть пораньше. Иные, конечно, рискнут. Усядутся в старенькие автомобили с лысыми покрышками и немощными моторами и покатают по остекленевшему асфальту. Сегодня немало людей ждет беда. К ночи спасатели будут выпутывать сломанные конечности из смятых машин. Полицейские отправятся со скорбными вестями к рыдающим родственникам. Откроют новые уголовные дела. Журналистам раздадут пресс-релизы. И колесо закрутится дальше.

Неужто никому нет никакого дела, спросил он себя.

— Пингвинов кормишь, Макэвой?

Подняв взгляд, он увидел тощий силуэт Тома Спинка, хрустевшего к нему по снежной целине.

— Сэр, я... — начал было Макэвой и замолчал.

— Не стану тебя упрекать, — беззаботно сказал Спинк. — Посидеть на холодке бывает на пользу. Прочищает голову. И легкие в придачу, если куришь. Ничего, если присоединюсь?

Макэвой кивнул на скамью.

— Мокро тут, — буркнул он на случай, если Спинк не углядел слой снега, прикрывший скамейку.

— Сойдет. — Спинк уселся. — Прохладно. — На нем тонкая кожаная куртка поверх рубахи и вельветовые брюки. — В твоих краях, поди, и посерьезнее снегопады случаются, а?

Макэвой не ответил.

— Фарао успела доехать до моста Хамбер, — как ни в чем не бывало продолжил Спинк. — Сумела прорваться, несмотря на штормовое предупреждение. Добралась до Бутферри-роуд, когда зазвонил мобильник и начальство посоветовало не рисковать и отдохнуть несколько дней. У Колина Рэя все схвачено.

— И она послушалась?

— И да и нет. Не захотела портить им веселье. И поехала к себе на Прайори-роуд.

— Как она это приняла?

— Сам подумай. Сумела вовремя прикусить язык, но разыгрывать свою партию ей придется очень осторожно. Если не высовываться, финал устроит всех. Ведь это Фарао вела следствие, убийца схвачен, и все довольны. А начнет дергаться, поднимет хай — и ее личное дело сразу украсят ненужные пометки.

Заметив, что вминает сжатые кулаки в колени, Макэвой заставил себя расслабиться.

— Расс Чандлер не убийца. У меня было время подумать, пока я тут сидел. Ни о чем другом не думал. Это не он.

Спинк добрые полминуты вглядывался в лицо Макэвой, словно пытался проникнуть в содержимое его головы. Затем отвернулся, приняв какое-то решение.

— Часто так и бывает.

Макэвой поморщился.

— Часто так и бывает, сынок. Ты и сам это знаешь, да получше других. Будешь и дальше рассуждать в том же духе — плохо кончишь, парень.

— Что плохого в том, что мне не насрать?

— Ничего, дружок. Ничего плохого в этом нет. Но за это приходится платить. Приглядишься, и сам все поймешь. Увидишь копов, что приходят в участок, работают спустя рукава и отправляются домой, даже не оглянувшись. Ты, должно быть, видел, как они произносят тосты за никчемные выводы и сомнительные приговоры. И наверное, спрашивал себя: а я-то почему так не могу?

— Просто мне это кажется важным... — начал Макэвой, но слова застряли в горле.

— Это важно, Эктор. Важно, чтобы злодей оказался за решеткой, потому что тогда люди снова почувствуют себя в безопасности и успокоятся, зная, что парни в синей форме готовы ответить на вызов, убересть их от психопатов. Вот почему это важно. И это важно для журналистов, потому что помогает продавать газеты. И это важно для начальства: статистика раскрываемости греет им сердце. И это важно для политиков: их избиратели не желают жить в обществе, где девчушку можно покромсать ножом в церкви прямо по ходу вечерни. А важнее всего это для копов. Они не желают получать по шее от вышестоящих, в придачу большинство из них пошли служить в полицию в надежде как-то изменить

этот мир. Кроме того, есть еще люди вроде тебя, сынок. Люди, которым необходимо, чтобы это было важно на каком-то непонятном космическом уровне. Люди, которые ищут справедливость так, словно это один из прочнейших элементов нашего мира. Словно справедливость — какой-то редкий минерал, который можно добыть, вытащить на поверхность.

Спинк помолчал. Устало помахал рукой:

— Макэвой, сынок, на самом деле все не так. О да, так должно быть. Бог свидетель, было бы здорово, если бы весь мир разделял твое негодование. Если бы люди не могли ни есть, ни спать, не находили бы себе места, пока баланс не окажется восстановлен, а зло ликвидировано при помощи добра, или солидарности, или справедливости, называй как хочешь. Только люди не такие. Стоит им прочесть о страшном преступлении, и они говорят: «Это ужасно», они качают головой, повторяя, что мир катится к чертям собачьим, а потом включают ящик и смотрят «Улицу Коронации»^[19]. Или выходят во двор погонять мяч со своими детьми. Или направляются в паб и пропускают кружку-другую. И я знаю, что тебе это не по нутру, сынок. Знаю, что люди вокруг заняты обычной рутиной и от этого ты злишься, тебя мутит, ты чувствуешь пустоту внутри из-за того, что они так бесчувственны и бездушны, когда им следовало бы подумать о мертвых, но если ты всю жизнь будешь дожидаться перемен, то сам умрешь разочарованным и сломленным человеком.

Макэвой не отвечал. Дергал пропущенный при бритье волосок под нижней губой. Пока совсем не выдернул. Его переполнял гнев. И возмущение. Этот человек, с которым он едва знаком, разложил его по полочкам, да еще смеет называть его «сынком».

Макэвой открыл рот и снова не сказал ни слова. Провел по лицу ладонью.

— На руках у Колина Рэя достаточно улик, сынок. Рэй и твоя интуиция могут не совпадать, и это наверняка страшно обидно, но если тот большой мешок справедливости, которую нужно рассеять по миру, еще при тебе, то признай: Расса Чандлера можно судить и, вероятно, даже приговорить за убийство.

Макэвой впился в него взглядом:

— Вы тоже думаете, что это он убил?

Игра в гляделки длилась недолго, Спинк первым отвел глаза.

— Неважно, что я думаю.

Макэвой сплюнул.

Встал. Постоял, глотая холодный воздух. Башней возвышаясь над пожилым мужчиной, сидевшим на скамейке.

— А что думаю я, все-таки важно.

Он процедил это сквозь стиснутые зубы, яростно, но вдруг с изумлением понял, что улыбается, что по телу растекается радость, наполняя его энергией, порождая в мозгу эндорфины, — радость от сознания своей правоты.

— Еще как, на хрен, важно.

Макэвой брел по снегу. Он родился в месте, где эта мозаика из лужаек и тротуаров, прикрытых шестью дюймами безупречной белизны, вызвала бы улыбку. Он вырос в краю, где сплошь глубокие расщелины, провалы, валуны, и все это полгода укутано снежным покровом.

Он помнит, как блеет овца, сломавшая ногу. Помнит тишину, наступавшую после того, как он избавлял ее от страданий. Перерезал горло карманным ножом, прикрыв ноздри и рот несчастного животного рукой в перчатке.

Он помнит, с какой ловкостью отец сворачивал беднякам шеи. Помнит его отношение к этому, его твердую решимость не получать от этого удовлетворения.

Он помнит слезы в глазах отца, когда после тот поворачивался к сыну. Помнит нежность, с какой он проводил рукой по овечьей шерсти. Как подносил ладонь к лицу и вдыхал влажный, мускусный запах овечки, которую растил с рождения и чью шею сломал, обрывая ее страдания.

В голубых глазах человека, выбежавшего из церкви Святой Троицы, было в точности то же выражение. Как и в глазах человека, вырезавшего свое имя на Энжи Мартиндейл. В слезах сидевшего подле нее, прежде чем приступить к делу.

Макэвой вел разговор с убийцей.

Значит, этим ты занят? Убиваешь из милосердия? Освобождаешь от муки? Просишь избавить от твоей собственной?

Макэвой огляделся. Погруженный в раздумья, он свернул не в ту сторону, бредя через парк.

Вибрация мобильного. Номер скрыт.

— Эктор Макэвой.

— Сержант? Привет, это Джонатан Фисби. Вы попросили меня перезвонить...

Макэвой потряс головой. Фисби. Репортер из «Индепендент». Парень, которому он отправил электронное письмо насчет раненной в Ираке женщины из благотворительной организации.

— Да, мистер Фисби. Спасибо, что вышли на связь.

— Да без проблем. — Живой, энергичный голос. Южный говор.

Веселый голос для этого унылого времени года.

— Мистер Фисби, я расследую убийство Дафны Коттон, и, как мне представляется, вы могли бы поделиться кое-какими сведениями, полезными для следствия.

В трубке удивленно присвистнули.

— Я? Ну конечно, чем могу. Но... это же Гуль, верно? Я никогда в жизни даже не бывал на северо-востоке.

— Это не совсем северо-восток, сэр. Гуль расположен на востоке Йоркшира.

— Точно, точно.

— Вы слышали об этой истории?

— Нет, имя услышал впервые. Но я только что набрал в поисковике «Гуль», «убийство» и «Макэвой», и выпала тьма ссылок. Но, полагаю, речь о свежем расследовании. Бедная девушка в церкви, верно? Жуть.

— Мистер Фисби, я хочу поговорить с вами о статье, которую вы написали какое-то время тому назад. Речь шла об Энн Монтроуз. Она была ранена во время теракта на севере Ирака. Как я понимаю, в тот момент вы там были как журналист-фрилансер и «Индепендент» предложила вам написать об инциденте...

На другом конце линии молчали.

— Мистер Фисби?

— Не уверен, что помню тот случай, — сказал Фисби.

Лжет.

— Сэр, я в неплохих отношениях с местной прессой, но коллеги из полиции вечно смеются над моей верой в человечество. Если я поговорю с вами в неофициальном порядке, вы сможете сохранить нашу беседу в тайне?

— Я один из тех редких журналистов, кто еще верит в подобную концепцию.

— Что ж, тогда я из тех немногих, кто еще верит в силу обещаний. Даю обещание: я крайне расстроюсь, если отрывки нашей беседы появятся в печати.

— Понимаю. Чем могу помочь?

— Я разрабатываю версию, по которой человек, убивший Дафну Коттон, выбирает в жертвы людей, переживших смерть. И такое чудесное спасение для убийцы неприемлемо. И он или она желает исправить ошибку судьбы, доведя дело до логического конца. В общем, я пытаюсь сообразить, чье еще имя может быть в списке намеченных жертв, если такой существует. Энн Монтроуз подходит по всем меркам: она выжила при

взрыве, убившем всех, кто был поблизости. Мне нужно знать, что случилось с Энн после публикации вашей статьи. Хочу убедиться, что она в безопасности.

Снова молчание. Макэвой прислушался, нет ли шороха ручки о бумагу.

— Мистер Фисби?

— Если наш разговор конфиденциален, то это и меня касается, верно? — спросил Фисби. От бывшей веселости в голосе не осталось и следа. — Не хотелось бы подставить ни себя, ни кого-то еще...

— Понимаю.

Репортер выдохнул с присвистом.

— Вам, наверное, все равно, но если я говорю, что ничем подобным прежде не занимался...

— Я вам верю.

Макэвой и сам не знал точно, верит или нет, но знал, как вложить в слова искренность.

— В общем, я лишь однажды согласился не печатать уже готовый материал. За деньги. И это было продолжение той статьи об Энн Монтроуз.

— Почему?

— У меня появился шанс покончить с писаниной раз и навсегда.

Макэвой ждал.

— После той статьи о взрыве и о том, что произошло с Энн, на меня вышел один человек... — Голос у Фисби был отстраненным.

— Продолжайте.

— Он руководил компанией, которая зарабатывает деньги, восстанавливая загрязненные территории. Отстраивает заброшенные районы. Возводит школы и больницы. Этот человек сказал, что готов оказать услугу в обмен на мою сговорчивость.

— И что от вас требовалось?

— Больше ни строчки об Энн. За это газета получала эксклюзивное право освещать все, чем станет заниматься их компания...

— А вы лично?

Фисби вздохнул:

— Теплое местечко в совете директоров.

— Согласились?

— На бумаге я проходил как консультант по маркетингу, помогал выстраивать стратегию общения с прессой...

— А на деле?

— И пальцем не шевельнул. Получил жалованье за несколько месяцев,

а после вернулся к журналистике. Это ведь то, что я действительно умею делать.

— Вам не было любопытно?

Макэвой представил, как Фисби разводит руками.

— Я все-таки репортер!

— И что же?

— Знаете, я лучше промолчу. Мне нужно хорошенько подумать, прежде чем я расскажу вам что-то еще.

Макэвой медлил с ответом. Не блефует ли журналист? Может, это лишь способ заполучить эксклюзивный материал в обмен на сведения?

Телефон пискнул, сообщая о параллельном звонке. Скорее автоматически, чем осознанно Макэвой переключился на него.

— Мистер Макэвой? Говорит Шона Фокс из Королевской больницы Гулля, мы уже давно пытаемся с вами связаться. Это насчет вашей супруги. Боюсь, возникли кое-какие осложнения...

И ничто другое уже не имело значения.

Глава 3

Первые двадцать семь часов Макэвой не спал. Не ел. Разве что сделал пару глотков из пластикового стаканчика, но выкашлял их назад, на и без того несвежую спортивную рубашку.

За окном Гуль замер, скованный морозом.

Первоначальная радость от Белого Рождества сменилась страхом перед суровой зимой. Снег выпал на смерзшуюся почву. И тоже смерзся. Снова выпал. Небо было как карандашная штриховка. Облака ссорились, сталкивались, извивались, клубились — черный мешок, полный змей.

Город замер.

Позже Макэвой расскажет дочери, что именно она разрушила зимние чары. Как только она открыла глаза, облака расступились, а вьюга вдруг прекратила свой лихорадочный танец. Что именно ей Гуль обязан первым Белым Рождеством за целое поколение. Что она вернула городу солнце. Конечно, это будет ложь. Но от этой лжи малышка будет улыбаться. И благодаря ей в памяти его не останется той пульсирующей боли в голове, что изводила его в те дни.

Сзади раздался шорох.

Макэвой обернулся:

— А ну быстро в постель...

— Ну я еще не совсем в форме, но если ты настолько меня хочешь... — Лицо у Ройзин бледное, глаза запали. На ней мешковатая желтая пижама, а немытые, слипшиеся волосы подвязаны розовой лентой, чтоб не падали на лицо. Жена кажется Макэвою бесформенной, до того он привык к выпуклой линии ее живота.

— Ройзин...

— Мне скучно, Эктор. Срочно нужен поцелуй.

Он снисходительно вздохнул:

— Иди сюда.

Нетвердой походкой она приблизилась к нему. Он сидел, втиснув массивное, медвежье тело в оранжевое деревянное кресло с высокой спинкой. Лицом к окну, но занавески, на которых разворачивалось психоделическое буйство зеленого и коричневого, были задернуты. Ройзин села к нему на колени, прижалась лбом к спутанным рыжим лохмам.

— Ты воняешь, — сказала она.

Впервые за несколько дней у Макэвой вырвался смешок:

— Должен заметить, леди, вы и сами не благоухаете розами.

Маленькая влажная ладонь, коснувшись щеки Макэвой, приподняла его лицо.

Они долго смотрели глаза в глаза, и нежное неистовство этой связи лишало смысла любые слова.

— Я так испугалась... — Они одни, но Ройзин произнесла это шепотом, точно опасаясь чужих ушей.

— Я тоже, — сказал Макэвой, и Ройзин успокоенно вздохнула, наклонилась к его лицу и поцеловала в губы. Поцелуй затянулся. Наконец они оторвались друг от друга, улыбнулись растворившимся страхам. И разом посмотрели на кровать.

Лила Ройзин Макэвой появилась на свет 15 декабря, в 06.03.

Схватки начались у Ройзин ровно в тот момент, когда всполошенный сообщением Макэвой выскочил из дома. Заранее собранная сумка с вещами для больницы осталась в багажнике минивэна, на котором он рванул в полицию.

Снова и снова Ройзин набирала его номер. Умоляла ответить. Тянулась к нему через окоченевший Гульль. Просила вернуться. Помочь. От ее плача проснулся Фин. Это он убедил Ройзин набрать службу «999». Это он объяснил, что папочка должен работать и что он не всегда может сидеть рядом. Это он держал ее за руку в «Скорой помощи», пока медики негромко переговаривались о том, что кровотечение никак не останавливается, что гололедица просто смертельная и что одна такая смена должна считаться за полторы.

Ройзин держалась. И пыталась удержать ребенка, пока медсестры вызванивали ее мужа. Но Лила рвалась наружу. Их дочь выскользнула в мир, осененная кровавой радугой, и была подхвачена лысым нигерийским педиатром, который положил малышку на ожидавший ее белоснежный стол и, поправляя очки, принялся колдовать с ее крохотным телом.

Ройзин казалось, будто он пытается вдохнуть жизнь в мертвую птаху.

Она отвернулась. Закрыла глаза. Стала ждать самого страшного.

Но услышала младенческий вопль.

Розовой и сморщенной Лиле было уже четыре часа от роду, кислородная маска закрывала ее лицо, а ручки и ножки утонули в пинетках не по размеру когда к пластику инкубационной камеры прижалось красное, мокрое от пота и слез лицо и пробормотало первое из тысячи покаянное слово.

Когда Макэвой принял дочурку из рук сестры, Лила оказалась точно по размеру его ладони. От этого зрелища Фин зашелся в хохоте. Спросил,

неужели и он был таким лилипутом. Нет, ответил Макэвой, просто твоя сестра так спешила с тобой встретиться, что явилась на этот свет слегка раньше намеченного. И отныне ты старший брат и должен защищать ее.

Фин торжественно кивнул. Ключнул сестру в макушку и поспешил в комнату, полную выдавших виды, пожертвованных кем-то игрушек. В то мгновение, когда его сестра издала свой первый крик, Фин возился там с колченогой пожарной машиной.

— Спит? — прошептала Ройзин.

— Без задних ног. Вся в мамашу.

— У нас с ней выдались непростые деньки.

— Да уж.

Ройзин выпрямилась, будто готовясь слететь с коленей мужа, но тут же снова обмякла в его руках.

— Пусть спит.

— Мы почти потеряли ее, Эктор. Если бы она умерла... Если бы не проснулась...

Она задрожала, и Макэвой покрепче прижал жену к себе, останавливая готовые прорваться рыдания.

Спустя какое-то время он задал Ройзин вопрос, который уже выпалил три дня назад, влетев в палату. На каждом локте висело тогда по охраннику, он волочил их по зеленому больничному линолеуму, сам путаясь в длинных полах засыпанного снегом пальто.

— Ты простишь меня когда-нибудь?

Как и в первый раз, Ройзин ответила счастливой улыбкой. И на один драгоценный, идеальный, невероятный миг в сердце Макэвова поселились такие покой и умиротворение, что он пожелал, чтобы это мгновение остановилось навеки.

Ройзин зашевелилась, Макэвой разжал руки. Она встала, распахнула шторы.

— Обалдеть можно.

С высоты четвертого этажа им открывается город, лишившийся лица. Во всяком случае, таким он предстает из окна частной палаты в родильном отделении Королевской больницы Гулля. Достопримечательности, городские ориентиры, их своеобразие, их стиль и характер — все исчезло, неразличимое под плотным покровом белизны. Улицы пусты. Ройзин вытягивает шею, оглядывая парковочную площадку перед зданием больницы. Ни души. Несколько внедорожников припаркованы там и тут на широкой открытой стоянке — холмики на белой глади. В больнице сейчас лишь дежурные врачи и медсестры, запертые здесь метелью. В тихих

коридорах медперсонал негромко обсуждает, как же попасть домой и заведется ли вообще автомобиль.

— А нам и тут хорошо. — Макэвой вытащил себя из кресла и встал рядом с Ройзин.

Припал к стеклу, глядя вниз, на больничное крыльцо. Криво усмехнулся, увидев собрание тщедушных стариков и женщин среднего возраста, — накинув поверх пижам пальто и куртки, они втягивали в себя сигаретный дым с ожесточением, точно диабетики, дорвавшиеся до инсулина.

Макэвой отступил от окна. Вспомнил вдруг об умершем в кармане мобильнике. Пальцы закололо от желания включить телефон. Воткнуть в розетку.

Выяснить, что он пропустил за эти три дня боли и молитв.

— Ройзин, если не возражаешь, я...

Она улыбнулась. И легко кивнула.

Макэвой остановился у колыбели дочери, погладил большим, грубым пальцем щечку ребенка, такую нежную и мягкую. *Абрикосы. У нее щеки как абрикосы.*

Сорок три пропущенных вызова.

Семнадцать текстовых сообщений.

Голосовая почта забита до отказа.

Макэвой стоял у дверей родильного отделения, прислушиваясь к гулу голосов.

Вот. Тот самый звонок.

Сержант Макэвой, привет. Хм, это Вики Маунтфорд. Мы встречались недавно, говорили о Дафне. Может, это и неважно, но...

Макэвой прослушал сообщение до конца. Потер переносицу.

И позвонил.

Она ответила после второго гудка.

— Мисс Маунтфорд, привет. Да, прошу прощения, Вики. Я получил сообщение. Вы упомянули, что кто-то еще мог знать о сочинении Дафны. Правильно?

— Да-да. В общем, я тут говорила с сестрой, но это вы уже знаете. На следующий день после нашего с вами разговора. В любом случае, я рассказала ей все — и про встречу с вами, и про смерть Дафны, и мы обе чуть не рыдали, до того все нелепо и страшно. Вот, а потом сестра вспомнила, что рассказывала про сочинение своему парню. Мы закончили разговор, а тут она снова позвонила и передала ему трубку. У него такой

робкий, застенчивый голос...

И Джефф сказал, что как-то вечером заглянул в паб, разговорился и выложил каким-то типам историю бедной девочки, которая прошла через ад, и из ее истории может получиться отличная книга...

Макэвой стоял с закрытыми глазами. Он уже знал, куда тянется эта ниточка.

— И дело было...

— В Саутгемптоне! — В голосе Вики такое неподдельное изумление, будто Саутгемптон как минимум на обратной стороне Луны. — Джефф ездил туда устраиваться на работу. Он такой, знаете, типичный вечный студент.

— И?

— Да в этом все и дело. Джефф не помнит, как эта тема вообще возникла, но мужик, с которым они разговорились, не на шутку заинтересовался. Сказал, он писатель. А Джефф и сам мечтает написать книгу, вот и увлекся. Выложил все, что знал... А потом напрочь забыл о том разговоре. Пока не...

Макэвой вдруг ощутил страшный голод. Отчаянно захотелось чего-нибудь сладкого.

— Я слушаю.

— Пару дней назад Джефф зашел на сайт газеты «Гулль мейл» и увидел фотографию обвиняемого в убийстве Дафны. Этого самого Чандлера. Который писатель. И...

— Это был человек из паба?

В трубке тишина, но Макэвой так и видит, как Вики кивает.

Он записал координаты Джеффа. Сказал, что Вики все сделала правильно. Что он прилетит полицейского взять показания у приятеля ее сестры и что, возможно, Джеффу придется поучаствовать в опознании. На мгновение его развлекает вопрос, а легко ли будет найти для опознания пять одноногих алкоголиков?

Нажимая «отбой», Макэвой поймал собственное отражение в темном стекле дверей родильного отделения.

Он улыбался.

Вот теперь до него дошло.

Дело, на живую нитку сшитое Колином Рэем, трещало по швам. Стоит потянуть — и развалится окончательно. И Макэвой знал, за какой конец нужно тянуть.

Он снова поднес к уху телефон. Позвонил в отдел уголовной полиции на Прайори-роуд, где, вне всяких сомнений, звонок принять некому.

Оставил сообщение, объяснил про Ройзин. Сказал, что не мог оставить ее и доложить. И на работу тоже не сможет выйти в ближайшее время, уж до Рождества точно.

После чего перевел дух.

Итак, следы он замел. Никому в отделе и в голову не придет пометить дату и время его звонка. Просто накорябают краткое содержание на бумажке и при случае передадут выше. Если не забудут. А дойдет до разбирательства — тылы прикрыты.

Итак, теперь у него есть пара дней, чтобы выяснить, кто же на самом деле убил Дафну Коттон.

Набрал номер, шепотом надиктованный на его автоответчик.

— Бассентуэйт-хаус.

Макэвой вытер пот со лба. Может, он ткнул пальцем в небо? Как связана с этой историей частная клиника? И что с Энн Монтроуз? Станет ли эта женщина следующей жертвой? Или он круто облажался и Расс Чандлер действительно виновен?

— Здравствуйте. Говорит сержант уголовной полиции Эктор Макэ...

Его остановили бодрым «здрасьте», означающим «и не такое слышали».

— Я звоню насчет одной из пациенток, Энн Монтроуз. Я так понимаю, она лежит в неврологическом отделении, верно?

— Минуту.

Звонок перевели в режим ожидания, и Макэвой не меньше пяти минут слушал классическую музыку, в которой, захоти он напрячься, мог бы узнать одно из наименее радостных творений Дебюсси.

Внезапно печальные напевы прервал напористый мужской голос. Скороговоркой поздоровавшись, голос представился Энтони Гарднером. Сферу своих занятий Гарднер небрежно описал витиеватой тирадой, обрамляющей слова «связи с внешним миром».

— Мистер Гарднер, я все понял. Это насчет Энн Монтроуз. У меня есть причины полагать, что она может быть пациенткой вашей клиники.

Выдержав кратчайшую паузу, Гарднер ответил:

— Боюсь, мы не вправе разглашать сведения о пациентах, детектив. Здесь частное медицинское заведение, и мы гордимся доверием своих клиентов.

— Я все понимаю, сэр, но мисс Монтроуз может грозить серьезная опасность. Вы весьма помогли бы расследованию убийства, устроив мне встречу с членами ее семьи.

— Убийства? — Спокойствия в голосе Гарднера как не бывало, и

Макэвой испытал удовлетворение от того, что в наши дни это слово все еще способно кого-то шокировать.

— Да. Возможно, вы читали об этом деле. В прошлую субботу в Гулле, в церкви Святой Троицы, зарезали девушку. И возможно, тот же человек повинен еще в нескольких убийствах...

— Но я читал, что уже предъявили обвинение, — возразил Гарднер. Макэвой слышал красноречивый стук по клавиатуре: больничная чинуша явно шарил по новостному сайту.

— Следствие еще далеко не завершено, сэр. — Макэвой подпустил в голос зловещей угрюмости. — Слишком много неясностей.

Гарднер молчал, и Макэвой выложил главный свой козырь:

— Вероятно, вы также читали, что одну из жертв сожгли заживо прямо на больничной койке, сэр.

Молчание затягивалось. Макэвой понадеялся, что Гарднер размышляет, как дорого ему может обойтись отказ от сотрудничества с полицией. Взвешивает нагоняй от начальства и ушат дерьма, который обрушится на него, если одна из пациенток заживо сгорит прямо у себя в палате.

Наконец в трубке вздохнули.

— Вы не могли бы оставить номер своего телефона, детектив? Я вскоре вам перезвоню.

Макэвой прикинул, не отказаться ли. Не лучше ли подождать на линии? Но нет, чрезмерная неуступчивость может сломать хрупкую готовность Гарднера. Продиктовав свой номер, он дал отбой.

Какое-то время он мерил шагами коридор. Отправил короткие сообщения Тому Спинку и Триш Фарао: все в порядке, Ройзин уже лучше. Спросил, как там Хелен Тремберг.

Звонок. Энтони Гарднер говорил тихо и отрывисто, будто выдавал комбинацию от своего личного сейфа и боялся, как бы не подслушали. Через полминуты у Макэвой было все что нужно.

Даже не поблагодарив, он оборвал связь и быстро набрал новый номер. Включилась голосовая почта.

— Говорит сержант Макэвой. Я благодарен за присланные сведения. Простите, если в прошлый раз мы расстались на неверной ноте, но я рад, что вы передумали. И вы оказались правы, Энн Монтроуз действительно лечится в той клинике. Думаю, вы не особенно удивитесь, узнав, кто оплачивает счета за лечение. Вполне возможно, во всем этом найдется материал для статьи. Перезвоните, если вам интересно.

Отбой. Макэвой досчитал до двадцати. Достаточно, чтобы Фисби

прослушал послание. Обмозговал его. Вздохнул и уступил репортерскому инстинкту...

Звонок.

— Сержант? Это Джонатан Фисби.

Часть четвертая

Глава 1

На часах 13.33. И уже начинает темнеть. Кажется, всерьез сегодня рассвет так и не наступил.

Макэвой в восьмидесяти милях от дома — в местах, которые дорожные указатели именуют «сердцем графства Бронте^[20]».

Вдоль шоссе в безрадостном предчувствии подвывают вересковые пустоши Западного Йоркшира. Хотя трава поблескивает влажной зеленью, передать этот пейзаж можно только углем. Прибитый дождем, пустой и зловещий, он сражается с ни на миг не ослабевающим ветром под небом цвета ртути.

Дорога забирает влево.

Сквозь черные кованые ворота Макэвой вырулил на посыпанную гравием дорожку. Та вывела к просторной лужайке, искристой от заледеневшей росы.

Особняк угрюмо темнел на фоне серого неба. Огромный, вычурный и потрепанный временем.

«Дыши глубже», — сказал себе Макэвой, поежившись: спина взмокла от пота. Хотел бы он больше походить на бравого служителя закона. В несвежей байковой рубаше, потертых джинсах и потерявшем вид дорогом пальто Макэвой больше напоминал бродягу, обчистившего костюмерную цирка-шапито.

Он обернулся на шум. На подъездную аллею свернула еще одна машина.

Макэвой попытался застегнуть пуговицу под воротничком, но та осталась у него в руке. Он направился к автомобилю, в котором сидели двое мужчин. Одному за пятьдесят, седой, с заостренным, орлиным лицом. Второй — молодой здоровяк с армейским ежиком.

Теперь шум донесся со стороны дома. Макэвой оглянулся.

Из массивных дубовых дверей, что выходили на гранитную галерею, тянущуюся вдоль фасада здания, вышла дородная матрона средних лет в черном плаще и сапогах. В ее светлых, подстриженных лесенкой волосах поблескивала седина. В оплывшем лице угадывалась былая привлекательность: стяни обвисшую кожу к затылку — и проступит жизнерадостная и сексуальная красавица.

Мужчина постарше выбрался с водительского сиденья. Одет он был в джинсы, явно дорогую розовую рубашку и твидовый пиджак, сверху —

пухлая куртка. На груди болтались очки, привязанные к цепочке, лицо выбрито до болезненной выскобленности.

Приближаясь, он взмахнул рукой, и на запястье блеснули золотые часы. Тяжелый подбородок выпирал вперед, точно приветствуя новобранца.

— Макэвой?

— Сержант уголовной полиции Макэвой. Отдел борьбы с особо опасными преступлениями Управления полиции Хамберсайда. А вы, я полагаю, подполковник Эммс? Монтегю Эммс?

Мужчина усмехнулся:

— Уже нет. Во всяком случае, уже без звания. Я все еще Монтегю Эммс, но мне больше нравится Спарки. Все вокруг так меня и зовут, даже этот мальчишка Армстронг.

Эммс протянул руку, и Макэвой автоматически пожал огрубевшую, твердую ладонь. Под большим пальцем он ощутил бугристость неправильно сросшегося перелома.

Эммс сделал широкий жест в сторону дома:

— После вас.

Женщина, стоявшая в дверях, отступила в дом. Эммс демонстративно спохватился, обернулся к парню, все еще сидевшему в машине:

— Бери свое барахло, сынок. Скоро вернутся ребята, покажут, где бросить. А захочешь согреться, так сеновал и конюшни вон по той дорожке, слева.

И двинулся дальше, прежде чем Армстронг успел отреагировать.

— Новый доброволец? — спросил Макэвой.

— Возможно, — ответил Эммс. Вблизи он оказался даже выше и массивней. Прямая осанка, ступает твердо, уверенно.

— Симпатичное место, — оценил Макэвой, войдя в холл.

Женщина молча толкнула дверь в обшитой дубовыми панелями стене, улыбнулась им обоим, распахнула дверь до упора и посторонилась.

— Предлагаю поговорить в кабинете. Кстати, это моя жена, Эллен. Моя опора. Не знаю, что бы я без нее делал.

— Как и я без своей, — невольно вылетело у Макэвоя.

— Хорошая женщина что редкая драгоценность, — улыбнулся Эммс, и они обменялись понимающими взглядами — мол, им дарована мудрость прописных истин, не усвоенных большинством мужиков.

Макэвой поймал себя на мысли, что этот Эммс ему нравится.

— Так, я сейчас займусь чаем. А вы пока устраивайтесь в кабинете. Чай, правильно? На любителя кофе вы не похожи.

— Это расовый стереотип, сэр? — Макэвой улыбнулся, сглаживая резкость шутки.

Расхохотавшись, Эммс удалился. По полированному полу холла пролегла цепочка грязных следов.

Входя в кабинет, Макэвой машинально пригнулся. Дому века три, не меньше, и в прежние времена дверные проемы делались без учета будущих поколений — это Макэвой познал на собственном опыте.

Кабинет представлял собой небольшую вытянутую комнату с раздвижным окном почти во всю дальнюю стену. На старинном письменном столе — два компьютера и три телефона, стопки распечаток и рулоны наспех свернутых строительных чертежей.

В роскошной позолоченной раме рисунок тушью. Макэвой присмотрелся. Лицо это или фигура? Может, пейзаж? На первый взгляд небрежные каракули, но при внимательном разглядывании становится ясно, что каждый штрих, каждая линия неслучайны. Рисунок был красив — тревожной, хаотичной красотой; Макэвой даже пожалел, что неспособен толком понять его.

Свет из окна лился скудный, и Макэвой щелкнул старомодным металлическим выключателем. Вспыхнула лампа, и он обнаружил стену, сплошь увешанную фотографиями. На квадратных пробковых щитах теснились снимки улыбающихся мужчин в защитной форме. Макэвой подошел ближе. Сотни снимков. Сидят на танках. Показывают большие пальцы на пыльных, пропеченных солнцем дорогах. Обвешанные рюкзаками и оружием, шлемами и радиооборудованием, развалились на задних сиденьях БТРов с открытым верхом; раздетые по пояс и лоснящиеся от пота, пинают мяч на песке. Иным фотографиям не меньше тридцать лет. Усатые лица и черно-белая зернистость изображений напомнили Макэвою хронику Фолклендской войны. Он пожалел, что не изучил повнимательней военную карьеру Эммса, перед тем как просить Фисби устроить эту встречу. Хотелось бы знать, за каким чертом он вообще сюда притащился.

— А, моя стена позора, — раздался голос Эммса.

Хозяин стоял в дверях, держа в каждой руке по дымящейся кружке. Макэвой почему-то ждал подноса с чайником и изящными чашками на блюдцах, а вместо этого ему сунули кружку с логотипом супермаркета.

— Я разглядывал...

— Вот-вот, — хмыкнул Эммс. — Мальчишки и девчонки, что служили под моим началом. В основном парни, честно говоря. Тут далеко не все. Только те, чьи снимки я сумел отыскать. Эллен считает, что я спятил. Говорит, здесь должны висеть фотографии внуков, но у меня не хватает

мужества убрать их со стены.

— Скучаете, должно быть.

— По службе? И да и нет. Я пробыл в строю двадцать восемь лет — достаточно, чтобы насытиться. И я все еще на плацу, так сказать. Дел по горло, особо не соскучишься.

— Вы создали компанию сразу, как только вышли в отставку, верно?

— Вроде того. По сути, обзавелся нужными знакомствами, еще готовясь уйти на пенсию. Просто все удачно сложилось. И речь не только обо мне, поймите. Сначала партнеры. Совет директоров — сразу, как мы прошли стадию учреждения. Все честь по чести, прямо и открыто. Я даже не думаю, что во мне до сих пор нуждаются. У меня есть почетная должность, меня по-прежнему просят смазывать колеса там и сям, но дела и без того идут неплохо.

— Однако добровольцы на вас? — спросил Макэвой, глядя в окно. Воображение нарисовало, как Армстронг стоит там навтыжку под холодным морозящим дождем.

— Ну, это сын старого друга, — сказал Эммс, устраиваясь в кресле за столом. — Не прижился в армии. Некоторым не суждено. Потерял пару друзей во время первой экспедиции. Повстанцы открыли огонь, когда парни угощали детей конфетами; Армстронг уцелел, а друзья его остались там лежать. В сети болтался ролик. Самое худшее, что может произойти с солдатом. На Армстронге — ни царапины, но ему все равно больно. Бессмысленность, понимаете? Мне и самому ни в жизнь этого не понять, а мы зарабатываем деньги, корча из себя знатоков подобных ситуаций. Выхлопотал для него увольнительную, хочу попытаться вытащить парня. У меня тут заместитель по работе с новобранцами, привез на выходные еще пару новеньких. Сейчас они на пробежке.

— Вы не пригласили Армстронга в дом. — Макэвой внимательно посмотрел на Эммса.

— Будь ваша жена похожа на мою, вы бы не стали набивать дом солдатами, — рассмеялся Эммс, но Макэвой видел, что говорит тот серьезно.

Помолчав, Эммс вздохнул, готовясь перейти к делу.

— Итак. Вы хотели поговорить об Энн.

Макэвой сел на стул, стараясь не смотреть в лицо этому дружелюбному вояке. Вся затея вдруг показалась ему нелепой. Ему нечего сказать этому человеку. Во всяком случае, ничего такого, к чему он вынужден будет отнестись всерьез, что оправдало бы поездку в эту глухомань.

— Мистер Эммс...

— Спарки, — поправил тот.

— Спарки?

— Ладно, расскажу. Когда я был совсем молоденьким офицером, мне в руки попало одно чудесное приспособление, экономящее время. Я спешил на свидание и решил высушить волосы, сидя в ванне. Уронил этот хренов фен в воду и минут пять плясал, как рыба на песке, пока кто-то из друзей не выдернул чертову штуковину из розетки. Чуть не поджарился. И с тех пор известен как Спарки^[21].

— Ух ты, — искренне посочувствовал Макэвой. — Мистер Фисби наверняка сообщил вам, что я расследую обстоятельства гибели Дафны Коттон. Вы слышали об этом деле?

— Скверная история, — покачал головой Эммс. — Бедная девочка.

— Да.

Макэвой выдержал паузу, а потом решил выложить все начистоту.

— Я был там, когда это случилось. Слышал крики. Опоздал на какие-то секунды. Убийца сбил меня с ног.

Эммс молча слушал.

— После этого убийства я занимался рядом других инцидентов. Связь между ними не то чтобы очевидна, но напрашивается.

— Вот как?

— Все жертвы — те, кто выжил в трагедиях, случившихся в прошлом. Чудом выжившие. Рыбак с траулера был единственным из всей команды, кто спасся во время кораблекрушения. Его тело нашли недавно в спасательной шлюпке у побережья Исландии. Парень, по вине которого заживо сгорели жена и дети, сам был сожжен в палате Королевской больницы Гулля. Женщина, только чудом не ставшая жертвой серийного убийцы, подверглась точно такому же нападению в Гримсби. И я не хочу, чтобы Энн Монтроуз стала следующей.

Эммс неторопливо пил чай, смотрел на фотографии на стене. Наконец заговорил:

— Понимаю, к чему вы клоните, но я слышал, что кого-то уже арестовали, верно? Какой-то писатель. Разобижен на весь мир и все такое.

— Все правильно. Рассу Чандлеру предъявлено обвинение.

Улыбка медленно растеклась по лицу Эммса:

— Вас это не убедило?

— Я считаю, что в деле еще много неясного.

— Готов спорить, ваша точка зрения не слишком популярна.

— Плевать мне на популярность. Я лишь хочу убедиться, что за

решеткой действительно оказался убийца. Убедиться, что больше никто не пострадает.

— Похвально. А почему именно Энн?

— Она лишь одна из многих, — признал Макэвой, глядя на темный пейзаж за окном, исполосованный резкими струями разыгравшегося дождя. — Но она подходит. Я не могу сказать, как он их выбирает и зачем это делает. Но...

— Но?

Макэвой стиснул руки. Он не знает этого Эммса. Да, он, Макэвой, считает себя отличным детективом, лучше многих, однако Эммсу-то что за дело до этого?

— Будь я на месте убийцы, следующей стала бы именно она.

— Система Станиславского?

— Кого?..

— Ну, вы знаете, де Ниро и Пачино. Поставь себя на место персонажа, так? Живи как он. Думай как он. Заберись ему в голову — и так далее.

— Не уверен, что...

— Очень логично. Но я могу вас успокоить.

— Простите?

— Энн Монтроуз. Если вы правы насчет этого мерзавца, что он добивает людей, которые чудом выжили, надули старуху с косой, то Энн это не удалось. Она так и не очнулась. Так и не вышла из комы после взрыва. Ее нельзя назвать выжившей по всем правилам, у нее сердце едва бьется.

Макэвой потер ладонями небритое лицо.

— Быть может, вы хоть немного проясните ситуацию? Что именно произошло? Ваши отношения с Энн? Почему больничные счета поступают на ваше имя?

Эммс поднял очки, болтающиеся на груди, надел. С полминуты изучал Макэвоя испытующим взглядом коллекционера.

— Я видел Энн лишь мельком. Прекрасный человек, как мне рассказывали. Любила детей. Умная. Не захотела уезжать, считала, что сможет там помочь. Договорилась о школьной экскурсии, и автобус взлетел на воздух, стоило водителю повернуть ключ зажигания. Энн не успела подняться в салон, стояла на подножке, прощалась с другими учителями. Взрыв отшвырнул ее, и Энн сильно ударилась головой. Улучшений с тех пор практически никаких.

— Но почему именно вы? Что заставило вашу компанию вмешаться?

Эммс испустил долгий, с причмокиванием, вздох. Подошел к стене с

фотографиями, отцепил снимок, висевший в верхнем углу справа, протянул карточку Макэвою:

— Вот.

Двое улыбающихся мужчин. Один обнажен по пояс, тело блестит от пота, мощная рука лежит на плечах второго — высокого поджарого человека в полевой форме. Сощурившись, Макэвой глянул на Эммса:

— Это вы?

Эммс кивнул:

— Только гораздо моложе. Балканы. Девяносто пятый, наверное. Давно пора подписать все эти снимки.

— А второй?

— Симеон Гиббонс. К моменту отставки дослужился до майора. Учился на капеллана, но воевал на передовой.

Макэвой ждал.

— Они с Энн Монтроуз были обручены.

— А ваши отношения с майором Гиббонсом?

Эмме невесело хмыкнул:

— Что называется, братья по оружию. Он был моим лучшим офицером. Лучшим другом, если это вообще возможно. Я хотел, чтобы он стал моим партнером в охранном бизнесе, но мы разошлись во мнении. Столкновение идеалов, скажем так. Симеон заявил, что не желает быть торговцем. Я ответил, что мы помогаем людям, строим нечто особенное, спасаем жизни. Он заявил, что его Энн занимается тем же, не требуя денег взамен. Это был спор, в котором ни он, ни я не могли одержать верх. И он остался в армии. А я учредил «Магеллан».

— А Энн?

— Они встретились в какой-то богом забытой дыре, в Ираке. Энн сразила его наповал. А он не того сорта человек, наш Симеон. Всегда держит себя в руках. Все внутри. Убеждениям своим не изменит никогда. Христианин. И потерял от Энн голову.

— И когда произошел взрыв...

Эммс развел руками:

— Я слышал об этом от прежнего сослуживца. Решил хоть чем-то помочь боевому товарищу, удержать прессу в стороне. Откровенно говоря, задача оказалась совсем не сложной. Только не ждите, что меня мучает совесть от того, что я заплатил репортеру за молчание, сержант.

— Не стану. Я все понимаю.

— Наш Гиббо был буквально раздавлен. Не мог примириться. Сложно что-то объяснить человеку, который там не бывал. На войне, я хочу сказать.

Там, в песках. Под палящим солнцем. Вдалеке от всего. Там начинаешь все подвергать сомнению, иначе смотреть на мир. Люди обретаю веру или теряют ее. Такое случается с лучшими из нас, и когда Симеон потерял Энн, то это вроде как вывернуло его наизнанку. Я не знаю, что творилось у него внутри. Он не желал говорить с друзьями. Не захотел отправиться домой. Даже когда я устроил перелет... положил ее в частную лечебницу, обеспечил постоянным уходом...

Эммс опустил глаза на фотографию, лежащую на колене, всмотрелся в лицо старого друга.

— Его уволили из армии?

— Не успели. Осколок заложенной у обочины мины разорвал ему горло. Симеон Гиббонс истек кровью в дорожной пыли где-то в Басре. Ему не стоило туда вообще соваться.

— Соболезную.

— Нелепая утрата. Чудесный был человек... — Эммс обернулся к рисунку в рамке, — и талантливый к тому же.

Открыв рамку, Эммс вытащил лист дорогого, кремового цвета картона, подписанный на обороте. Прищурился, разглядывая рисунок, и Макэвой внезапно почувствовал себя лишним здесь.

— Соболезную.

— Вы повторяетесь.

Кабинет наполнила тишина. День в разгаре, но по углам уже шевелились сумерки.

— И вы по-прежнему оплачиваете ее счета?

— А вы бы бросили?

Макэвой знал, что не бросил бы.

— Я поставлю пару ребят у палаты Энн. На всякий случай. Позвоните, когда угроза исчезнет. — Эммс отвернулся к окну. — Ни просвета.

— Что?

— Да дождь этот. Я купил этот дом только ради Эллен. Она всю жизнь мечтала стать хозяйкой поместья. Росла, зачитываясь сестрами Бронте и восхищаясь Хитклиффом^[22]. Все эти романтические представления об овеваемых ветрами лугах и холмах под дождем. Их она и получила. По мне, так только уныние наводит. Теперь она желает ездить верхом. Кажется, ей не терпится повстречать на склоне холма какого-нибудь меланхоличного незнакомца в бриджах. Такой уж чудесный у нее склад ума.

Макэвой улыбнулся:

— В точности как моя Ройзин. Голова полна красивых картинок.

— Сложно соответствовать, верно?

Макэвой кивнул, и мимолетный миг чего-то, до странности похожего на дружбу, соединил их.

— Как бы Армстронг не простудился, — заметил Макэвой.

— Ничего, он бывал и в худших переделках. Мы, конечно, возьмем его в оборот, но если разыграть карту правильно, результат будет.

— И вы считаете, его психика справится? После того, что случилось?

— Оказаться на линии огня ему не грозит, если можно так выразиться. Будет присматривать за контрактами по доставке грузов, присутствовать на деловых переговорах, играть бицепсами перед строительными подрядчиками. Ну а когда станет своим среди ребят, от их шуточек на стенку примется лезть. В таких ситуациях спасает только товарищество.

В голосе Эммса сквозила тоска. Хорошо знакомая Макэвою тоска. Наверное, он лучше многих был способен уловить эту глубоко запрятанную попытку оправдаться: «Ты все сделал правильно».

Глава 2

Снег, выпавший в Гримсби три дня назад, успел растаять, и город выглядел каким-то выскобленным. Он напоминал Макэвою пса, который выбрался из ванны, дрожащий и недоумевающий, как он там вообще оказался.

Вечерний воздух пропитался влагой, способной вымочить человека насквозь, прежде чем тот успеет пожалеть, что не надел плаща.

Макэвой сам не ожидал, что вернется так скоро. На ту самую улицу, где три дня тому назад дрался с убийцей и спас чью-то жизнь.

Возможно, чтобы избавить его от воспоминаний об этой кровавой и болезненной схватке или просто желая оставить спортивный автомобиль в менее людном месте, Фарао припарковалась в паре кварталов от «Медведя».

— Веселей, — велела она, толкая дверцу и впуская студеное облако выхлопных газов. — Контора платит.

Макэвой поднял воротник и еле выбрался из миниатюрной машины. Голова у него шла кругом.

Нежданно-негаданно его тайные мечты сбылись — следствие вывернуло на верные рельсы.

Он пытался совладать с потоком новых сведений, которые Фарао выплеснула на него за полчаса езды сюда из Гулля.

— У них вполне приличный английский! — восхищалась она. — Такие отзывчивые люди и реально хотели помочь. Так волнительно.

Фарао в восторге от того, как работает полиция Исландии: она провела пятнадцать восхитительных минут, очаровывая молодых следователей сельского участка на побережье, — щекотала им нервы рассказами о том, как представленные ими данные помогут поймать серийного убийцу.

Конечно, те с радостью пошли навстречу. Предоставили все, что у них имелось, и теперь у Колина Рэя радости может и прибавиться.

Выяснилось, что кто-то взломал один из контейнеров на грузовом судне, где снимался фильм о судьбе Фреда Стейна. Когда судно пришвартовалось, пришлось составить акт об исчезновении, и двое полицейских из участка в маленьком прибрежном городке взяли показания у капитана и первого помощника. Сфотографировали каюту Фреда Стейна. Побеседовали со съемочной группой и затребовали копии отснятого материала. Бегло осмотрелись в грузовом отделении. Не надо быть

особенно опытным следователем, чтобы понять: один из нижних контейнеров в штабеле отличается от множества других, громоздящихся сверху и вокруг него. В стенке контейнера зияла наспех вырезанная дыра, размером примерно четыре на три фута. Туда посветили фонариком, внутри оказалось пусто, не считая грязного спального мешка и трех бутылей из-под воды. Полицейские снова поговорили с капитаном. Спросили, откуда взялась дыра. Капитан пришел к тем же выводам: ее вырезали изнутри контейнера при помощи ацетиленовой горелки. И развел руками — похоже, логово безбилетника. На боку контейнера значился серийный номер, который Том Спинк сумел отследить до транспортной фирмы со штаб-квартирой в Саутгемптоне. На его звонок ответила та же дама, что чуть больше недели тому назад оформила заказ на отгрузку контейнеров.

— Порой дело сводится к игре «соедини точки», — говорила Фарао. Они с Макэвоем шагали по Фримен-стрит, и со стороны их вполне можно было принять за семейную пару, слегка комичную из-за огромной разницы в росте. — Иногда нам везет. Иногда дело оказывается до ужаса, черт его дери, простым.

Женщина в транспортной фирме вспомнила этот контейнер. Его доставку оформил человек, которого она хорошо знала. Раньше он водил автоподъемник, грузивший контейнеры на сухогрузы в доках Саутгемптона. Потерял руку, когда от сильного ветра штабель опрокинулся и придавил его. Чудом остался в живых. Перебрался куда-то на север и исчез из виду. Славно поболтали. Похоже, теперь он работает корабельным стивидором где-то в округе Хамбер. Устраиваясь, просил о поручительстве, и фирма с удовольствием его предоставила. А теперь позвонил, значит, бодро сказал «Привет!» и договорился о перевозке контейнера, который, как ни странно, очень просил разместить как можно ниже в штабеле. Видно, тот несчастный случай дал о себе знать. А может, она не совсем ясно расслышала, что он говорил. Порой это непросто, с таким сильным русским акцентом...

Фарао кивнула на распахнутые двери выкрашенного темной краской старомодного бара, занявшего сразу три арки в небольшом пассаже.

К кирпичной стене у входа привалился вышибала — бычья шея, в руке чашка чаю, в ухе проводок. Сперва он оглядел грудь Фарао, внушительную даже под кожаной курткой, и лишь затем обратил внимание на Макэвоя. И чуть выпрямился, похоже осознав вдруг, что впервые за очень долгое время видит перед собой человека здоровее, чем он сам.

— Добрррчер, — буркнул он. — Советую пить скорее, через пятнадцать минут мы прекращаем принимать заказы.

Фарао выудила из декольте полицейское удостоверение.

— Вот же мать вашу, — с присвистом вздохнул вышибала.

— Ничего страшного. — И Триш успокаивающе погладила его бицепс. — Мне только нужно поговорить кое с кем, кто часто здесь выпивает. Думаю, ты захочешь помочь. Такой большой и сильный парень, защищать слабых у тебя в крови. Ты ведь не заставишь меня бродить по улицам в подобную ночь?

Вышибала скорчил зверскую гримасу — ради Фарао он готов стараться изо всех сил.

— Кто?

— Русский, — ответила Триш, придвигаясь к детине еще билже, так что аромат ее духов просочился в его ноздри, а тепло ее тела проникло через пиджак. — Однорукий.

Вышибала вытаращился:

— Зорро, что ли?

— Зорро?

— Он как-то отправился рыбачить кое с кем из парней, — заторопился с объяснениями вышибала. — Когда забрасывал леску, удилице заплясало на ветру. Вышло, будто он начертил в воздухе кучу зигзагов, прямо Зорро. Слыхали про такого?

— Так, и где холодным зимним вечером мне разыскать этого Зорро?

— Он днем заходил, — развел руками вышибала. — Ушел в районе восьми с парой других ребят. Направились в «Топ-Таун», кажется.

— И откуда бы ты посоветовал начать поиски?

Вышибала растерянно посмотрел на Фарао. Что-то прикинул в уме и решил, что не устроит приятелю шибок большую подлянку, если поможет советом такой пухленькой секси, пусть и не молоденькой.

— Зорро живет над солярием в доме, который на Райби-сквер глядит, — он ткнул пальцем в сторону, откуда только что подошли детективы, — но, сдастся мне, домой он не скоро завалится.

— А если он нужен прямо сейчас?

От умоляющего взгляда Фарао на лице вышибалы расцвела улыбка.

— Могу звякнуть ему, сюда позвать.

Просияв, Фарао запечатлела на его щеке звонкий поцелуй: ах, до чего талантливый мальчик, какую чудесную собачку ты нарисовал! Детина все никак не мог смирить по-детски счастливую улыбку, разве что во взгляде угадывалось нечто плотоядное.

— Эти люди такие душки, — сказала Фарао Макэвою, просовывая руку под его локоть. — Пошли внутрь. Можешь угостить меня выпивкой.

Фарао приканчивала вторую порцию водки с диет-колой.

Они сидели за круглым пластиковым столом «под красное дерево». На вкус Макэвой, паб был смехотворен: сплошь скверное подражание чему-то получше. За длинной и кривой стойкой поблескивало грязноватое треснувшее зеркало, заставленное бутылками с крепкими напитками и дешевым пивом.

— Ты водишь меня в самые гламурные местечки, — промурлыкала Фарао. И, осушив бокал, добавила нормальным голосом: — Работаем.

Макэвой увидел, как вышибала указывает на них высокому жилистому человеку с широкими скулами и пустым рукавом, заправленным в карман кожаной куртки. Тот без особой радости направился к ним.

— Альгирдас? — спросила Фарао. — Это тебя зовут Зорро?

— Да. — Однорукий смотрел на Макэвой. — Раньше встречаться?

Макэвой кивнул:

— После переполоха напротив. Ты подходил поговорить.

Русский сощурился, словно силясь припомнить.

— Ты легавый, мои друзья побить? — Он откинул голову и зашелся в лающем смехе. — Все на хрен испортить, да?

— Да, — согласился Макэвой.

— Каковый кошмар, — покачал головой Альгирдас. — Знаю Энжи. Хорошая леди. Одинока была, я думать. Дружили.

— Она жива, — сказал Макэвой прежде, чем Фарао успела вставить слово.

— Да, да. Только уже не такая теперь, а?

Все трое помолчали, обдумывая эти слова. Гадая, что за женщина выйдет из больничных дверей. Сколько еще лет Энжи проживет в страхе, что кто-то вновь попытается завершить начатое, прежде чем выпивка и сигареты отправят в блаженство вечного забвения.

Фарао перехватила инициативу. Мягко глядя на Альгирдаса, она с улыбкой похлопала по лежащей на столе ладони — в пятнах, бледной, с размывшимися наколками на узловатых пальцах:

— Надеюсь, ты ценишь, что мы приехали. У нас полно важных дел, но, когда сержант рассказал про тебя, я бросила все и примчалась.

Альгирдас сузил глаза, словно чтобы лучше видеть, и повернулся к Макэвою.

— Чандлер? — спросил он, убрал со стола ладонь и запустил ее под куртку. Привычным жестом поскреб культю.

— Знаешь его? — спросила Фарао.

Альгирдас оглянулся через плечо, Фарао легко вскочила и направилась к бару. Недолгие переговоры с барменом убедили того, что заказы еще принимаются, а час закрытия отодвигается. К столику Триш вернулась с пинтой темного и двойной порцией водки для русского, еще одной пинтой — для Макэвой и пакетиком жареных шкварок для себя.

Разорвав упаковку, она принялась бросать шкварки в рот, наблюдая за Альгирдасом, пока тот расправлялся с угощением. Опрокинув в себя водку, он с шумом втянул воздух через прижатый ко рту рукав куртки.

Фарао удивленно покосилась на Макэвой.

— Усиливает эффект, — объяснил Макэвой. — Русский приемчик.

— Иди на хрен! — фыркнул Альгирдас. — Я из Литва.

— Сам иди на хрен, солнышко, мы из полиции.

Какое-то время они молча разглядывали друг друга.

— Ты в курсе, что Расс Чандлер арестован за два убийства? — громко спросила Фарао, перекрывая звон пустых бутылок, которые бармен сгребал в пластиковый мусорный бак. — Уже и обвинение предъявлено.

Альгирдас резко откинулся на спинку стула, словно кто-то толкнул его в грудь.

— Убийства? Кого убийства?

— Девочка по имени Дафна Коттон, — ответил Макэвой. — И парень, которого звали Тревор Джефферсон. Ты слышал эти имена раньше?

Альгирдас влил в себя портер. Похлопав по карману, вытащил пакет с табаком и листки для самокруток. Ловко управляясь единственной рукой, он скрутил несколько сигарет и одну сунул в зубы.

— В барах больше не курят. — Макэвой сам себе удивился, стремительно выдернув самокрутку изо рта литовца. — Так что с Чандлером?

Альгирдас посмотрел на Фарао. Похоже, он начал терять самообладание.

— Барри. Вышибала. Он говорить, полиция хочет меня, я приходить. Он говорить, женщина, большие сиськи. Я сказать, нет проблем. Я приходить разговаривать. Я думать, Энжи. Я думал, может, рассказать свидетель, да? Не Чандлер. Не убийство.

— Ты сам заговорил о нем, — напомнил, кинув самокрутку на липкую столешницу, Макэвой. — Услышал, как я говорю по телефону. Услышал его имя. И подошел спросить о Чандлере. Поэтому мы здесь.

Альгирдас закусил нижнюю губу, выудил из-за пазухи тусклый металлический кулон на цепочке и сунул в рот, словно соску.

— Твой святой?

Альгирдас усмехнулся.

— Сдача от моя первая английская пинта. Два пенса. Девять лет назад. В баре, как этот.

— Очень трогательно, — сказал Макэвой и замолчал, почувствовав, как нога Триш наступила на его ботинок: «Притормози чуток».

Альгирдас допил пиво, продолжая таращиться на Фарао. Сощурился и почти прорычал:

— Я легальный. У меня бумаги. У меня право быть в Гримсби.

Фарао забросила в рот последнюю шкварку.

— Дружок, да мне как-то по фигу. Любой, кто хотел жить в Гримсби, наверняка сбежал от ужаса. По мне, так добро пожаловать.

Альгирдас кивнул задумчиво, словно придя к решению.

— Я встречать Чандлер в баре, как этот. Саутгемптон, да? Пять лет? Шесть? Мы пить. Говорить. Он слушать моя история. Он писатель. Хороший писатель. Так мне сказать.

— То есть он хочет книгу про тебя написать, что ли? Сделать знаменитым?

Альгирдас стукнул ладонью по столу; сложно сказать, злился он или просто выплескивал возбуждение.

— В Литве я певец. Делать пластинка. Большой хит. Не только в моя страна.

Фарао еле удержала смехок.

— Значит, ты попал в литовский хит-парад?

— Я на ТВ. На радио. Постеры в спальнях. Большая звезда.

— Правда?

— Да. Я хорошо.

— Что-то пошло не так?

— Хреновы политики. Я хотеть больше. Они не платить. Я думать, что звезда. Они нет. Я уходить. Ждать звонка телефон. Взять обычную работу. Платить счета, пока не стать лучше. Никогда не стать. Обычная работа стать обычная жизнь.

Глаза литовца были полны горечи.

— Значит, Чандлер...

— Ему нравится история. Говорить, может быть книга. Говорить, издать бестселлер. Рассказать моя повесть. Как поп-певец делаться докер в Саутгемптон. Потом я без руки. Чандлер приходит навещать. Говорить, так книга больше настоящая. Больше человечья. Он говорить, ждать звонка. Устроить интервью. Обсуждать с издательством.

— И он позвонил?

Альгирдас отвернулся:

— Чандлер начинать другая книга. Всегда писать. Всегда работать. Иногда пить, да. Любить выпивать.

— Так что же привело тебя в Гримсби?

— Я приезжать на работу. Мой друг здесь. Предложить работа. Однорукий человек выбор не много.

Макэвой потер переносицу.

— Но Чандлер связался с тобой снова, так? Недавно.

Альгирдас кивнул:

— Он звонить, может, с месяц назад. Найти мой номер. Говорить, книга в голове. Не забывать меня. Хотеть встреча.

Альгирдас умолк, и Макэвой толкнул к нему свой бокал. Литовец с жадностью схватил его.

— Но сначала...

— Ему нужна услуга. Друг уезжать в Исландию. Нужно место на сухогрузе. Спрашивать, могу я устроить...

— И ты мог?

Альгирдас пожал плечами:

— В доках людей много. У меня друзья. Система известный.

— И Чандлер об этом знал?

— Должен помнить. Я ему говорить. Как легко привезти и увезти люди. Как полиция, охрана, никакой смысл. Люди туда-сюда ходить.

Фарао развернулась к Макэвою, но тот словно не замечал ее. Он пристально смотрел на человека, который вот-вот поведает, как вышло, что Фред Стейн кончил жизнь в спасательной шлюпке.

— И ты согласился?

— Чандлер рассказать моя история. Показать люди, кто я был.

Макэвою была знакома эта жажда признания. Даже жалкий писака вроде Расса Чандлера способен влить сладкую патоку в уши людей куда более сильных и решительных, чем он сам.

— Что от тебя требовалось?

— Друг Чандлера звонить. Говорить, нужен контейнер, чтобы закрытый. Нижняя палуба, без проверок. Не заставленный другими. Внизу штабеля. Я заказывать.

— Ты разговаривал с ним?

— Короткий звонок. Две минуты. По существу. Слышать такое выражение? Он только о деле. Вроде говорить для него больно. Голос такой, будто душишь кем-то...

Макэвой закрыл глаза. Снова этот запах, ноздри забиты кровью и

снегом.

— Я ждатель, чтобы Чандлер звонить...

— И он не позвонил?

— Да, — тихо ответил литовец. — Но он в тюрьме, вы говорить. Он не позвонить. Как он теперь писать книга? Чандлер не убийца. Он маленький. Один нога. Пьяный. Как он убивать кто-то?

И тут Макэвой взорвался:

— Не убивал он, простак ты наивный! И он в жизни не написал ни одной книги. Настоящей книги. Он жалкий неудачник, который дорвался до сраного бестселлера!

Макэвой вскочил, опрокинув стул, сбил со стола бокалы. Вскочивший следом литовец испуганно смотрел на него снизу вверх, беззвучно разевая рот. Фарао схватила сержанта за локоть, но тот легко стряхнул ее руку и бросился вон из паба, не замечая ошарашенных взглядов, не слыша ругани вышибалы.

Холодный воздух пощечиной врезался в лицо.

Сзади застучали каблуки Фарао. Сообразив, что она бежит за ним, Макэвой остановился.

— Макэвой! Эктор...

Он обернулся — лицо красное, взмокшее.

— Макэвой, я не понимаю...

— Да! Не понимаете!

— Все указывает на Чандлера, разве не так? То есть, видимо, это он виноват...

— О, еще как виноват. — Макэвой задрал голову, уставился в черное, без единой звезды, небо. — Виноват в том, что играл людьми. Питался их страхами и тщеславием. Виноват в своем неутоленном гневе. Но разве это он спустил курок? Разве он сел на чертов корабль с ацетиленовой горелкой и надувной шлюпкой? Разве он истыкал Дафну ножом в церкви? Он дважды оставил меня в дураках? Нет!

Ладонь Фарао снова оказалась на его локте, и на этот раз он не стал стряхивать ее.

— Так что же он сделал? Поделись со мной.

Макэвой шумно выдохнул. Оглядел безлюдную улицу, хаос неоновых огней и разбитых вывесок.

— Пускай сам расскажет. Пора поговорить с ним.

Триш Фарао изучала лицо подчиненного. После пробежки она тяжело дышала, запах ее духов точно коконом окутывал обоих.

Макэвой смотрел под ноги, на брусчатку.

Он был Дафной Коттон.

Фредом Стейном.

Энжи Мартиндейл.

Даже Тревором, мать его, Джефферсоном.

И вдруг со всей возможной отчетливостью он понял, что «хорошо» и «плохо» — вовсе не синонимы «правильно» и «неправильно». Он понял, что причина, по которой он должен поймать убийцу и восстановить справедливость, заперев его в камере, — та же самая, по какой он не может поцеловать эту привлекательную и страстную женщину.

Причина состоит в том, что кому-то же должно быть дело до установленных правил.

И в том, что вокруг все плюют на правила.

Глава 3

Звонок настиг Макэвой и Фарао в сорока милях от Гулля. Те же сорок миль — до тюремного комплекса в Уэйкфилде. Чуть меньше часа езды от комнаты для переговоров, стола с тремя стульями и беседы с тем единственным, кто может подтвердить, что Макэвой прав в своих предположениях.

Фарао на водительском сиденье высвободила зажатый между коленями мобильник и коротко сказала в трубку: «Том». Затем последовал залп из «угу» и ругательств. Нахмурившись, она дала отбой.

Рассеянно отмахнувшись от незадаанных вопросов, Триш свернула на обочину и остановилась:

— Приехали.

— Что? Да нам еще несколько миль...

— Чандлер. Он пытался покончить с собой.

Макэвой задохнулся, точно в солнечное сплетение ударили.

— Как?

— Припрятал бритву в этом своем протезе. Никто не проверял. Нашли в камере, кровь хлещет из горла. Из запястий. Из лодыжек. То есть из одной лодыжки, конечно...

— Он знал, что мы едем, — уверенно сказал Макэвой.

— Нет, Эктор. — Голос Фарао заглушил грохот пронесшийся в каких-то дюймах фуры. — У нас с тобой все втихую. Начальник тюрьмы сделал мне одолжение, и мы здорово рисковали. Узнай об этом его адвокат...

— Он знал.

— Эктор.

— Он знал, мать его!

Повисло молчание.

Макэвой заранее знал, что она скажет. Фарао не сможет зайти еще дальше. И она, и Спинк, и Тремберг — все они постараются убедить себя в виновности Чандлера. И что теперь нет смысла разбираться со слабыми местами в деле. И что Колин Рэй с самого начала был прав. А теперь все они убедились: преступник уже за решеткой.

— Вы ведь понимаете, что Чандлер этого не делал, — устало сказал Макэвой. — Не в одиночку, я хочу сказать.

— Я не знаю, что думать, Эктор. Невинные так не поступают.

— Он преступник, и он невиновен. Так уж вышло.

— На самом деле у нас ничего нет, верно? У нас с тобой. Мы проиграли Колину. Напортачили с самого начала, черт подери. Мы расследуем преступления, которые называются «серьезными» и «организованными». И как, по-твоему, я выгляжу? Серьезно или организованно?

Макэвой смотрел в тоскливое небо.

— Что у тебя на уме? О чем ты думаешь?

Макэвой вздохнул.

— Я думаю, у Чандлера возникла идея для книги, но некто увидел в его замысле гораздо большее. — Он постучал себя по лбу пальцами, злясь на свою неспособность извлечь из спутанного клубка мыслей одну-единственную. — В этом деле нет ничего случайного, уж в этом я уверен. Все убийства совершались не ради любви, денег или мести. Эти смерти имеют смысл только для человека, который восстанавливает баланс справедливости. Забирает у этих людей выпавший им второй шанс. У людей, которые спаслись там, где остальные не сумели. Кто-то решил, что они должны умереть, — в точности так, как им следовало умереть когда-то. В этом есть логика. Этот «кто-то» тщательно воспроизводит ситуации. Пытается отобрать у этих счастливиц чудо. Мотив же Чандлера сводится к одному — соорудить из убийств книгу. А я видел глаза убийцы. Видел в них обиду на весь мир, ненависть к себе, но в них не было...

— Зла? Макэвой, не всегда же...

— Знаю, знаю. Большинство убийств происходит из-за вспышки гнева, по пьяни или неумения рассчитать свою силу. Но мне доводилось видеть зло в глазах преступников, и я знаю точно: в глазах нашего убийцы зла не было. Грусть, и отчаяние, и неотвратимость происходящего. Он платит по счетам. Это...

Фарао накрыла его ладонь своей:

— По-твоему, кто убивает этих людей, Гектор?

— Кто-то, похожий на меня, — ответил Макэвой.

— Ты не способен на такое. Ты не способен причинить вред людям.

— Способен, — возразил он. — Ради семьи. Ради любви. Я бы отправил свою душу в ад ради людей, которых люблю. Я бы плакал, совершая это, но сделал бы. А вы разве нет?

Фарао отвернулась:

— Не каждый любит так сильно.

— Значит, искать нужно как раз такого человека. Кого-то достаточно сильного, чтобы одолеть меня в рукопашной. Кого-то, кто способен вырезать проход из грузового контейнера и убить старика. Кого-то

достаточно близкого к Чандлеру, чтобы воспользоваться его связями. И человека, который любит так же сильно, как я.

Лицо его исказилось. Фарао невольно отстранилась, вся сжалась, и до Макэвоя дошло, насколько он сейчас угрожающе выглядит.

— Простите, шеф, я только...

Фарао качнула головой, на лице ее нарисовалась кривая усмешка, и напряжение спало. Она похлопала Макэвоя по плечу:

— Для общения с тобой нужно сперва хорошенько изучить инструкцию по применению. Твоя Ройзин святая, не иначе.

У Макэвоя сорвался легкий смешок.

— Она лучше всех нас вместе взятых. — Вялым взмахом руки он обвел вечернюю улицу с ее непросыхающими обитателями, заколоченными магазинами и мусором в подворотнях: — Лучше всего этого.

Фарао всмотрелась в его лицо, удержала взгляд.

— Пусть и дальше будет лучше всех, Гектор. А ты проследи, чтобы грязь к ней не пристала.

Глава 4

Макэвой стоял, прислонясь к одной из красных кирпичных колонн элегантного портика у раздвижных стеклянных дверей.

— Детектив-сержант Макэвой?

Обернувшись, он увидел высокую, тонкую женщину с короткой стрижкой. Теплый жилет поверх белой больничной униформы. Женщина протянула бледную руку без колец, и Макэвой ответил осторожным пожатием.

— Меган Страуб.

Они улыбнулись друг другу.

— Я лечащий врач Энн, — сказала Меган Страуб и жестом предложила последовать за ней в теплое нутро ультрасовременной клиники. — Кажется, ваш визит немного расстроил кое-кого из наших функционеров, — заметила она, когда двери с шелестом закрылись за ними.

— Как я уже объяснял, мы ведем расследование убийств...

— Вот-вот, что-то такое они и говорили. — И доктор Страуб со смешком добавила: — Сложно представить, чтобы Энн подозревали в чем-то подобном.

— Конечно, нет...

Макэвой замолчал, потому что доктор остановилась у одной из дверей и положила пальцы на ручку.

Дверь открылась.

Свет лился в комнату из сияющего прямоугольника окна под потолком; стены выкрашены в темно-малиновый цвет и украшены рисунками в массивных рамках.

На кованной кровати с пологом лежала Энн Монтроуз. Руки ее покоились на гладком золотисто-кремовом покрывале, на подушке озерцом расплавленного золота пылали волосы.

Капельница с питательным раствором и дренажное устройство были спрятаны за двумя высокими торшерами в стиле рококо; пробежав по ним, взгляд Макэвой уперся в резной ночной столик у кровати. Из того же светлого дерева был и низкий книжный шкаф у стены, над ним — большое зеркало, из-за которого комната казалась еще просторнее и светлее.

— Она похожа на принцессу, — прошептал Макэвой.

Доктор Страуб рассмеялась:

— Семьи наших пациентов иногда предпочитают сами обставлять палаты. Не могу сказать, делается это ради них самих или ради пациентов, но эта палата совершенно точно любимая у всех нас.

— А этот свет сверху...

— Там оборудованы лампы, — объяснила Меган Страуб. — Даже если погода хуже не придумаешь, здесь светло, как в солнечный день.

— Недешевое удовольствие.

— Ее счета всегда оплачиваются без задержки, как я понимаю, — сдержанно ответила доктор Страуб, подошла к кровати и улыбнулась неподвижной пациентке. — И когда мы хотим испробовать новый подход, который может обойтись чуть дороже, проблем не возникает.

— Не сомневаюсь, подполковник Эммс весьма великодушен, — сказал Макэвой, наблюдая за лицом Страуб.

— А вот это не в моей компетенции, — сказала она с улыбкой.

Макэвой подошел к кровати и осторожно склонился над спящей Энн Монтроуз — точно в бездну заглянул. Идеальная ухоженная кожа. Ни морщинки на лице. Блестящие волосы.

— Она словно...

— Спит? Да. Близким это труднее всего принять. Они оплакивают того, кто все еще с нами.

— А Энн еще с нами? — Он понизил голос до шепота: — Она может вернуться?

— Некоторых мы возвращаем. Не всегда в точности такими, какими они были прежде, но порой возвращаем.

— И Энн?..

— Надеюсь, — вздохнула Страуб. — Хотелось бы мне познакомиться с ней. Судя по истории болезни, у нас немало общего, хотя, боюсь, та работа, которую Энн выполняла за границей, выше моих сил.

— Вы знаете о ее благотворительной деятельности?

— Я лечащий врач, — подняла брови доктор Страуб, — и я должна делать все возможное, чтобы добиться отклика.

— И вы беседуете с Энн о том, кем она была прежде?

— Кем она остается, — резковато поправила Страуб. — А в чем, собственно, дело, сержант?

Макэвой собрался успокоить ее заученной скороговоркой о стандартных процедурах и обычной полицейской рутине, но в последний миг передумал.

— Думаю, кто-то убивает людей, выживших после нападений и катастроф, — сказал он, — и, думаю, это имеет какое-то отношение к Энн.

— Вы считаете, ей может что-то угрожать?! — Переменившись в лице, Меган Страуб безотчетно вскинула ладонь ко рту.

— Это не исключено.

— Но...

Макэвой лишь плечами пожал. Он слишком устал, чтобы вновь разматывать цепочку догадок, приведших его в мир доктора Страуб.

— Ее часто навещают?

— Мать. — Голос докторши еще нервно подрагивал. — Изредка сестра. Конечно, здесь бывают врачи со стороны, студенты...

— Я слышал, она была помолвлена.

— Да. Когда Энн перевели в нашу клинику, с ней поступили и личные вещи. Я много общалась с семьей, чтобы разобраться в деталях ее жизни. Она была влюблена в солдата, которого встретила в Ираке. Насколько я помню, он служил в полку капелланом. Сильное чувство, похоже. Жаль, что эта связь была так беспощадна разорвана.

— И все эти сведения вы используете в терапии, верно?

— Все, что только можем.

Макэвой оглядел книжные полки:

— Читаете ей вслух?

— И это тоже, — кивнула доктор Страуб. — Женские романы. Поэзию. Разговариваю с ней о политической ситуации в Ираке.

Недоумение на лице Макэвоя заставило ее улыбнуться.

— Мы используем все, что может ее заинтересовать, сержант. Этажом выше лежит пациент, который, по-моему, отдаляется все дальше, если не рассказывать ему, как сыграли «Шеффилд Уэнсдей». Наши пациенты остаются людьми. Просто они попали в западню, оказались заперты в камере своего сознания. Мы пробуем все, чтобы подобрать ключ. Пытаемся распутать этот узелок, сотворить чудо...

Макэвой провел языком по пересохшим губам. Снова посмотрел на женщину в кровати. Закрыв глаза. Вгляделся внутрь себя. Скрипнув зубами, вдавил массивный кулак в лоб, будто пытаясь ухватить ниточку, которая совсем рядом...

— Сержант, вы в порядке?

У него потемнело в глазах. Комната начала раскачиваться. Ноги сделались ватные, словно не способные удержать груз его скачущих мыслей.

— Подождите здесь, — встревоженно сказала доктор Страуб, помогая ему опуститься на пол и привалиться к стене. — Я принесу воды.

Стукнула дверь, и Макэвой остался наедине с женщиной в коме. Его

могучее тело поникло — вылитый ребенок: ноги вытянуты на деревянном полу, тяжелая голова бессильно свесилась на грудь.

Он собрался и поднял голову. Сфокусировал взгляд на книжном стеллаже: романы, поэтические сборники, сказки, мифы.

Протянул руку, наугад снял с полки томик.

Название расплывалось перед глазами. Он сморгнул. Сосредоточился. Библия.

Он тихо рассмеялся и открыл книгу.

Страницы осыпались точно жухлые листья. На коленях Макэвой лежала горка из разорванных листков. Он с изумлением перевел взгляд на пустую картонку раскрытой обложки.

Яростно неровными буквами там были написаны три слова, многожды и с силой процарапанные в бумаге, — с силой достаточной, чтобы вспороть человеческую плоть.

НЕПРАВЕДНОЕ РАЗМЕЩЕНИЕ ЧУДЕС

И посреди этой мантры, в хаосе злобных букв и взбесившихся каракулей, — библейский текст, вдавленный в картон все той же разъяренной рукой:

И возгорится гнев Мой на него в тот день, и Я оставлю их и сокрою лице Мое от них, и он истреблен будет, и постигнут его многие бедствия и скорби, и скажет он в тот день: «не потому ли постигли меня сии бедствия, что нет Бога моего среди меня?» (Втор. 31:17).

Макэвой с натугой встал; клочки Библии ссыпались на пол, когда он рывком распрямился.

Тяжело дыша, он силился осмыслить эту ярость, впившуюся в строки Писания.

Новым взглядом посмотрел на женскую фигуру в кровати.

Лихорадочно пролистал уцелевшие в переплете страницы; смятые даты маниакального календаря.

Среди них — лист, расчерченный переплетающимися плавными линиями, точными, завершенными.

Он перебрал листки; среди свирепых слов и пляшущих каракулей обнаружили рисунки тушью — абстрактные сплетения, в которых угадывалась идеальная точность.

В глазах у Макэвоя снова все расплылось, на сей раз от набухших слез, и только рисунки оказались в фокусе этой недолговечной линзы.

На всех рисунках была Энн Монтроуз. Эти замысловатые, с изумительным тщанием выписанные абстрактные линии на самом деле складывались в ее лицо, улыбающееся, живое.

В точности как на недавно виденном рисунке.

Он перебрал, разглядывая, листки. Поэзия, которую Энн пробудила в рисовальщике. Улыбается. Смеется. Спит...

Макэвой поднес поближе к глазам последний рисунок. Тщательные линии и штрихи покрывали листок, вырванный из блокнота.

Спящая Энн Монтроуз на ковanej кровати под пологом — руки покоятся на покрывале, волосы рассыпаны по подушке.

В нескольких местах рисунок размылся. Слезами?

Макэвой перевернул листок.

Подпись и дата — чуть более недели тому назад.

Он бросился к двери.

Выдернул из кармана мобильник.

Набрал номер единственного человека, у которого достанет умения воскресить мертвого.

Глава 5

Три часа спустя Макэвой подъехал к больнице в Уэйкфилде. Снег пока не добрался до этого форпоста Западного Йоркшира. Холод продирает до костей, а липкий мокрый воздух будто выдохнули больные легкие.

Макэвой отбросил волосы с глаз. Поежился, поднял воротник.

Глотнув напоследок ледяного киселя, решительно шагнул в автоматические двери, пересек линолеумное пространство цвета горелого жира. У регистратуры приемного отделения кто-то не поленился развесить рождественские украшения, но все эти флажки выглядели непристойностью на фоне осыпающейся штукатурки и потолка в бурых потеках.

Он старательно изображал, будто знает, куда идет. Миновал стойку, даже не повернув головы, наугад выбрал коридор и, судя по табличкам, оказался в отделении онкологии. Решив, что это не самое удачное направление, свернул в другой коридор, уходивший влево. И вжался в стену: две полнотелые нянечки, сплошь тугие округлости, обтянутые голубой униформой, едва не переехали его тележкой со стопками постельного белья.

— Поберегись, — пропыхтела старшая; вязкий йоркширский говорок.

— Тесновато у нас, а? — хихикнула вторая. Рыжие волосы классического йоркширского оттенка, на носу — лет десять как вышедшие из моды очки с круглыми стеклами.

— Ну, будь мне суждено угодить под колеса, более симпатичную пару убийц и представить нельзя. Можно поинтересоваться, я правильно иду в отделение интенсивной терапии?..

Пять минут спустя Макэвой вышел из лифта на третьем этаже. В нос ударили запахи крови, хлорки и больничной пищи. Толстяк в форме тюремного охранника потягивал что-то из мерного стаканчика, водрузив локоть на стойку дежурной медсестры. Его маленькие, похожие на побеги цветной капусты уши торчали на бугристой картофелине обритой головы, как две ручки на одной чайной чашке.

Макэвой в упор посмотрел на него. Впервые со времен студенческих состязаний в регби он постарался казаться как можно больше и сильнее — дабы внушительный облик придал весомости.

Вытянутое из кармана удостоверение заставило охранника выпрямиться.

— Чандлер, — деловито сказал Макэвой, — где он?

Недоумение длилось доли секунды, удостоверения и резкого тона было достаточно, чтобы указать охраннику место в пищевой цепи, и ему даже в голову не пришло поинтересоваться, зачем Макэвою это знать и откуда он.

— В частной палате, вон там, — ответил он, и опытное ухо Макэвой уловило в его говорке намеки на Приграничье.

— Гретна? — с тенью улыбки спросил он.

— Эннен, — довольно ухмыльнулся охранник. — А вы?

— Шотландские горы. За Эдинбургом и почти всем остальным.

Двое шотландцев нашли друг друга в коридоре йоркширской больницы и улыбнулись друг другу, связанные внезапным чувством родства.

— Совсем плох, да?

— Не настолько, как сперва показалось. Все эти кровавые лужи. Ошметки шеи прямо на честном слове держались. А ведь сидел-то в одиночке. Никого рядом.

— В сознании?

— Едва. Его подлатали по прибытии, но доктора талдычат про какую-то микрохирургию, если швы не справятся. Еще недавно лежал в отключке, лицо замотано, как у мумии. Я вот выскочил глотнуть кофейку. Напарник тоже перекусывает, скоро вернется. Нас не предупредили насчет посетителей.

Макэвой кивнул и одним махом отмел ожившие подозрения охранника.

— Я должен его увидеть. В отключке он или нет.

Охранник собрался возразить, но прочел в глазах Макэвой свирепую решимость и одумался. И верно, что худого в том, чтобы удовлетворить вежливую просьбу?

Макэвой оценил его покладистость и наградил величественным кивком. Сердце тяжело ухало, но он заставил себя успокоиться, сделал несколько глубоких вдохов и на пару мгновений закрыл глаза.

Ботинки неожиданно бесшумно ступали по линолеуму.

Тишина тут царил почти жутковатая. Зловещая. Макэвой невольно подумал о собственных последних часах. Умрет ли он среди людской суматохи, болтовни и гама? Или это будет единственный выстрел, а за ним — абсолютное ничто?

Он шагнул в палату Чандлера.

Занавески той же теплой расцветки, что и в родильном отделении

Королевской больницы Гулля, но все здесь какое-то линиялое, безжизненно-серое.

Чандлер лежал без движения. Жалкий. Искусственная нога подпирала стену у кровати, пижамная штанина пуста. Никто не озаботился подвязать ее под культей, и штанина перекрутилась — будто нога вывернута в нелепо-бесстыдной позе.

Горло Чандлера было обмотано бинтами. Трубка бежала от пакета с прозрачной жидкостью к игле, торчавшей из правой руки. Другая трубка, потолще, приклеенная к скуле, исчезала во рту; над полоской пластыря уже подсохла слюнявая корочка.

Макэвой выудил из внутреннего кармана склянку. Ройзин предупредила, что прикасаться к ней можно только в перчатках. Сказала, запах намертво въестся в подушечки пальцев и никогда в жизни его не смыть. Поддернул рукав пальто, спустил манжету рубашки. Обернул ею ладонь. Держа флакон одной рукой, другой осторожно отвинтил крышку. Вонь хлынула невероятная. Даже на расстоянии вытянутой руки он ощутил резь в глазах, накатила дурнота: нашатырь.

В три широких шага он оказался у кровати. Сунул склянку под нос Чандлеру.

Один...

Два...

Три...

Забинтованная фигура вздрогнула. Под слоями марли пробежала волна, глаза открылись, и крошечный участок лица, остававшийся неприкрытым, исказился в гримасе. Рука дернулась ко рту, чтобы отодрать трубку. Судорожный кашель с шипением вырвался из глотки. Единственная нога засучила по матрасу.

Макэвой подался вперед. Взялся за дыхательную трубку, потянул. Мокрая, в слизи, она выскользнула изо рта, и Макэвой с отвращением выронил ее.

Чандлер приподнялся на подушке, сгусток желчи упал на ворот пижамы. Продолжая кашлять, вцепился в бинты.

Лицо Макэвой было безучастно. Он наблюдал. Подарил Чандлеру несколько мгновений паники, агонию смятения. Ужас пробуждения в кромешной тьме.

Ждал, пока Чандлер не обретет голос. Смотрел, как кончик его языка по-змеиному стремительно шарит по сухим губам над заляпанными слизью бинтами. Потом склонился ближе:

— Вы выжили, сэр.

— Сержант... — Голос едва слышен. — Сержант Макэвой?

Закрутив пробку, Макэвой осторожно опустил флакон с прозрачной жидкостью во внутренний карман.

— Я сожалею о том, что сделал, мистер Чандлер, — тихо сказал он и тяжело сел на край койки. — От вас мне нужно услышать только «да» или «нет», сэр. Вы многое перенесли. Сейчас вы в больнице. Попытка самоубийства, если помните.

Веки Чандлера затрепетали. Он болезненно сглотнул, и Макэвой налил стакан воды из графина на столике, поднес к его губам. Сделав несколько глотков, Чандлер обессиленно обмяк.

— Вы уже поняли, не так ли? — тихо спросил Макэвой, не отрывая взгляда от лица мумии. — Вы знаете, кто и почему.

Чандлер едва дернул веками.

— Это я виноват, — просипел он. — Моя болтовня...

— Он все равно сделал бы это, — сказал Макэвой. — Нашел бы причину. То, что таилось у него внутри, рано или поздно прорвалось бы наружу.

— Но он хороший человек, — выдавил Чандлер. — Меня понесло. Пьяный бред. Я не убеждал его...

— Скорбь творит ужасные вещи, — согласился Макэвой.

— Но не убийство, — возразил Чандлер.

Оба молчали. Макэвой встал. Подошел к окну, собираясь с мыслями. Бросил взгляд за желтые занавески, на мокрую парковку за ними, раскачивающиеся деревья, мокрые машины, семенящих прохожих. Никогда еще он не чувствовал такой тяжести. Он в ответе за этих людей внизу, за иссеченный дождем мир за окном. Он повернулся к кровати — надо поскорее покончить с этим.

— Симеон Гиббонс, — тихо произнес он. — Где он сейчас?

Имя повисло в воздухе. Губы Чандлера напряглись, но тело словно расслабилось. Макэвой смотрел, как язык снует по губам.

— Не знаю.

— Когда вы виделись в последний раз?

— Минут за десять до моего ареста.

— Он был там? В Линвудской усадьбе?

— Он там живет. Постоянно. Счета оплачивают армейские друзья.

— Подполковник Эммс? Владелец небольшой охранной фирмы на Ближнем Востоке?

— У Спарки глубокие карманы. Гиббонс определил меня в исповедники, а сам ни черта не рассказывал.

— Как это вышло? Что привело вас к догадке?

— Инспектор Рэй. На допросе зачитал список имен. Люди, которым Симеон мог навредить. Это вы его и составили. Там была женщина. Фамилия Монтроуз.

— И она показалась знакомой?

— Я знал, что ее звали Энн. Остальное само вроде как сошлось.

— Гиббонс рассказывал вам про Энн?

— Стонал во сне, произносил ее имя.

— А о том, что произошло в Ираке, рассказывал?

— Он говорил о своей жизни. Люди рассказывают мне о себе. Считаю, я могу прославить их. Напишу книгу, и они станут что-то значить...

— Но Гиббонса это не интересовало?

— Ему просто хотелось с кем-то пообщаться. Все полетело кувырком. Вы же видели его, когда приходили потолковать со мной? Хотя нет, он не подошел. Его лицо, сержант. Нет живого места, сплошь ожоги и шрамы. Из-за взрыва. Того самого, который едва не убил его.

Может, и убил, подумал Макэвой. Лечение тоже оплачивал Эммс? Скорее всего.

— Я писатель, сержант. Задаю вопросы. Когда Симеона подселили ко мне, нам пришлось разговаривать.

— И вы стали друзьями?

— Пожалуй что. Началось все с бокса. Я рассказывал про свою книгу. Ту, про путешественника, я говорил вам о ней. Он упомянул, что боксировал в армии. Так все и пошло.

— Гиббонс тоже лечился от алкоголизма?

— Нет. Что бы ни держало его на плаву, он не желал притуплять это чувство.

— Значит, от депрессии? Посттравматического расстройства?

— Возможно. Я знал только, что мой сосед — очень печальный человек.

— И Энн?

— Мы разговорились о прошлых влюбленностях. Мне и вспомнить-то было почти нечего, а он сказал, что любил всего лишь раз в жизни. Что она пострадала при взрыве. Сам он сумел оклематься, а она так и не проснулась. Я уж решил, он пытается сказать, что она погибла. Ничего подобного. Выяснилось, что она в коме. В частной клинике. Я не знал, что и сказать. Сострил что-то насчет Спящей красавицы. Ему понравилось. Улыбнулся впервые за все время нашего знакомства. Вроде как оттаял

немного. Начал говорить. Рассказывал о вещах, которые узнал в той поездке. В пустыне. Как открылось его сознание.

— Открылось чему?

— Всему. Вы когда-нибудь задумывались о боли? О страданиях, что ей сопутствуют? О том, почему кому-то везет, а кому-то — нет? Вы когда-нибудь спрашивали себя, что будет, если исцелить одного человека от боли? Перейдет ли она к кому-то другому? Есть ли в мире какое-то конечное, заранее определенное количество страдания? Вот о чем он рассуждал. Вот что изводило его и мучило. Кажется, я потворствовал. Позволял говорить. Он приносил мне выпивку...

— Вы рассказывали ему о своей работе? О людях, с которыми беседовали? Забавные случаи?

— Мы просто болтали о том о сем.

— Фред Стейн? Тревор Джефферсон?

Чандлер закрыл глаза.

— Энжи Мартиндейл?

Еще одно движение век.

— Дафна Коттон?

Чандлер молчал. Только облизывал губы, опять и опять.

— Те, что чудом спаслись, так?

Чандлер молчал.

Они вслушивались в шум ветра и дождя, которые без устали колотили в грязные больничные стекла.

— Когда Гиббонс решил убить их? — спросил наконец Макэвой.

Лицо Чандлера страдальчески перекосилось. Макэвой дал ему воды, снова сел рядом.

— Мы разговорились как-то вечером, — зашептал Чандлер. — Он любил послушать мои истории. Про людей с необычной судьбой. Мне кажется, такие судьбы заставляют нас задумываться. Увидеть полную картину мира.

— А Гиббонс был верующим, так?

— Паренек из хорошей семьи. По воскресеньям — церковь, в школе-пансионе — молитвы на ночь.

— Но верил ли он?

— Не думаю, что он ставил под сомнение веру, пока не случился взрыв. А потом уже ничто в его жизни не имело смысла. И он обрел собственную религию.

— В Линвуде он по-прежнему молился?

— Не при мне.

— Так что же это было, мистер Чандлер? Чем он наполнил себя?

Долгая пауза, сиплое дыхание.

— Чудеса. Люди, обманувшие смерть. Обманувшие Бога. Вот о чем я сказал ему.

— Что вы имеете в виду?

— Неправедное чудо.

— Гиббонсу понравилось ваше определение?

— Будто нашел голову Иоанна Крестителя под своей кроватью. Никогда в жизни никто не уважал меня так.

— Уважал? Гиббонс соорудил себе религию из ваших бредней. Миссию! Путь к своей Энн.

— Я не знал, — замотал головой Чандлер, хлюпнув носом. — Я не знал, что он задумал.

— Он ведь беседовал с вами. Все свои идеи он сперва примерял на вас. Вы были его исповедником.

— Мне нравилось его внимание.

— И о чем он спрашивал?

— Его интересовало, не считаю ли я Божественное милосердие конечным ресурсом. Зачитывал мне отрывки из Библии. Из религиозных книг. О вере. О справедливости. И о чудесах.

Макэвой уже догадался, каким будет ответ на следующий вопрос.

— Он спросил, не кажется ли вам, что уничтожение неправедного чуда позволит осуществиться праведному. Если отменить один акт милосердия, не случится ли другой.

Молчание.

— И вы сказали «да».

— Я сказал, это может сработать.

— И затем позвонили тому русскому. Однорукому, мать его, поп-идолу. Чандлер затряс головой, не обращая внимания на боль. Взыл:

— Я был пьян!

У Макэвоя не осталось сил. Как назло, раззуделась старая рана в плече.

— Кто следующий, Чандлер? О ком еще вы рассказывали Гиббонсу?

Чандлер ощерился. Шевельнул пальцами.

— Простите.

— Чандлер?

— Мы просто болтали. Так, пустой треп. Я не думаю...

— Что, Чандлер? Что еще вы натворили?

— После того разговора, — всхлипнул писатель, — я рассказал о вас.

Про вашу жену. О ее стойкости. О том, что она не сдалась после стольких выкидышей...

— Что вы...

На горле Макэвоя сжались ледяные пальцы.

— Мне так жаль.

Перед глазами Макэвоя возникла картина: Симеон Гиббонс душит его новорожденную дочь между окровавленных ног Ройзин...

Он уже бежал. Несся к выходу. Кровь гудела в ушах, подошвы взвизгивали на линолеуме.

Охранник, увидев его, отлепился от стойки дежурной, где так и торчал с пластиковым стаканом в руке. Почувяв неладное, шагнул навстречу, но Макэвой оттолкнул его, даже не остановившись. Распахнул дверь и запрыгал через ступени.

Вытащил мобильник на бегу. Нет сигнала. Нет хренова сигнала!

Простите меня, простите меня, простите...

Он перебрал все, что ему известно о человеке, вознамерившемся убить его ребенка. Вспомнил физическую силу, легкость, с какой тот уклонялся от ударов Макэвоя.

Эта боксерская стойка...

Он пересек холл, не сводя взгляда с дисплея мобильного. Попытался все-таки позвонить домой, но проклятая дрянь не подавала признаков жизни. Потыкал в кнопки, наткнулся на голосовое сообщение Триш Фарао, которая она наговорила после встречи с Монти Эммсом:

...он живой, Макэвой. Ты был прав. В телефоне Эммса сохранились сообщения Гиббонса за последние недели. Я оставила подполковника в Хауорте, в кабаке под названием «Овечья шерсть». Пить он ни фиги не умеет, надо сказать. Выдал мне мобильник попользоваться и глазом не моргнул. Нам еще потребуется оформить изъятие официально, сунуть его в вещдоки, к прочему набору... Но эти приветы от Гиббонса — просто бомба! Поначалу сплошь извинения и благодарности. Спасибо — за то, что помог ему выбраться оттуда. Что запихнул в пластиковый мешок какого-то иракца и объявил миру, что Гиббонс погиб. Что обустроил ему новую жизнь. Разместил на постой. Позаботился об Энн. Платил по ее счетам. И полным-полно извинений — за то, что подвел его. Что не может оплачивать уход за Энн самостоятельно. За все, что сделал не

так... Но потом эти сообщения меняются. Где-то с месяц тому назад, если дата верно выставлена, Гиббонс пишет об обретении смысла. О найденном способе все изменить. Монти уже не вяжет лыка, но я еще с ним поработаю. Потом все утрясем и подчистим. Если ты еще хочешь увидеться с ним, постарайся вытряхнуть чистосердечное признание...

Макэвой защелкнул телефон, чтобы заставить его умолкнуть, и открыл снова. И едва не завопил, увидев полную антенну. Пересек парковочную площадку, на бегу выуживая из кармана ключи и набирая номер Ройзин.

Три длинных гудка...

— Привет, малыш, как все прошло?

Облегчение накатило волной. Ее голос звучал устало, но Ройзин вполне жива.

В порядке. Они в полном порядке.

Тяжело дыша, с каплями пота на лице, он открыл дверцу машины и без сил упал на сиденье.

— О, солнышко... Я уж решил...

Случайно бросил взгляд в зеркало заднего вида.

И слишком поздно заметил движение за спиной.

Лезвие ножа прижалось к горлу.

Из полутьмы выплывала жутковатая маска из сожженного мяса, крепкая ладонь накрыла руку Макэвой, захлопывая мобильник.

Макэвой заворуженно смотрел во влажные голубые глаза Симеона Гиббонса.

Почувствовал, как нож скользит ниже.

Почувствовал, как вспарывает его пальто, рубашку. Царапает кожу.

Почувствовал, как Гиббонс раздвигает прореху в одежде, как вглядывается в шрам, оставленный год назад ножом убийцы.

И только сейчас до него дошло, что он и сам — выживший. Человек, которому чудом удалось спастись.

Макэвой зажмурился, догадавшись, что Чандлер солгал. Его жене и детям ничто не грозит, это с ним самим собираются разделаться — тем же способом, что и год назад, когда ему повезло и он выжил.

Глухой удар. Внезапная тупая боль, когда твердый большой палец воткнулся в сонную артерию.

И чернота.

Глава 6

Макэвой очнулся, стиснутый пустотой, не в силах шевельнуться. Отчаянно болела шея.

Он попытался приподнять голову. Тщетно. Попробовал пошевелить руками, но и они не слушались.

Напряг слух. Знакомый гул — автомобильные покрышки.

Он скорчился на пассажирском сиденье своего внедорожника, который несся куда-то на приличной скорости.

Рядом бубнил голос. Тихий, свистящий, какой-то животный шепот. Монотонный, невыразительный.

— ...Еще только этот, любимая. Еще один, и ты проснись. Проснись ради меня. Проснись. Вернись. Пожалуйста. Вернись ко мне...

Усилием воли Макэвой попробовал все-таки обрести контроль над руками.

Но все, что ему удалось, — это облизать пересохшие губы. И едва заметно повернуть голову.

— Он выжил. Выжил, а ты не смогла. Он выжил, как и я. Как все они. Мы отвезем его туда, где это случилось. Он умрет, как должен был умереть в тот первый раз...

Макэвой понял. Симеон Гиббонс везет его туда, где год назад убийца девочек Тони Холтуэйт искромсал его ножом, когда Макэвой вывел его на чистую воду. Где Макэвою удалось выжить, в отличие от прочих жертв Холтуэйта.

Макэвой еще чуточку приподнял голову. Ухватил краем глаза клочок дороги. Темные деревья под косым дождем. Знакомый силуэт моста Хамбер.

Всего в получасе езды до дома.

И пять минут — до места, где год назад он схватил убийцу и едва не истек кровью в награду за это.

— ...Спарки подвел нас, так ведь? Палата. Кровать. Лучшие, какие можно купить за деньги. И ты все равно спишь. Ты прекрасна в своем сне, как картина в раме, и только. Он назвался нашим другом. Да вот вылечить тебя им не удалось. Они не сумели тебя разбудить, правда? Ты слишком далеко ушла, лекарства бессильны. И тут появился он. Нам требовалось чудо, да? Чье-то чудо. Писатель знал. Он добрался до сути. Справедливости в мире всего ничего. Милосердие кончилось. Оно выпадает дождем, но

небеса сухи. И везения тоже капли. Повезти может лишь одному из многих. Кто-то остается жить, остальные погибают. Но почему не ты? Кто присвоил твое спасение?..

Макэвой ощутил, как машина вписывается в крутой поворот. Поймал взглядом неясный просвет между деревьями.

Ройзин. Он вспомнил, как целовал ее в губы. Представил жену на кухне — режет овощи, перемешивает. Добрая красивая колдунья...

И тут вдруг мелькнула мысль о флаконе во внутреннем кармане пальто, о бутылочке с нашатырем.

Макэвой резко вывернул голову.

Голубые глаза на обезображенном лице, в оплавленной плоти, неровных рубцах.

Сумел просунуть руку в карман, подрагивающие от усилия пальцы стиснули флакон.

Развернулся на сиденье.

Выбросил вперед руку...

Склянка разлетелась от удара, нашатырь брызнул на изувеченное лицо убийцы.

Макэвой дернулся всем телом, пытаясь перехватить руль.

У него осталось времени, только чтобы закричать. На скорости шестьдесят миль в час машина врезалась в кирпичную будку охраны на краю парковки и взлетела в воздух.

Щеку опалил нестерпимый жар. Гиббонс вжимал голову Макэвой в стекло пассажирской дверцы. Ветровое стекло от удара рассыпалось мелкими осколками, и языки пламени из-под капота, похожие на хлопающее на ветру белье, уже залетали внутрь.

Макэвой врезал локтем куда-то под вытянутую правую руку Гиббонса и услышал треск.

Противник на время оказался обездвижен, и Макэвой задергал дверную ручку. Не открывается.

Он развернулся на сиденье, вскинул обе ноги и ударил в стекло. Раз. Второй. Стекло брызнуло в стороны, и приток кислорода придавал сил пламени, красно-оранжевые языки перепрыгнули через рулевое колесо, принялись облизывать приборный щиток, почти доставая людей.

Макэвой понял, что загорелась одежда. Огонь обжег ладони, мазнул по лицу.

Он снова ударил в дверцу. Изо всех оставшихся сил.

С диким скрежетом металл прогнулся, и дверца повисла на петлях.

Макэвой завозился, вываливаясь наружу.

Руки вцепились в его ботинки, дернули назад.

Он рвался и рвался вперед, волоча за собою Гиббонса, пока оба не упали на мокрый асфальт.

Взбрыкнув, Макэвой высвободился и откатился от машины.

Начал вставать.

И тут Гиббонс набросился на него. В отсветах пожара его шрамы выглядели особенно жутко. И никаких слез в глазах. Черные зрачки во всю ширь радужки.

Они находились в каких-то десяти шагах от горящего автомобиля. Гиббонс дернул Макэвою вверх, рывком поставил на ноги. Раны на шее у него, похоже, снова открылись и закровоточили.

Точно со стороны Макэвой наблюдал, как его волокут по асфальту в сумрак рощицы за парковкой.

Он извивался, дергался всем телом, пытаясь уцепиться за мокрый асфальт, за что-нибудь. Вырваться из хватки Гиббонса. Тот, похоже, вознамерился утихомирить врага и еще раз ткнуть в сонную артерию. На этот раз маневр не прошел. Макэвой резко откинул голову и нанес два коротких, но мощных удара, от которых Гиббонс потерял равновесие. Выпустив противника, он опрокинулся на спину.

Макэвой повалился в другую сторону. Тут же попытался вскочить, но ноги подкосились. Тело горело от адской боли. Он смотрел, как Гиббонс встает на четвереньки, как трясет головой, пытаясь прийти в себя. Видел мертвенный блеск лезвия. Видел, как Гиббонс поворачивает голову и смотрит на распростертого, беззащитного противника.

Макэвой кое-как встал на колени. Опершись о мокрый асфальт, он толчком подтянул ноги и выпрямился как раз вовремя, чтобы заметить, как Гиббонс с кошачьей грацией изготовился к прыжку.

Удар он нанес. На краткий миг в глазах у Макэвой прояснилось и боль отступила. Одного биения сердца хватило, чтобы он стал тем здоровяком, которому самое место среди боксеров, если бы он мог причинять людям боль, не терзаясь потом душевными муками.

Его мощный кулак прочертил идеальную дугу и вонзился Гиббонсу в челюсть.

Тот отлетел назад, точно теннисный мяч, отраженный ракеткой.

Макэвой, истративший на этот удар все имевшиеся силы, рухнул на спину.

Раздался взрыв.

Пламя, и металл, и стеклянное крошево взлетели в воздух

фейерверком.

Взрыв обратил Гиббонса в груды требухи.

Макэвой уже ничего не видел — ни огня, ни того, что тело убийцы изрешечено, исполосовано осколками, размазано по асфальту.

Он лежал на спине, глядя в свинцовое небо, и гадал, припасли ли эти тучи снега к Рождеству — для Ройзин и детей.

Эпилог

Проснись, проснись, проснись...

Стакан молока с корицей остывает на ночном столике доктора Меган Страуб, плотная пленочка твердеет на его нетронутой поверхности.

Слишком заряжен, чтобы отключиться. Слишком напряжен, чтобы расслабиться...

Она сидит в постели, читая с фонариком, чтобы не потревожить худощавого мужчину с азиатскими чертами лица, что дремлет рядом, — в самой большой спальне просторной квартиры на окраине Кейхли, в трех четвертях часа езды от клиники, где пациенты Меган крепко спят, будто насмехаясь над ее бессонницей.

Милость, читает она. Благодать, от латинского слова, означающего «товар»^[23]. Блага, имеющие цену.

Она хмурится, размышляя о торговой сути слова, означающего Божественное вмешательство. Разве благодать можно купить? Возможно ли, чтобы прошедшие столетия притупили понимание истинной природы этого понятия? Неужели есть способ повлиять на случайное, непостижимое распределение милостей Всевышнего?

От мыслей этих ей не по себе. Она смущена и растерянна, она не в силах ухватить смысл того, чему неведома логика. И что есть молитва, если не крик души, вызывающей об одолжении?

Доктор Страуб уже сомневается, что правильно поступила, взяв эту книгу. Наверное, не стоило трогать курган из бумажных обрывков у кровати Энн Монтроуз. Быть может, тот громила с кротким взглядом и краснеющий от любой малости вернется за ними?

Хотя от обнаженного мужчины рядом с ней исходит тепло, доктор Страуб ежится и плотнее укутывается в дорогое стеганое одеяло. Она опускает фонарик, чтобы лучше высветить оскверненные страницы священного текста. Пытается разобрать каракули и странные рисунки. Нет, надо отложить это дело в сторону.

Она медленно, точно гончарный круг, вращает книгу на своих коленях. В нагромождении яростных слов вдруг проступает смысл — даже в тех, что поначалу казались спутанной иероглифической скорописью. Доктор Страуб улыбается: годы работы с писаниной других врачей не прошли даром.

Молитва воистину благость. Но, взывая к богам, человек и сам

должен протянуть им руку помощи.

Она закрывает глаза, дабы прищипорить память. Знакомая цитата. Гиппократ? Точно. Клятва, что с давних пор освящает ее ремесло.

Доктор Страуб снова вглядывается в писанину. А вот еще нитка нанизанных слов.

О чем бы ни молил человек, он молится о чуде. Каждая молитва в сути своей такова: Великий Боже, пусть дважды два не даст в результате четыре.

Интересно, кто бы мог написать эти необычные слова — да с такой злобой и яростью, что ручка пропорола плотную бумагу.

Создатель, способный наградить раковой опухолью верующего в Него, не станет отвлекаться на чьи-то молитвы.

Доктор Страуб закрывает то, что осталось от книги.

Выспаться едва ли удастся. Даже странно, что ей пришло в голову забраться под одеяло. На самом деле ей нечего делать дома. Надо было остаться в клинике, дожидаться новостей. Сесть у постели Энн Монтроуз, держать ее за руку. Снова и снова убеждать ее открыть глаза...

Она уже была почти дома, когда позвонила медсестра, голос ее звучал очень взволнованно. Энн Монтроуз пошевелилась. Ее веки дрогнули, а лента регистратора подтвердила всплеск мозговой активности.

Сновидение? Доктор Страуб часто гадала, что именно видят ее пациенты. Что происходит по ту сторону их плотно сомкнутых век.

Интересно, счастлива ли Энн Монтроуз, — где бы она сейчас ни находилась. И сможет ли она когда-нибудь спросить об этом у нее самой? Сможет ли вообще поговорить с человеком, который вернулся с той стороны?

Меган Страуб сжимает зубы, до ноющей боли в скулах. Довольно предаваться праздным фантазиям. Но волнение ее все сильнее. Что-то внутри, не ведающее логики, уверяет, что еще до рассвета с Энн Монтроуз может произойти чудо.

Медленно, стараясь не разбудить спящего, она выскальзывает из постели и неслышно ступает по лакированным половицам. Выходит из спальни и направляется в гостиную — белые кожаные диваны и черно-белые снимки на стенах.

Включив висящий над полкой электрического камина плазменный телевизор, она поспешно убавляет громкость и пролистывает каналы. Часы в углу экрана показывают, что полночь далеко позади.

Доктор Страуб рассеянно читает бегущую строку новостной ленты круглосуточного канала. В Шотландии сотни домов остались без

электричества из-за сильного снегопада... Сотрудник полиции направлен в больницу с ранениями после взрыва автомобиля в зоне отдыха близ моста Хамбер. При взрыве, как сообщается, один человек погиб, нанесен ущерб административному зданию... Удостоенный боевых наград подполковник британской армии в отставке арестован на западе Йоркшира в ходе расследования гибели Дафны Коттон, убитой несколько дней назад в церкви Святой Троицы в Гулле. Представители следствия сообщают, что подполковник подозревается не в совершении самого убийства, а в сокрытии важных улик по этому и ряду других уголовных дел.

На высокой стопке книг вибрирует телефон. Опасаясь, что звонки разбудят спящего и она лишится драгоценных минут уединенных раздумий, Меган быстро хватается аппарат.

— Доктор Страуб? — раздается щебет в трубке. — Доктор, это Джули Хибберт. Простите, что так поздно беспокою, но мне думается, лучше сразу сказать вам...

— Ничего страшного, Джули, — чуть подрагивающим голосом отвечает она. Неужто все-таки очнулась?..

— Я насчет Энн Монтроуз, доктор Страуб.

— Да?

— По-видимому, это была случайная аномалия. Состояние Энн стабилизировалось. Вернулось к прежним параметрам активности мозга. Сердцебиение ровное. Уж не знаю, что это было, но она снова в коме.

Доктор Страуб благодарит ее. Кладет трубку на книги.

Откидывает голову на диванные подушки.

Закрывает глаза.

Чудо.

Примечания

Пер. Т. Щепкиной-Куперник.

Hull Kingston Rovers (*англ.*) — профессиональная команда регбистов из Гулля. — *Здесь и далее примеч. перев.*

От Wellington boots {англ.) — высокие сапоги.

Популярный телесериал в жанре вестерн производства канала CBS (1959–1966).

Отсылка к сатирической утопии Олдоса Хаксли «О, дивный новый мир!», где описано счастливое кастовое общество.

В Великобритании — организация, объединяющая живущих в сельской местности женщин.

Уильям Уилберфорс (1759–1833) — британский политик и филантроп, лидер движения за запрет работорговли.

Т. е. в темноте, окутывающей мифологическую реку Стикс, которая отделяет мир живых от царства мертвых.

Комедийная драма американского режиссера Майка Николса (1967).

Схематичное изображение всех возможных пересечений нескольких множеств, описанное в книге «Символическая логика» (1881) англичанина Джона Венна.

Ироничное прозвище, производное от имени «Хелен». Hell's Bells (англ.) — «адовы колокола».

Стенографическая система, разработанная в 1968 году британцем Джеймсом Хиллом и с тех пор входящая в программу обучения журналистов.

Популярные подростковые телесериалы.

Акт 1, сцена 3. Пер. М. Лозинского.

Персонаж серии мультфильмов «История игрушек».

Полицейский инспектор в форменном «котелке с шашечками», героиня одноименного телесериала производства BBC (1980–1985).

Англии с Шотландией.

Уильям Шетнер (р. 1931) — канадский актер кино и телевидения, певец и музыкант.

Одна из самых продолжительных «мыльных опер» в истории. Британский сериал, запущенный в 1960 году и транслируемый по сию пору

Графство Бронте — южная оконечность Пеннинских холмов на западе Йоркшира. Живя в этих местах, сестры Бронте создали ряд наиболее значительных своих произведений («Джейн Эйр», «Грозовой перевал», «Незнакомка из Уайтфелл-холла»).

От английского spark («искра»). Популярная собачья кличка и ходовое прозвище электрического стула.

Персонаж романа Эмили Бронте «Грозовой перевал».

На латыни «товар» — *mercis*, на английском *mercy* — благодать.